

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ ПСИХОЛОГИИ

На правах рукописи

Беляева Светлана Игоревна

**КЛИНИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
МАТЕРЕЙ ДЕЛИНКВЕНТНЫХ ПОДРОСТКОВ**

Специальность 19.00.04 – «Медицинская психология»

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата психологических наук

Научный руководитель:
доктор психологических наук,
профессор Щелкова Ольга Юрьевна

Санкт-Петербург
2015

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Глава 1. Аналитический обзор литературы	14
1.1. Роль матери в психологическом развитии ребенка.....	14
1.1.1. Концептуальные подходы к определению роли матери в психологическом развитии ребенка.....	14
1.1.2. Эмоционально-личностные особенности матери и ее отношение к ребенку.....	23
1.1.3. Влияние родительского отношения и стиля воспитания на формирование эмоционально-личностных и поведенческих особенностей ребенка.....	28
1.2. Факторы делинквентности подростков.....	36
1.2.1. Теоретические подходы к понятию «делинквентные подростки».....	36
1.2.2. Объективные факторы	42
1.2.3. Субъективные факторы	54
1.3. Психологические исследования родителей подростков с противоправным поведением.....	61
1.3.1. Психосоциальный статус.....	62
1.3.2. Индивидуально-психологические особенности.....	64
1.3.3. Клинико-психологические особенности.....	68
Глава 2. Материал и методы исследования	72
2.1. Организация и основные этапы исследования.....	72
2.2. Материал исследования.....	73

2.2.1.	Социально-демографические характеристики матерей.....	73
2.2.2.	Социально-демографические характеристики подростков	78
2.3.	Методы исследования.....	79
2.3.1.	Клинико-психологический метод.....	79
2.3.2.	Экспериментально-психологический метод.....	80
2.2.3.	Математико-статистический метод обработки данных.....	93
Глава 3.	Результаты клинико-психологического исследования матерей и их детей – подростков с делинквентным и нормативным поведением.....	94
3.1.	Результаты клинико-психологического исследования матерей	94
3.1.1.	Психосоциальные характеристики	94
3.1.2.	Соматический статус	101
3.2.	Результаты клинико-психологического исследования подростков	103
3.2.1.	Психосоциальные характеристики	103
3.2.2.	Соматический статус	114
3.3.	Сравнительный анализ психосоциальных характеристик матерей и подростков.....	120
Глава 4.	Результаты экспериментально-психологического исследования матерей подростков с делинквентным и нормативным поведением.....	123
4.1.	Результаты исследования эмоционально-личностных особенностей матерей	123
4.1.1.	Особенности эмоционального состояния.....	123
4.1.2.	Типологические особенности личности	126

4.1.3.	Уровень субъективного контроля (интернальность) личности.....	130
4.1.4.	Особенности восприятия собственной личности.....	132
4.2.	Результаты исследования взаимных оценок матерей и их детей-подростков	134
4.2.1.	Особенности восприятия личности подростка матерями.....	135
4.2.2.	Особенности восприятия личности матери подростками	137
4.3.	Результаты исследования особенностей восприятия стиля воспитания матерей подростками	141
4.4.	Результаты исследования взаимосвязи психологических особенностей матерей с восприятием их стиля воспитания подростками.....	147
4.5.	Результаты исследования особенностей взаимодействия матери и подростка в процессе совместной деятельности.....	153
	Заключение	160
	Выводы	178
	Литература	181
	Приложения	

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. В настоящее время преступность в России представляет одну из наиболее актуальных общественных проблем. По данным МВД, опубликованным на сайте Федеральной службы государственной статистики, уровень преступности в нашей стране к 2006 году достиг рекордно высоких показателей (3,85 млн. зарегистрированных преступлений в год) и, хотя, затем он пошел на спад, количество детей, втянутых в преступную жизнь, продолжает оставаться недопустимо большим (Регуш Л.А., Лихтарников А.Л., 2005; Михайлов А.П., 2006; Змановская Е.В., Рыбников В.Ю., 2011).

Вместе с этим, очевидно неблагополучие значительной части российских семей. Из данных Государственного доклада «Положение детей и семей, имеющих детей в Российской Федерации» видно, что 24,6% детей рождается вне брака; на 1 тыс. браков в среднем приходится 509 разводов. Таким образом, большая часть российских детей растет в неполных семьях, либо в семьях с биологически неродным отцом. Согласно многочисленным психологическим исследованиям (Королев В.В., 1992; Москвичева Н.Л., Реан А.А., 2008; Личко А.Е., 2013; Беличева С.А., 2012; Patterson G.R. et al., 1989; Wynau C., 2004; Henggeler S.W. et al., 2009; DeLisi M., Beaver K.M., 2012) психосоциальные нарушения в семье негативно влияют на стиль родительского воспитания, создают психотравмирующую ситуацию, что снижает адаптивные возможности подростка, делая его более склонным к противоправному поведению. При этом, в настоящее время в нашей стране не существует утвержденных программ психологической помощи семьям подростков с делинквентным поведением.

Сложившаяся ситуация отражена в Указе Президента РФ N 761 от 01.06.2012 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012 - 2017 годы», где в качестве мер, направленных на создание дружественного к ребенку правосудия, обозначена необходимость проведения научных исследований в области психологии девиантного поведения и разработки методов воздействия,

не связанных с применением наказания в отношении детей, совершивших правонарушения.

Означенная потребность в научно-обоснованном подходе к организации и проведению профилактической работы с несовершеннолетними правонарушителями и их семьями, основанной на психологической диагностике и ориентированной на своевременную адекватную психологическую помощь, определяет актуальность изучения психосоциальных и индивидуально-психологических особенностей матерей подростков с противоправным поведением, часто являющихся единственным родителем в семье, и разработки практических рекомендаций по психопрофилактической работе с ними.

Степень разработанности проблемы. В настоящее время психологи разных теоретических ориентаций сходятся в признании патогенного влияния нарушенных внутрисемейных отношений на психическое и нравственное развитие личности ребенка (Соколова Е.Т., 1995; Раттер М., 1999; Захаров А.И., 2000; Бартол К., 2004; Уэбстер-Страттон К., Герберт М., 2010; Малкова Е.Е., 2013; Hayman L. L. et al., 2002; Вупау С., 2004; Ungar M., 2006; Winterhoff M., 2011).

Опубликованные работы отечественных и зарубежных ученых (Кле М., 1991; Варга А.Я., 2001; Мухамедрахимов Р.Ж., 2001; Эйдемиллер Э.Г. с соавт. 2007; Личко А.Е., 2013; Мамайчук И.И., Смирнова М.И., 2010; Никольская И.М., Пушина В.В., 2010; Dreikurs R., Soltz V., 1992; Dixon L.B., Lehman A.F., 1995; Ginsburg G.S., 1995; Lyons-Ruth K., et al., 2002; Young J.E. et al., 2006; Farrell J.M. et al., 2014) указывают на то, что нарушения взаимоотношений в семье, деструктивный стиль воспитания ведут к возникновению и развитию расстройств поведения в детском возрасте.

Продолжают активно изучаться факторы, способствующие возникновению и формированию делинквентного поведения (Реан А.А., 1994; Дозорцева Е.Г., 2000; Горьковская И.А., 2005; Регуш Л.А., Лихтарников А.Л., 2005; Михайлов А.П., 2006; Федосеенко Е.В., 2007; Петрова А.Б., 2008; Скороцкий Ю.А., 2009; Чехова И.А., 2009; Змановская Е.В., 2011; Беличева С. А., 2012; Boswell G., 2000; Erikson E. H., 2003; Muncie J., 2009; Fröhlich-Gildhoff K., 2013; Rose J., 2014). Среди них

особое внимание уделяется семейным факторам. Следует отметить, что данные, основанные на официальной статистике, традиционно представляют, что преступники чаще выходят из семей, в которых родители либо в разводе, либо проживают раздельно (Ермаков В.Д., 1991; Королев В.В., 1992; Шестаков Д.А., 2003; Волохова М.Б., 2007; Реан А.А., 2008; Henggeler S.W. et al., 2009; DeLisi M., Beaver K.M., 2012). Однако, имеется ряд исследований, показывающих, что дети из семей с одним родителем, которым в нашей стране в подавляющем большинстве оказывается мать, относительно свободных от конфликтов, реже становятся преступниками, чем дети из конфликтных «полных» семей (Раттер М., 1987; Кондрашенко В.Т., 1988; Бартол К., 2004; Скроцкий Ю.А., 2009; Sprenkle D.H., 2002; Black D.W., 2013; Gorman-Smith D., Schoeny M., 2014). Поэтому первостепенное значение приобретает личность матери, воспитывающей своего ребенка.

В то же время, анализ литературы показывает, что самостоятельные исследования психологических особенностей матерей делинквентных подростков не проводилось. Роль матери в возникновении делинквентного поведения подростка фактически не изучена. В связи с этим, актуальным представляется сравнительное исследование, направленное на изучение индивидуально-психологических особенностей матерей, имеющих детей подросткового возраста с делинквентным и с социально адаптированным поведением. Знание этих особенностей может позволить более точно формировать психотерапевтические мишени и внести вклад в разработку программ психопрофилактической работы с семьями, воспитывающими подростков с делинквентным поведением.

Цель исследования – изучить индивидуально-психологические и психосоциальные особенности матерей подростков с делинквентным поведением.

Задачи исследования

1. Изучить психосоциальные характеристики и частоту встречаемости различных видов соматической патологии у матерей и их детей-подростков с делинквентным поведением.

2. Изучить особенности эмоциональной сферы, Я-концепции, типологические особенности личности и уровень интернальности матерей подростков с делинквентным поведением.

3. Проанализировать стиль материнского воспитания в восприятии его подростками (мальчиками и девочками) с нормативным и делинквентным поведением и его связь с индивидуально-психологическими особенностями матерей.

4. Изучить особенности взаимодействия (эмоциональный контакт, взаимопонимание, поведенческие характеристики) матери и ребенка в процессе выполнения совместной деятельности в группах социально адаптированных и делинквентных подростков.

5. Провести методами математического анализа оценку прогностической информативности отдельных психологических характеристик матерей подростков, впервые совершивших правонарушение, в отношении вероятности их последующей делинквентности.

6. Разработать практические рекомендации по психопрофилактической работе с семьями подростков-правонарушителей.

Объект исследования

Психологические особенности матерей подростков с делинквентным поведением.

Предмет исследования

Психосоциальные и эмоционально-личностные характеристики матерей делинквентных подростков, особенности взаимодействия и специфика восприятия их стилей воспитания подростками.

Гипотезы исследования

1. Существуют различия между эмоционально-личностными и психосоциальными характеристиками матерей делинквентных и социально адаптированных подростков; существуют различия в их соматическом статусе.

2. Существует взаимосвязь между индивидуально-психологическими особенностями матерей и восприятием стиля их воспитания детьми; эта связь отличается в группах подростков с делинквентными и нормативным поведением, а также – в подгруппах мальчиков и девочек.

3. Существуют особенности взаимодействия матери и ребенка в процессе выполнения совместной деятельности в группе матерей и подростков с делинквентным поведением по сравнению с группой матерей и подростков с нормативным поведением.

Теоретико-методологическая основа диссертации

В основу настоящего исследования положен комплексный междисциплинарный подход (Ананьев Б.Г., 2005) и подход системной детерминации и организации психики и поведения человека (Ломов Б.Ф., 1999), развитием которого является концепция психической адаптации и дезадаптации (Александровский Ю.А., 1976; Березин Ф.Б., 1988; Березин М.А., Вассерман Л.И., 2003), рассматривающая психическую адаптацию как целостную, многомерную (включающую физиологические, психологические и социальные компоненты) и самоуправляемую систему, а психическую дезадаптацию – как расстройство всей функциональной системы в целом. Системный подход реализован также в понимании личности матери как системы отношений (Мясищев В.Н., 2003) и ее родительского отношения – как многомерного корригируемого образования (Варга А.Я., 1986). В связи с этим в настоящей работе изучались соматические, индивидуально-личностные и психосоциальные характеристики матерей делинквентных подростков в контексте их взаимоотношений с детьми, родительскими семьями, супружескими отношениями.

Понимание психологических механизмов развития и становления личности ребенка в семье основано на теории семейных систем и системной семейной психотерапии (Эйдемиллер Э.Г., 2007; Никольская И.М., 2010; Bowen M., 1993; Minuchin S., 2013), а также на положении о влиянии стиля материнского воспитания на формирование личности ребенка (Захаров А.И., 2000; Last C. G., 1987; Lyons-Ruth K., 2002; Fromm-Reichman F., 2011).

Изучение роли матери в психологическом развитии ребенка проводилось в соответствии с концепцией материнства как социально-культурного и личностного образования (Мид М., 1988; Рамих В.А., 1997; Филиппова Г.Г., 2002), в возникновении противоправного поведения у ее ребенка – в соответствии теорией делинквентного поведения подростков (Королев В.В., 1992; Горьковая И.А., 2005; Личко А.Е., 2013; Беличева А.А., 2012; DeLisi M., Beaver K.M., 2012), дополненной современными представлениями о структурно-динамическом подходе к изучению делинквентности как формы девиантного поведения личности (Змановская Е.В., 2006).

Научная новизна исследования

1. Проведено комплексное клинико-психологическое и психодиагностическое исследование, направленное на выявление психосоциальных и индивидуально-личностных особенностей матерей подростков с делинквентным поведением в сопоставлении с соответствующими особенностями матерей социально адаптированных подростков (мальчиков и девочек).

2. Проведен анализ частоты встречаемости различных видов соматической патологии у матерей и их детей-подростков с делинквентным поведением, который показал наличие у них более частых, в сравнении с контрольной группой, заболеваний бронхолегочной системы и неврологических патологий, а также сходные поведенческие тенденции к употреблению табака и алкоголя. Анализ особенностей раннего развития делинквентных подростков выявил нарушения соматического (расстройства питания и сна) и эмоционального состояния (наличие детских страхов, повышенную агрессивность).

3. Выявлено, что подростки с делинквентным поведением воспринимают стиль воспитания своих матерей как жесткий, отвергающий, враждебный и непоследовательный. Делинквентные девочки более критично оценивают воспитательные позиции матерей, чем мальчики их группы. Установлена взаимосвязь между психологическими особенностями матерей и восприятием

стиля их воспитания сыновьями, различающаяся в группах делинквентных и социально адаптированных мальчиков.

4. Проведенный сравнительный анализ особенностей восприятия личности собственной матери подростками с делинквентным и нормативным поведением и их матерями позволил выявить тенденцию к межпоколенному негативному восприятию матерей в семьях подростков с делинквентным поведением, что открывает новые перспективы семейной психотерапии и психопрофилактики.

5. В ходе специально разработанной экспериментальной процедуры по выполнению совместной деятельности подтвержден факт нарушения системы детско-родительских отношений в диаде мать-делинквентный подросток.

6. Новыми являются полученные с помощью дискриминантного анализа данные о наиболее прогностически информативных эмоционально-личностных характеристиках матерей подростков, впервые совершивших правонарушение, в отношении их последующей делинквентности.

Теоретическая и практическая значимость исследования

Результаты исследования дополняют теоретические представления медицинской психологии об особенностях семей, имеющих детей с делинквентным поведением. Определено, что матери, часто являющиеся единственным родителем в таких семьях, как правило, имеют более низкий социальный статус, по сравнению с контрольной группой матерей, и значительные соматические и психосоциальные нарушения, усугубляющиеся высокой личностной тревожностью, импульсивностью, сниженной самооценкой, что ослабляет их адаптационные возможности и негативно влияет на стиль материнского воспитания. Совокупность этих факторов обуславливает стойкую психологическую деформацию семьи подростка-правонарушителя и способствует закреплению делинквентного поведения.

Полученные результаты экспериментально подтверждают теоретические представления о нарушении детско-родительских отношений в семьях с делинквентными подростками.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использовать разработанные практические рекомендации при оказании психологической помощи женщинам, воспитывающим подростков, совершивших правонарушение. Результаты исследования помогут психологу при организации психопрофилактической работы с семьями делинквентных подростков. Использование сформированного в ходе диссертационного исследования комплекса методов первичной диагностики психосоциальных, индивидуально-личностных особенностей матери и особенностей ее взаимодействия с ребенком позволит психологу осуществить ориентировку в характере проблем, связанных с личностью матери, специфике нарушений детско-родительских отношений, прогнозировать трудности при психологическом вмешательстве, повысить эффективность психолого-медико-социального сопровождения семьи.

Положения диссертации, выносимые на защиту

1. Матери подростков с делинквентным поведением, по сравнению с матерями социально адаптированных подростков, чаще характеризуются большей степенью неудовлетворенности актуальными условиями жизни, трудоустройства, взаимоотношениями в собственной и родительской семье, организацией досуга и низким уровнем дохода, неблагоприятным соматическим состоянием.

2. Матери подростков с делинквентным поведением, по сравнению с матерями социально адаптированных подростков, чаще обладают более высокой ситуативной и личностной тревожностью, импульсивностью, сниженным уровнем субъективного контроля личности и самопринятия. Среди характеристик личности матерей подростков, совершивших правонарушение, наибольший вклад в формирование делинквентного поведения вносят показатели «Нервно-психическая неустойчивость» и «Импульсивность», обладающие, также, наибольшей прогностической информативностью в отношении дальнейшей делинквентности подростков.

3. Стиль воспитания матерей делинквентных подростков, по сравнению со стилем воспитания матерей социально адаптированных подростков, чаще воспринимается их детьми как отвергающий, враждебный и непоследовательный.

При выполнении совместной деятельности матери и их делинквентные дети-подростки обнаруживают нарушения взаимоотношений на когнитивном, эмоциональном и поведенческом уровнях, что определяет мишени семейной психотерапии.

Апробация работы

Результаты исследования были доложены и обсуждены на заседании кафедры медицинской психологии и психофизиологии Санкт-Петербургского государственного университета, на научно-практических конференциях «Наука и образование как ресурс развития территории» (Филиал КГПУ им. В.П.Астафьева в г. Норильске, 4 апреля 2009 и 3 апреля 2010г.), научно-практической конференции «Ананьевские чтения – 2010: Современные прикладные направления и проблемы психологии» (СПбГУ, 19-21 октября 2010г.), V Международном конгрессе «Молодое поколение XXI века: актуальные проблемы социально-психологического здоровья» (г. Москва, 24-27 сентября 2013г.), научно-практической конференции «Ананьевские чтения – 2013: Психология в здравоохранении» (СПбГУ, 22-24 октября 2013г.).

Публикации

По теме диссертации опубликовано 15 работ, из них 3 – в изданиях, рекомендованных ВАК для опубликования результатов диссертационных исследований.

ГЛАВА 1. АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

В данной главе рассмотрена проблема влияния стиля воспитания и роли матери в формировании эмоционально-личностных и поведенческих особенностей подростков, представлены теоретические подходы к понятию «делинквентные» подростки, изучены факторы, обуславливающие формирование делинквентного поведения в подростковом возрасте, описаны психологические исследования родителей подростков с противоправным поведением.

1.1. Роль матери в психологическом развитии ребенка

В данном разделе рассмотрены психологические особенности личности матери, как фактор, обуславливающий специфику ее воспитательных воздействий и взаимодействие с ребенком.

1.1.1. Концептуальные подходы к определению роли матери в психологическом развитии ребенка

В настоящее время психологи разных теоретических ориентаций сходятся в признании патогенного влияния нарушенных внутрисемейных отношений на психическое и нравственное развитие личности ребенка (Кле М., 1991; Соколова Е.Т., 1995; Личко А.Е., 2013; Раттер М., 1999; Захаров А.И., 2000; Мухамедрахимов Р.Ж., 2001; Бартол К., 2004; Змановская Е.В., 2006; Эйдемиллер Э.Г. с соавт. 2007; Nauman L., et al., 2002; Lyons-Ruth K., et al., 2002; Ungar M., 2006; Winterhoff M., 2011). Среди причин, способствующих формированию патологических черт личности и девиантного поведения, особое внимание уделяют неправильным воспитательным позициям матери, за которыми стоят глубокие психологические проблемы, проявляющиеся, в том числе, и в ее отношении к собственному материнству.

Наиболее разработана тема влияния матери на формирование личности ребенка в рамках психодинамического подхода, где нарушения первичных

отношений рассматриваются как решающий фактор возникновения невротических состояний у человека в будущем. К таким нарушениям в психоанализе относят, прежде всего, страх отделения от матери, который может возникнуть уже в процессе рождения (Ранк О., 2009), а также страх утраты материнской любви (Фрейд З., 2009) или переживания опасности, когда грозит утрата матери как человека, обеспечивающего младенцу чувство комфорта, безопасности и эмоциональную привязанность (Боулби Дж., 2006).

Согласно концепции психодинамического подхода вообще, источник развития наиболее существенных нарушений структур личности следует искать в детстве и в родительской семье. К числу таких структур относятся, в частности, самовосприятие и самоотношение, играющие немалую роль в обеспечении эффективного функционирования личности. «В соответствии с принципом асинхронии психического развития, отмечается, что когнитивная и аффективная составляющие самоотношения развиваются не одновременно – ребенок значительно раньше начинает ощущать себя существом любимым или отвергнутым, и лишь затем приобретает способности и средства когнитивного самопознания» (Соколова Е.Т., Николаева В.В., 1995; с.47).

Выделяя в системе внутрисемейных отношений связи, максимально эмоционально насыщенные, Е. Т. Соколова определяет таковыми отношения между ребенком и матерью. «Материнское отношение – одобрение, принятие, привязанность, - словом то, что принято называть материнской любовью, становится первым социальным «зеркалом» для Я-концепции ребенка» (Там же; с.48). Последствием материнской депривации, по мнению автора, может быть развитие личности, для которой характерны повышенная тревожность, неуверенность, жажда любви и навязчивый страх потери объекта привязанности. Ш. Самюэльс отмечает, что «специфическое поведение родителей значительно менее важно, чем их установка, выражающая сердечность, постоянство, поддержку и одобрение присущей (ребенку) автономии» (цит. по: Соколова Е.Т., Николаева Н.Н., 1995; с.49).

По мнению Р. Ж. Мухамедрахимова (2001; с.76), «именно индивидуальные особенности ближайшего окружения, представленные в своеобразии параметров социального поведения и стимуляции со стороны матери, становятся первичным индивидуальным опытом младенца, его неотъемлемой частью, ложатся в основу зарождающейся личности». В данной работе автор анализирует многочисленные зарубежные экспериментальные исследования взаимосвязи индивидуальных особенностей матери и социального поведения младенца и делает вывод о том, что за последние годы получено значительное количество фактов, свидетельствующих о связи психологических характеристик матери, параметров ее поведения и поведения младенца по отношению к матери.

Обозначая важность личности родителей и «прежде всего, матерей, обладающих более выраженными личностными и невротическими изменениями по сравнению с отцами», А. И. Захаров (2000; с.138) дифференцировал психологические типы матерей детей с нарушениями поведения и соотносил их с основными параметрами неправильного воспитания, создающими патогенную для ребенка среду. К. Lyons-Ruth (2002) описывает поведение матерей, которые не могли обеспечить своим детям-младенцам теплого эмоционального контакта и тем самым оказывали психотравмирующее влияние, которое, по мнению автора, определило всю последующую жизнь этих детей.

Однако было бы неправильным ограничивать рассмотрение влияния матери на ребенка лишь младенческим периодом его жизни. Несмотря на появляющуюся и развивающуюся физическую автономность, ребенок продолжает нуждаться в эмоциональной поддержке, принятии и проявлении безусловной любви матери на протяжении всего периода становления его личности, что служит фундаментальной основой его развития. М. Кле (1991) описывает исследование выборки французских подростков, где отмечает, что у всех исследованных большее взаимопонимание всегда характеризовало отношения с матерью, чем с отцом, что особенно выражалось у девочек. При этом, эмоциональная связь с матерью обозначается автором как источник стабильности и безопасности подростка. Э. Эриксон (1996) также считает материнскую любовь и заботу

фундаментальной основой развития самоидентичности и доверительного отношения к другим. Ребенок обобщает свой ранний опыт отношений с матерью, в результате которого формирует «внутреннюю рабочую модель» (Плешакова Н.Л., 2008), которой пользуется для установления и предсказания развития отношений с другими людьми на протяжении всей жизни.

М. Раттер (1999) указывает, что искажения развития по типам «аффективной тупости» и «невротической личности» встречаются не только у лиц, в раннем детстве разлученных с матерью, но также и у тех, кто испытал влияние неправильных родительских установок. Также он делает акцент на то, что мать обеспечивает «базисное чувство защищенности», которое ложится в основу дальнейших взаимоотношений с людьми: «Не следует думать, что роль эмоциональных связей и привязанностей важна только на ранних этапах развития ребенка. Напротив, отношения в семье продолжают оказывать свое влияние, как на протяжении всего периода детства, так и в дальнейшей жизни» (Раттер М., 1999; с.164-165). Незрелость отношений привязанности между матерью и ребенком в дальнейшем преобразуется в стабильное отвержение ребенком собственного «Я», что, в свою очередь, может привести к глобальному отвержению мира социальных отношений и ценностей.

Таким образом, дефицит позитивных эмоциональных связей в семье затрудняет идентификацию с родителями, и это вынуждает ребенка искать образцы для подражания вне семьи, а поскольку у него еще недостаточно сформирован эмоционально маркированный образ «хорошего», то таким образом может стать любой человек, в котором ребенок найдет сопереживание и эмоционально позитивный отклик. Поэтому нередко его друзьями становятся лица с антисоциальным поведением, которые похвалили, поддержали, одобрили. Следовательно, незрелость или разрушение эмоциональных отношений с ближайшим семейным окружением, возникшее вследствие патогенных родительских установок, влияющих на отношение к ребенку, может рассматриваться в качестве причин развития пограничной личностной структуры.

Таким образом, согласно психодинамическому подходу, индивидуально-психологические качества матери, качество привязанности, которое формируется между матерью и ребенком, являются основополагающими не только для формирующейся личности ребенка, но и закладывают фундамент его будущих отношений с окружающими.

Открытая и описанная в трудах И. П. Павлова (2008) теория классического обусловливания легла в основу бихевиорально-когнитивного направления в психологии. В поведенческой психологии ребенок рассматривается как организм, который обладает приобретенным набором поведенческих реакций, а внешнее окружение является ключевым фактором формирования его личности (Skinner B.F., 1974).

Теория социального научения (Bandura A., 1989; Hayman L.L. et al., 2002) утверждает, что поведение человека формируется через наблюдение примеров поведения в различных ситуациях и подкрепление социально желательных форм поведения. Социально-когнитивная теория А. Bandura (1989) предполагает моделирование стиля поведения ребенка на основе наблюдаемых им примеров поведения. Наблюдая за поведением родителей и других членов семьи, ребенок может научиться быть как добрым и честным, так и агрессивным и лживым. В. А. Сухомлинский (1988) подчеркивал важность морально-нравственного воспитания ребенка, осуществляемого в родительской семье посредством собственного примера в поступках, чувствах и отношениях. Современные исследования также показывают, что сформированные родителями в детстве модели «здорового поведения» ребенка являются основой его ответственного отношения к своему здоровью в период взросления, включая не только здоровый образ жизни, но и отсутствие фактов рискованного поведения (Hayman L. at al., 2002).

Предложенное J. Rotter (1966) понятие «генерализованное ожидание», формирующееся на основе подкреплений, которые человек получал в той или иной ситуации, определяет, что задача родительской семьи – подкреплять (поощрять) те формы поведения ребенка, которые желательно у него выработать. Причем, по формуле автора, чем важнее формируемый потенциал поведения, тем

выше должна быть ценность подкрепления. Также J. Rotter (1982) обращал внимание на социальный контекст ситуации с точки зрения воспринимающего ее индивида, понимание которой может помочь в прогнозировании и коррекции поведения. D.Downes и P.Rock (2011), анализируя основные теории и статистику преступности в североамериканских и европейских странах, делают вывод о спаде уровня преступности за последние десятилетия в большинстве социально развитых обществ за счет воспитания у подрастающего поколения ценности социально-правовых норм общества.

Еще большее значение воздействию интеллектуальных процессов на поведение человека придает S.W. Duck (1979). С позиции когнитивной теории, конфликты и непонимание между родителями детьми вызваны различием интерпретации мира, так как родители и дети используют разные системы конструкторов и не понимают, как каждый из них воспринимает реальность. Способность увидеть мир глазами подростка дает возможность родителям помочь ребенку найти пути выхода из сложных ситуаций (Ungar M., 2006).

Таким образом, в бихевиорально-когнитивной психологии основной ролью матери является социальное научение ребенка. Данные теории дают возможность коррекции девиантного поведения через моделирование социально желательного поведения.

С точки зрения гуманистической психологии поведение человека мотивировано его интегральной потребностью развиваться и улучшаться (Maslow А.Н., 1987; Роджерс К.Р., 1994).

Признавая наличие и других потребностей, расположенных иерархически ниже потребности в самореализации, отмечается, что чем меньше ребенок, тем большее значение в удовлетворении его потребностей имеет семья. «Ребенок страстно хочет жить в атмосфере любви и заботы, в которой все его потребности удовлетворяются» (цит. по: Хьелл Л., Зиглер Д., 2006; с.491). Согласно этому подходу, делинквентное поведение подростка можно рассматривать как результат депривации и фрустрации его потребностей. Следовательно, задача матери – обеспечить удовлетворение как дефицитарных (связанных с физическим

выживанием), так и метапотребностей (потребностей развития) ее ребенка, при этом обеспечить ему свободу самоопределения. М. Winterhoff (2011) пишет о том, что взрослые часто создают иллюзию свободы своих детей, что блокирует их развитие, и призывает вернуть детям возможность истинно свободного «интуитивного поведения».

Формирующаяся через взаимодействие со значимыми другими структура «Я» ребенка дифференцируется и усложняется (Роджерс К.Р., 1994). Важным аспектом при этом является удовлетворение потребности ребенка в позитивном внимании. В рамках данного подхода «взрослым рекомендуется поощрять всякое проявление зрелого поведения, стремление подростка к самопониманию и преодолению трудностей. Такая положительная обратная связь не только закрепляет достигнутые успехи, но и является для молодого человека знаком того, что его одобряют, принимают и ценят, каковы бы ни были перемены, сопровождающие его возрастное развитие» (Бернс Р., 1986; с. 227).

Имеются работы, в которых изучалась роль матери в познавательном развитии ребенка. Исследования Р. К. Srivastava (1981) показали, что психологические особенности личности матери являются важным фактором, коррелирующим с состоянием интеллектуального развития ребенка. Исследование 100 матерей от 24 до 45 лет равных по образованию и социально-экономическому статусу с использованием 16-факторного личностного опросника Кэтелла выявило, что по сравнению с матерями нормативно развивающихся детей, матери обучаемых умственно отсталых детей значительно более замкнуты, эмоционально неустойчивы, напряжены, подозрительны. Изучение влияния личностных особенностей и демографических данных матери на стиль воспитания обнаружило, что состояние тревожности, а также депрессия, могут обуславливать практикующийся ограничительный стиль воспитания.

Исследование связи между педагогическими установками родителей и школьной успеваемостью детей М. С. Вахида (1996) показало, что высокий уровень теплоты в отношениях и любви, проявляемой матерью к детям, в установке принятие/непринятие, положительно коррелирует с высокой

успеваемостью, как у мальчиков, так и у девочек. Это свидетельствует, по мнению автора, о влиянии психологических характеристик матери на ее стиль воспитания и, как следствие, на процесс становления познавательной деятельности ее ребенка.

Очевидно, что каждый из представленных выше теоретических подходов обоснован и взаимно дополняет понимание роли матери в психологическом развитии ребенка. На каждом возрастном этапе развития ребенка мать оказывает на него уникальное, не заменяемое другими взрослыми влияние. Анализ общения матери с младенцем дает основание полагать, что «мать общается с ребенком не как с отдельным автономным существом, а как с диадой, которую она образует вместе с младенцем. По существу мать наделяет младенца мыслями и чувствами и общается с ним как с подлинным обладателем этих чувств и мыслей» (Асмолов А. Г., 2007; с.337). Именно мать посредством психологического «авансирования» личностных качеств ребенка осуществляет его первичную социализацию в обществе, закладывая основы его мировосприятия и восприятия самого себя, отношения и взаимодействия с окружающим миром. Не менее важной является система осознанных воспитательных мер и способов реагирования матери на поведение ребенка, а также ее безусловное позитивное внимание к нему.

Помимо этого, материнство как психологический феномен концентрирует в себе и транслирует следующим поколениям социокультурный опыт человечества. Г. Г. Филиппова (2001) анализирует многочисленные работы о влиянии материнского отношения и поведения на развитие ребенка и делает вывод о том, что институт материнства в истории человечества изменяется в зависимости от представлений о нем в данной конкретной культуре. При этом отказ от материнства, пренебрежение по отношению к детям и другие формы отклонения в материнском поведении, по мнению автора, существовали всегда и сопровождалась большим или меньшим чувством вины в зависимости от общественного отношения к ним. Так кросскультурные исследования показали, что в тех случаях, когда рождение ребенка противоречило социальным ожиданиям (внебрачность, помеха социальному статусу), женщины могли идти на

все, чтобы не рожать детей или избавляться от них различными способами. В современном обществе автор отмечает тенденции к негативному изменению представлений о ребенке и о роли матери: «ребенок рассматривается как докучливое, ненужное создание, которое стараются «отодвинуть» даже чисто физически» (Филиппова Г. Г., 2001; с.24).

На данный момент положение материнства в отечественной культуре неоднозначно. По мнению Е. В. Шамариной (2008) в последние два десятилетия в культуре России был практически потерян традиционный взгляд на предназначение женщины. Многие проблемы продиктованы сложным социально-экономическим положением в стране, но также они являются результатом осознанного отказа женщин от материнства. В настоящее время в связи с принятием государственной программы в поддержку материнства (Федеральный закон РФ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей») по данным Государственного доклада «Положение детей и семей, имеющих детей в Российской Федерации» (2012), констатируется улучшение демографической обстановки в России. Однако, продолжает оставаться актуальной проблема отказа от материнства: сознательное пренебрежение к детям, (огромное количество брошенных детей и беспризорников), с каждым годом увеличивающееся количество аборт, превышающее число рожденных.

Таким образом, исследователи проблемы нарушений взаимоотношений в диаде мать-ребенок разных научных направлений и теоретических ориентаций делают вывод, что прежде чем пытаться модифицировать отношение к воспитанию и практику воспитания детей, важно принять во внимание широкий круг факторов, связанных с личностью, социально-культурными и демографическими данными матери. Ниже рассмотрено влияние отдельных личностных характеристик матери на психическое развитие ребенка.

1.1.2. Эмоционально-личностные особенности матери и ее отношение к ребенку

Одной из важнейших характеристик отношения матери к ребенку является любовь. В. Франкл (1990; с.12) определяет любовь как «взаимоотношения на уровне духовного, смыслового измерения, переживание другого человека в его неповторимости и уникальности, познание его глубинной сущности».

Любовь матери к ребенку – особый вид любви, в основе которого лежат и физиологические аспекты, чему благоприятствует действие женских гормонов, и не менее важные эмоциональные аспекты. К эмоциональным аспектам любви К. Э. Изард (2012) относит радость и интерес. Радость социальна по своей природе, она вызвана фактом совместного бытия, фактом причастности к жизни и развитию ребенка, при этом любящая мать искренне интересуется своим ребенком и всем, что он делает. Результатом возникших у матери эмоций радости и интереса является безусловная любовь к ребенку, столь необходимая для профилактики возникновения депривационных нарушений развития в раннем возрасте и отклоняющегося поведения в детстве.

Многие литературные источники отмечают, что определенные личностные особенности матери дисгармонизируют ее отношение к ребенку. Большинство ученых сходится во мнении, что такой личностной особенностью матери является тревожность (Раттер М., 1999; Захаров А. И., 2000; Мэй Р., 2001; Щукина Е. Г., 2009; Малкова Е. Е., 2013; Фогт Р., 2013; Adler A., 1963; Bowlby J., 1978; Stern D. N., 2002).

Состояние тревоги коренным образом преобразует эмоциональную окраску взаимодействия матери и ребенка. Испытывая тревогу, мать переживает комбинацию негативных эмоций: страха, печали, стыда, гнева и вины, каждая из которых оказывает влияние на ее общее соматическое состояние, восприятие окружающего и конкретной воспитательной ситуации, ее мысли, поведение и, соответственно, взаимоотношения с ребенком. Тревожность, как черта личности, может исказить, или даже купировать естественные проявления материнской

любви, вплоть до появления в поведении матери деструктивных форм реагирования на собственного ребенка.

Анализ литературы позволил выделить следующие проявления материнской любви: привязанность, чувствительность к потребностям ребенка и эмоциональная доступность. Ниже рассмотрено влияние тревожности на проявления материнской любви.

Одной из важнейших особенностей материнской любви является привязанность матери к ребенку. Подтверждение важности устойчивого проявления привязанности матери к ребенку можно найти во многих источниках и уже описывалось выше. В работах J. Bowlby (1978), D. N. Stern (2002) показывается значение фактора устойчивой привязанности для здоровья и благополучия ребенка, приводятся результаты исследований, в которых изучалась взаимосвязь между характером материнско-детской привязанности и качеством адаптации ребенка в социуме, в которых доказывалось, что сформированное чувство привязанности к матери облегчает адаптацию ребенка и помогает ему обрести чувство уверенности и компетентности. Тревожные матери неадекватно проявляют привязанность к своему ребенку, причем своеобразие данного проявления привязанности зависит от особенностей эмоционального профиля в каждом конкретном случае тревоги.

В зависимости от степени чувствительности матерей к потребностям их детей и готовности удовлетворить эти потребности, формируется широкий диапазон отзывчивости – от назойливой опеки до полной безучастности. Адекватная отзывчивость необходима ребенку для его здоровья и благополучия. Когда мать испытывает чувство тревоги ее чувствительность к потребностям ребенка может как повышаться, так и снижаться, что, в конечном итоге, негативно влияет на формирование личности ребенка. М. Раттер (1999) отмечает, что тревога и страх матери могут быть причиной ограничения детей в их играх, поскольку она волнуется из-за того, что с ними может что-то произойти и это лишает детей возможности самореализации в ведущем для них виде деятельности. Проанализировав десятки современных исследований как

отечественных, так и зарубежных авторов относительно роли матери в развитии тревожности у ребенка, Е. Е. Малкова (2013; с.68) делает вывод, что «базисная тревога, порождаемая деструктивными импульсами со стороны матери, является основной движущей силой развития отклонений личности ребенка».

Еще одним проявлением материнской любви является эмоциональная доступность. Эмоциональная доступность – это не просто физическое присутствие или физическая близость матери, это ее готовность дать ребенку свое тепло, нежность и, в последствии, понимание, поддержку, одобрение, что рассматривается как адаптирующее поведение матери, обеспечивающее ребенку комфортную среду развития. Как отмечал Ф. Б. Березин (1988, с.14-15), состояние тревоги, «по интенсивности и длительности неадекватной ситуации, препятствует формированию адаптивного поведения, приводит к нарушению поведенческой интеграции, к возникновению вторичных (осознанных и неосознаваемых) проявлений, которые наряду с тревогой определяют психическое состояние субъекта». В состоянии тревоги ранее нейтральные стимулы приобретают значимость, привлекают внимание и придают таким стимулам отрицательную эмоциональную окраску, что может лежать в основе недифференцированного реагирования, описываемого, в частности, как раздражительность. Такая раздражительность матери значительно снижает ее эмоциональную доступность для ребенка, лишая его поддержки, столь необходимой как на протяжении всего детства, так и, безусловно, в подростковом возрасте (особенно при астеноневротической, сенситивной, лабильной, психастенической акцентуациях характера подростков).

Е. Fromm (2012) выделил два наиболее важных аспекта жизни ребенка: первый – забота и ответственность матери, которая обеспечивает ребенку жизнь; второй – установка, которая внушает ребенку любовь к жизни и дает ему почувствовать радость быть живым. Чтобы быть способной дать эту установку, мать должна быть не только хорошей матерью, но и счастливым человеком, т.к. материнская любовь к жизни сообщается ребенку также, как и ее тревога.

Таким образом, все описанные выше проявления материнской любви способствуют развитию у ребенка чувства доверия к окружающему миру, что в дальнейшем расширит круг социального взаимодействия ребенка и позволит ему ощущать себя благополучным, успешным и любимым, даст возможность переносить состояния фрустрации. Недостаток проявлений материнской любви, который может возникнуть вследствие выраженной личностной тревожности матери, способствует появлению у ребенка психосоциальной установки страха, подозрительности и опасений за свое благополучие, последствиями чего могут быть психологические нарушения развития.

Следующей характеристикой отношения матери к ребенку является принятие. Существует ряд исследований, в которых разработано концептуальное представление К. Роджерса (1994) о том, что если человек конгруэнтен, то появляется чувство принятия, уважения и ценности других, то есть, чем в большей степени человек принимает себя, тем выше вероятность, что он принимает других.

В исследовании G. Medinnus, F. Curtis (1963) подтвердилась гипотеза о том, что существует значимая положительная корреляция между самопринятием матери и принятием ребенка. Показатель материнского самопринятия был получен через различие показателей Я-реального и Я-идеального семантического дифференциала, показатель принятия ребенка – с помощью той же методики. Различие между материнской оценкой «мой ребенок в реальности» и «мой ребенок в идеале» было определено как степень принятия матерью своего ребенка. Результаты данного исследования подтверждают, что матери, которые принимают себя, гораздо чаще принимают своих детей такими, какие они есть (что является детерминантой безусловной любви), чем матери, не принимающие себя. Также, данные результаты позволяют предположить, что степень самопринятия ребенка может зависеть от того, в какой степени его мать принимает себя.

Исследование S. Coopersmith, описанное Л. Хьелл, Д. Зиглер (2006) подтверждает, что особенности характера родителей коррелируют с самооценкой

ребенка. Комплексное исследование развития самооценки у мальчиков 10-12 лет показало, что родители мальчиков с высокой самооценкой были более любящими и ласковыми. И наоборот, родители мальчиков с низкой самооценкой были более отчужденными и суровыми. Аналогичные данные были получены S. Hales применительно к девочкам и их родителям (там же).

Другие теоретики также предполагали, что отношение человека к себе отражается на отношении к окружающим. Е. Fromm (2012), в частности, утверждал, что любовь к себе и любовь к другим взаимообусловлены, а также, что нелюбовь к себе сопровождается существенной враждебностью к другим.

Важной характеристикой отношения матери к ребенку является чувство личной ответственности за происходящие с ними события. Это чувство возникает на основе локуса контроля личности, который определяет степень независимости, самостоятельности и активности человека в достижении своих целей. В работе Е.Ф. Бажина с соавторами (1993) отмечается, что локус контроля личности оказывает регулирующее влияние на многие аспекты поведения человека, играет важную роль в формировании межличностных отношений, в том числе в способе разрешения кризисных ситуаций семейного характера и определяется уровнем интернальности. Высокая интернальность коррелирует с положительной самооценкой, с большей согласованностью образов реального и идеального «Я», с уверенностью в себе, терпимостью по отношению к окружающим. Низкая интернальность взаимосвязана с высокой тревожностью что, как показано выше, негативно сказывается на воспитательных тенденциях матери.

С точки зрения рассматриваемой в настоящей работе проблематики, наибольший интерес представляют показатели общей интернальности и интернальности в семейных отношениях, которые отражают уровень контроля и локализацию ответственности матери за субъективно значимые ситуации, коими, безусловно, являются ситуации, связанные с воспитанием детей.

Р. В. Овчарова (1996) считает, что, организуя диагностику семьи, психолог часто вынужден более глубоко обследовать личность родителей, т.к. жалобы родителей часто имеют субъектно-объектную направленность – мать обращается

к психологу с запросом изменить какое-либо качество, которое ей не нравится в ребенке. Уровень субъективного контроля матери определяет, насколько она будет готова взять на себя ответственность за эмоциональную поддержку и адекватные коммуникации с ребенком в кризисные моменты, насколько активной и включенной будет при решении проблем семейного воспитания, неизбежно возникающих в подростковом возрасте. Это перекликается с идеей В.Н.Мясищева (2003) о том, что важнейшей характеристикой личности является система ее сознательных жизненных отношений и не конкретная ситуация приводит к нарушению развития, а отношение личности к этой ситуации.

Таким образом, эмоционально-личностные особенности матери являются фундаментальной основой ее отношения к своему ребенку, которое обуславливает весь ход воспитательного процесса, и, в конечном счете, имеет значительное влияние на формирование адаптивных или дезадаптивных форм поведения этого ребенка в обществе.

1.1.3. Влияние родительского отношения и стиля воспитания на формирование эмоционально-личностных и поведенческих особенностей ребенка

Центральной идеей многих отечественных (Фридман И. К., 1990; Захаров А. И., 2000; Варга А. Я., 2001; Кошелева А. Д., 2005; Плешакова Н. Л., 2008) и зарубежных (Brody S., 1956; Janus L., Naibach S., 1997; Nochauf R., 2013) авторов стало мнение о том, что формирование стиля воспитания родителя начинается уже на ранних этапах развития ребенка посредством проявления отношения к нему.

Исследования L. Janus, S. Naibach (1997) и R. Nochauf (2013) показывают, что уже в пренатальном периоде развития ребенка тяжелые обстоятельства жизни, попытки абортов матерью, пережитое ею насилие закладывают отвержение и враждебность к ребенку, которые проявляются в дальнейшем в процессе воспитания.

Ряд авторов (Фридман И. К., 1990; Кошелева А. Д., 2005; Плешакова Н. Л., 2008; Изард К., 2012; Lyons-Ruth K. et al., 2002; Stern D. N., 2002; Waters F., 2005)

делают акцент на том, что в постнатальном периоде грудной ребенок не является пассивным существом, который просто ждет удовлетворения своих физиологических потребностей. Напротив, он является активным субъектом взаимодействия с матерью. Характер реакций матери на сигналы ребенка, особенности материнского внимания определяют качество взаимодействия ребенка и матери.

Как отмечалось выше, любящая мать искренне интересуется своим ребенком и всем, что он делает. Результатом этого интереса становится взаимодействие между матерью и ребенком. Уже в возрасте нескольких недель младенец отвечает на активность матери. По описанию К. Изарда (2012; с.420), «если мать сидит напротив младенца, сохраняя отрешенное выражение лица, и не выказывает интереса к его активности, можно пронаблюдать определенные этапы в поведении младенца: сначала ребенок просто ждет, затем пытается вовлечь мать во взаимодействие и в конце концов «уходит в себя», как если бы был угнетен, или же демонстрирует явные мимические проявления гнева и печали».

Благодаря комплексу воздействий со стороны матери у ребенка формируется социально ориентированная активность, направленная на взрослого. Как отмечает А. Д. Кошелева (2005), формирование взаимодействия «мать-ребенок» зависит не только от характера аффективного поведения ребенка, но и от того, насколько мать эмоционально действенна в отношении ребенка. Через взаимодействие ребенка с матерью в детстве закладывается качество взаимодействия ребенка с окружающим – конфликтное или сотрудничающее, изолированное или интегрирующееся, активное или пассивное.

С возрастом, ребенок узнает различные типы поведения и их допустимость, наблюдая реакцию родителей на свои различные поступки. У него формируется степень близости и доверительности отношений с матерью, закрепляются поведенческие паттерны. Мать же, в свою очередь, привыкает определенным образом представлять себе своего ребенка, оценивать его особенности; складывается привычка общаться с ним в определенной манере. В качестве

маркеров, характеризующих процесс взаимодействия родителей и ребенка, И.К.Фридман (1990) выделяет четыре параметра.

1. Давление – физическое, с помощью голоса, выражения лица, ограничений. Давление связано с неограниченной властью взрослого над ребенком и пространством его жизни.

2. Однообразие, монотонность – тенденции к автоматизации родительского поведения вследствие частого стереотипного взаимодействия с ребенком.

3. Особенности темпоритма вербального и невербального взаимодействия взрослого и ребенка, их совпадение или дисгармонию.

4. Пластичность – умение взрослого приспосабливаться к разным состояниям ребенка.

Эти особенности матерью чаще всего не осознаются, но влияют на формирование определенного характера взаимодействия с ребенком и стиля воспитания. Проявляются данные характеристики в совместной деятельности, наблюдения за которой дают ценную информацию о невербальном уровне взаимоотношений и позволяют увидеть в режиме реального времени наличие декларируемой проблемы во взаимоотношениях родителя и ребенка и типичные для данной диады способы ее разрешения.

Еще S. Brody (1956), описывая типы материнского отношения, выделил четыре основных: поддерживающее, приспособительное, контролирующее и непоследовательное отношение. Самым «вредным» из них он назвал последнее, так как постоянная непредсказуемость материнских реакций лишает ребенка мира стабильности и провоцирует возникновение эмоциональных нарушений.

А. Я. Варга (1986) называет родительское отношение многомерным образованием, в структуре которого выделяет четыре образующих: интегральное принятие, либо отвержение ребенка, межличностную дистанцию, контроль и социальную желательность поведения. Каждая из этих образующих, в свою очередь, состоит из сочетания эмоционального, когнитивного и поведенческого компонентов. Автор делает акцент на том, что родительское отношение и родительское поведение не являются синонимами. Родительское отношение –

сложное образование, которое складывается из многих детерминант и определяет родительское поведение и стиль воспитания.

Большинство исследователей (Гарбузов В.И. с соавт., 1977; Кле М., 1991; Захаров А.И., 2000; Эйдемиллер Э.Г. с соавт. 2007; Личко А.Е., 2013; Мамайчук И.И., Смирнова М.И., 2010, Малкова Е.Е., 2013; Bateson G. et al., 1972; Last C.G., 1987; Dixon L.B., Lehman A.F., 1995; Ginsburg G.S., 1995; Young J.E. et al., 2006; Farrell J.M. et al., 2014) указывают на то, что деструктивный стиль воспитания ребенка ведет к возникновению и развитию расстройств поведения в детском возрасте. Ниже рассматриваются основные стили воспитания в родительской семье, выделяемые авторами различных концепций.

А. Л. Венгер определяет понятие «стиль воспитания» как «стиль взаимоотношений с ребенком в семье, характеризуемый степенью контроля, заботы и опеки, теснотой эмоциональных контактов между родителями и ребенком (эмоционально теплый – эмоционально холодный), характером руководства поведением ребенка со стороны взрослых (демократический – авторитарный), количеством запретов (ограничительный – попустительский) и т.п.» (Психология развития., 2005. С. 71). Здесь же автор отмечает, что стиль воспитания, считающий эмоциональную холодность с попустительством с высокой вероятностью приводит к девиантному поведению ребенка.

Описывая исследование влияния моделей родительской власти на поведение подростков, М. Кле (1991), акцентирует внимание на том, что подростки, воспитывающиеся в условиях демократического типа поведения родителей, «редко испытывают чувство заброшенности, отверженности». В то же время, оно характерно для половины тех, кто испытывает попустительскую или авторитарную модели родительского воздействия. «Здесь также много зависит от пола родителя, так как более часто причиной подобных чувств является авторитарная мать, нежели авторитарный отец» (Кле М, 1991; с.117). Приведенные автором исследования наглядно показывают, что воспитание, основанное на демократической модели, способствует постепенному развитию эмоциональной и поведенческой самостоятельности подростков, позволяя им

освоить навык принятия решений. Авторитарная и попустительская модели формируют у ребенка ощущение зависимости и отверженности, что приводит к эмоциональному дисбалансу и нарушениям поведения.

Для клинического подхода характерно исследовать те стили родительского воспитания, которые вызывают нарушения или отклонения в личности ребенка. Ряд исследований, посвященных изучению этиопатогенеза отклоняющегося развития, описывают психологические механизмы формирования аномалийных особенностей личности ребенка, среди причин которых особо выделяются нарушения семейных отношений. Так психологические исследования этиологии и патогенеза клинической депрессии, пограничных расстройств, тревожных расстройств, расстройств пищевого поведения, злоупотребления психоактивными веществами обозначают ключевую роль семьи пациента для понимания и лечения заболевания (Walsh F., Anderson C., 1987).

Из исследований шизофрении следует, что патогенным потенциалом обладают несколько видов нарушений взаимоотношений в семье (Kaschka W. et al., 1988). К ним относят эмоциональные нарушения, определенные J.A. Doane (1994) как «the affective style (AS) of parents» – аффективный родительский стиль, от которого зависит ремиссия или рецидив заболевания после лечения; коммуникативные нарушения, которые выражаются в патогенных стереотипах взаимодействий, названные «double-bind» – двойная ловушка (Bateson G. et al., 1972; Dixon L.B., Lehman A.F., 1995); ролевые нарушения: однополюсное распределение власти в семье, наличие симбиотических отношений между ребенком и родителем, эротизация отношений между родителями и ребенком (Lidz T., 1990). Данные исследования раскрывают специфику патогенного стиля воспитания «schizophrenogenic mother» – «шизофреногенной матери» (Fromm-Reichman F., 2011).

Разрабатывая проблемы лечения пограничных расстройств личности J.E. Young, J. S. Klosko, M. E. Weishaar (2006), J. M. Farrell, N. Reiss, I. A. Shaw (2014) обозначают основной их причиной дезадаптивные когнитивные схемы, возникающие в детстве как следствие дисфункциональных отношений между

ребенком и родителем. J.E. Young (2006) выделяет 18 ранних дезадаптивных схем взаимоотношений со значимыми людьми, закладывающиеся в детстве в пяти сферах: нарушение связей, автономия, границы, сверхбдительность и подавление эмоций, которые могут привести в дальнейшем к возникновению психической дезадаптации.

Изучая психопатии и акцентуации характера у подростков, А. Е. Личко (2013) выделил шесть типов неправильного воспитания: гипопротекция – недостаток опеки и контроля, истинного интереса к делам, волнениям и увлечениям подростка; доминирующая гиперпротекция – чрезмерная опека и мелочный контроль, не приучает к самостоятельности и подавляет чувство ответственности и долга; потворствующая гиперпротекция – недостаток надзора и некритическое отношение к нарушениям поведения у подростков (воспитание по типу «кумира семьи»); эмоциональное отвержение – ребенок ощущает, что им тяготеются (воспитание по типу «Золушки»); условия жестких взаимоотношений — суровые расправы даже за мелкие проступки, срывание зла на подростке и душевная жестокость; повышенная моральная ответственность — на ребенка возлагаются недетские заботы и завышенные ожидания. К другим типам неправильного воспитания автор относит воспитание «в условиях культа болезни» — болезнь ребенка, даже незначительное недомогание, предоставляет ребенку особые права и ставит его в центр внимания семьи; противоречивое воспитание – несовместимые воспитательные подходы различных членов семьи, предъявление ребенку противоречивых требований, а также воспитание вне семьи – когда в интернатах сочетаются чрезмерно строгий режим с жестокими взаимоотношениями среди сверстников и недостатком эмоционального тепла со стороны воспитателей. А. Е. Личко (2013) принадлежат слова о том, что только воспитание в гармоничной семье было и остается лучшим для становления личности, так как гармоничная семья способствует выработке у подростка «психологического иммунитета» к влиянию неблагоприятных подростковых компаний.

При исследовании возникновения неврозов у детей (Гарбузов В. И., Захаров А. И., Исаев Д. Н., 1977) было описано три типа неправильного воспитания: воспитание по типу А с жесткой регламентацией, контролем, чрезмерными требованиями; воспитание по типу Б со сверхзащитой и гиперсоциализацией ребенка; воспитание по типу В с представлением о ребенке, часто единственном, как центральной сверхценной фигуре в семье.

Роль семьи в развитии тревожных расстройств при патологии невротического уровня продолжает оставаться в центре внимания ученых (Эйдемиллер Э. Г., Юстицкис В., 2010; Малкова Е. Е., 2013; Fauber R. L., 1991; Sanders M. R., 1996). Результаты исследования G. S. Ginsburg (1995) показывают, что дети родителей с тревожной симптоматикой чаще страдают фобическими и тревожными расстройствами. С. G. Last (1987) особо подчеркивает роль тревожной матери в возникновении невротического расстройства у ребенка.

В процессе развития ребенка развиваются и его взаимоотношения с родителями. При этом дисгармоничное развитие некоторых черт характера ребенка может быть обусловлено особенностями семейных взаимоотношений. Недооценка родителями психологических особенностей детей может не только способствовать усилению конфликтности семейных отношений, но и приводить к развитию патохарактерологических реакций, неврозов, формированию психопатических черт характера.

Рассматривая особенности воспитания, учет которых наиболее важен при изучении этиологии непсихотических патологических нарушений поведения и отклонения личности детей и подростков, Э. Г. Эйдемиллер (2007) обозначает четыре основных критерия: уровень протекции в процессе воспитания; степень удовлетворения потребностей ребенка; количество требований, предъявляемых ребенку в семье; неустойчивость стиля воспитания. Автор отмечает, что нередко основную роль в нарушении воспитательного процесса играют особенности самих родителей. Ученый выделяет две группы причин: отклонения в личности самих родителей и их психологические проблемы, решаемые за счет ребенка.

Причем, акцентуации и расстройства личности родителей зачастую определяют нарушения в воспитании детей.

Перечисленные нарушения семейного воспитания могут встречаться в различных сочетаниях, но для анализа причин возникновения непсихотических психогенных нарушений поведения выделяются следующие устойчивые сочетания: потворствующая гиперпротекция; доминирующая гиперпротекция; повышенная моральная ответственность; эмоциональное отвержение; жестокое обращение; гипопротекция. В случаях обнаружения негармоничного типа воспитания, в качестве интегрального пути, предлагается выявить отклонения личности родителей, чтобы убедиться в том, что именно они играют решающую роль в возникновении нарушений, а затем направить внимание на осознание родителями взаимосвязи между особенностями своих личностных характеристик, типом воспитания и нарушениями поведения у подростка.

Также Э. Г. Эйдемиллер (2010) описывает психологические (личностные) проблемы родителей, решаемые за счет ребенка: расширение сферы родительских чувств, предпочтение в подростке детских качеств, воспитательная неуверенность родителя, фобия утраты ребенка, неразвитость родительских чувств, проекция на подростка собственных нежелательных качеств, вынесение конфликта между супругами в сферу воспитания, сдвиг в установках родителя по отношению к ребенку в зависимости от его (ребенка) пола. Отмечается, что в данной ситуации попытки разъяснительной работы, уговоров сменить стиль воспитания оказываются неэффективными и перед психологом встает задача выявить психологическую проблему родителя и помочь ему осознать ее, преодолев действие защитных механизмов.

Исследование И. И. Мамайчук, М. И. Смирновой (2010) показало, что в семьях детей и подростков с расстройствами поведения преобладает инфантильно-отвергающий стиль родительского отношения. Было выявлено, что родители детей и подростков с расстройствами поведения не только достоверно чаще испытывают раздражение и досаду по отношению к своим детям,

приписывают им дурные наклонности, но и не хотят нести ответственность за их воспитание.

Анализируя опыт мировой и отечественной системной семейной психотерапии, А. Я. Варга (2001) подчеркивает, что проблема патологического воспитания выходит далеко за рамки отношений родитель-ребенок. Для понимания причин возникновения проблем у самого родителя необходимо изучить не только актуальное состояние – семейные правила, стереотипы взаимодействия, но и семейную историю, семейные мифы. Поэтому для эффективной психотерапевтической работы следует изучить историческое прошлое семьи, как межпоколенной системы (Никольская И.М., Пушина В.В., 2010; Schwing R., Fryszer A., 2013).

Резюмируя выше сказанное, можно сделать вывод о том, что в настоящее время в различных психологических концепциях активно разрабатывается проблема влияния матери на психическое развитие ребенка раннего возраста. При этом подчеркивается важность этого взаимодействия в будущем (взрослом) человека, анализируются варианты его развития при различных типах привязанности. Однако возможно предположить, что мать все еще продолжает играть значительную роль и в кризисный период формирования характера – в подростковом возрасте. В случае отсутствия материнской поддержки, безусловной любви, подросток оказывается лишен «психологического иммунитета» к влиянию неблагоприятных факторов способствующих возникновению делинквентного поведения.

1.2. Факторы делинквентности подростков

В данном разделе представлены теоретические подходы к понятию «делинквентные» подростки, рассмотрены факторы, обуславливающие формирование делинквентного поведения в подростковом возрасте.

1.2.1. Теоретические подходы к понятию «делинквентные подростки»

Подростковый возраст – один из важнейших и одновременно очень сложных периодов в онтогенезе человека. «Развитие в подростковом возрасте

совершается не по прямой, а по очень сложной и извилистой кривой. В структуре личности подростка нет ничего устойчивого, окончательного и неподвижного. Все в ней – переход, все течет» (Л. С. Выготский, 1984; с. 242).

Нарушение социального поведения подростка может существенно повлиять на становление его личности. Особый пик таких нарушений, согласно исследованиям С. А. Беличевой (2012), приходится на так называемый маргинальный переходный возраст от детства к зрелости: подростки от 14 до 16 лет составляют большую часть рассматриваемых на комиссиях по делам несовершеннолетних. «Делинквентность обычно начинается со школьных прогулов и приобщения к асоциальной группе сверстников. За этим следует мелкое хулиганство, издевательство над младшими и слабыми, отнимание мелких карманных денег у малышек ..., «домашние кражи» небольших сумм денег, угон (с целью покататься) велосипедов и мотоциклов, драки со сверстниками, вызывающее поведение в общественных местах, реже – мошенничество» (А. Е. Личко, 2013; с. 39).

Иногда все эти нарушения поведения называют «девиантным поведением», однако девиантность – понятие более широкое. В «Психологическом словаре» (2009; с. 152) девиантное (отклоняющееся) поведение понимается как «действия, не соответствующие официально установленным или сложившимся в обществе (социальной группе) моральным и правовым нормам и приводящие нарушителя (девианта) к изоляции, лечению, исправлению или наказанию». Е. В. Змановская (2010; с. 86) определяет девиантное (от лат. *deviation* – отклонение) поведение как «устойчивое поведение личности, отклоняющееся от наиболее важных социальных норм, причиняющее реальный ущерб обществу или самой личности, а также сопровождающееся ее социальной дезадаптацией». В зависимости от способов взаимодействия с реальностью, нарушения тех или иных норм общества девиантное поведение разделяется на пять типов: делинквентное, аддиктивное, патохарактерологическое, психопатологическое, а также поведение на базе гиперспособностей (Гишинский Я. И., 2004).

В настоящей работе будет рассмотрен делинквентный тип девиантного поведения подростков, как «имеющий, в подавляющем большинстве, чисто социальные причины возникновения – недостатки воспитания, прежде всего» (Личко А. Е., 2013; с. 39).

Анализ литературы показал различия в определении делинквентности несовершеннолетних в психологии, социологии и юриспруденции. К. Бартол (2004) отмечает неточность и расплывчатость определения делинквентности несовершеннолетних, охватывающего широкий спектр действий, осуществляемых в нарушение закона и общественных норм в различных областях знаний. Так, социальная делинквентность включает различные действия несовершеннолетних, которые считаются недопустимыми в обществе: агрессивное поведение, прогулы, мелкое воровство, вандализм, употребление наркотиков. Oxford Dictionary (2014) определяет делинквентность как незначительные преступления, совершаемые молодыми людьми по социальным причинам. «Социальных делинквентов» отправляют в ювенальные суды (в России в комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав), и юридически они не считаются преступниками, пока суд не установит их виновность. Юридически делинквентность определяется как поведение, нарушающее Уголовный Кодекс, совершаемое лицом, не достигшим совершеннолетнего возраста.

Однако, в отечественной психологии традиционно принято различать криминальное (уголовно наказуемое) и делинквентное поведение подростков. В данной работе будет использовано психологическое определение делинквентности, предложенное А. Е. Личко (2013; с. 39), где под делинквентным поведением подразумевается «цепь проступков, провинностей, мелких правонарушений (от лат. *delinquo* – совершить проступок, провиниться), отличающихся от криминала, т. е. наказуемых согласно Уголовному Кодексу серьезных правонарушений и преступлений (так называемый докриминогенный уровень)».

Многозначность понятия «делинквентность» связана также с проблемой определения понятия «норма поведения», о котором Л. С. Выготский (2000)

писал, что оно принадлежит к числу самых трудных и неопределенных научных представлений, а также, что существуют переходные формы между так называемым нормальным (массовым, средним) и трудновоспитуемым ребенком всех типов.

Понятие «норма» является дискуссионным и в настоящее время. Исследования зарубежных ученых (Wakefield J.C., 1992; Bergner R.M., 1997; Klein D.F., 1999; Widiger T.A., Sankis L.M., 2000; Frances A., 2013) показывает, что современные определения «нормы» не являются совершенными, т. к. строятся либо на соответствии некоему точно неопределенному, зависящему от времени, места и культуры стандарту, либо на отрицании наличия ненормального (отклоняющегося от нормы). Oxford Dictionary (2014), например, определяет понятие «психофизическая норма» как «бесперебойное физическое и психическое функционирование организма», а «нарушение нормы» трактует как все то, что «не является нормальным или типичным, или отклоняется от нормы». В DSM-5 (Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders, Fifth Edition, 2013), в разделе «Расстройства поведения», эти расстройства характеризуются как поведение, нарушающее права других людей, либо основные социальные нормы. Если принять позицию медицины и определить, что нормальный человек – это здоровый человек, то эмпирически сложно выявить данную категорию так как, согласно определению понятия «здоровье» Всемирной организации здравоохранения (2014), это «не только отсутствие болезней и физических дефектов, но и состояние полного физического, социального и душевного благополучия». Трактовки понятия «норма» в психологии существенно различаются в зависимости от теоретического направления. Как крайний вариант – ортодоксальный психоанализ, с точки зрения которого психически нормальных людей не существует вообще, так как каждый человек пережил психотравмирующее событие уже при рождении (Rank O.; 2007), при этом на любой стадии развития ребенка возможно появление «динамической травмы» являющейся причиной невротизации (Freud S.; 2010).

Однако понятие «норма» является одним из ключевых для понимания сущности делинквентного (как варианта девиантного, отклоняющегося от нормы) поведения, поэтому в данной работе будет использована дефиниция, определяющая «норму поведения», как «такое сочетание личности и социума, когда она (личность) бесконфликтно и продуктивно выполняет ведущую деятельность, удовлетворяет свои потребности, отвечая при этом требованиям социума соответственно ее возрасту, полу, психосоциальному развитию» (Трофимова Н.М. и соавт., 2006; с. 17).

Возникновение делинквентного поведения в подростковом возрасте связано с процессами социализации, психической адаптации и дезадаптации. А. В. Мудрик (1997; с. 6) рассматривает социализацию как «развитие и самореализацию человека на протяжении всей жизни в процессе усвоения и воспроизводства культуры общества». Однако, Л. И. Божович (2009) отмечает, что нельзя рассматривать процесс социализации как усвоение только социально одобряемых «образцов» общественного человеческого опыта. Такие «образцы» могут быть продуктом негативного опыта, представлять собой ложные взгляды и принципы, устаревшие традиции, отрицательные качества личности.

С позиции концепции социализации, делинквентное поведение формируется у людей в среде, где в качестве социальной нормы представлены такие факторы, как насилие, аморальность, пьянство и т.п. (Беличева А. А., 2012). Под влиянием этих факторов происходит социализация детей и подростков, которые позже некритично воспроизводят образцы данного поведения. Однако, далеко не все подростки, испытывающие негативное влияние средовых факторов, совершают противоправные действия. Что дает одним детям «психологический иммунитет», невосприимчивость к неблагоприятным факторам среды даже в период пубертатного криза, когда нарушены психологическое и физическое равновесие ребенка, детские привычки разрушаются и появляются новые интересы? Почему в этих же условиях у других детей подростковые реакции, описанные А. Е. Личко (2013), принимают патологический характер?

Существуют различные теоретические подходы к объяснению данного факта. Анализ биологического, психологического и социального в личности несовершеннолетнего предполагает, прежде всего, рассмотрение соотношения этих факторов в процессе социального развития, формирования его личности. Попытку сопоставить соотношение биологического и социального на разных иерархических уровнях структуры личности в процессе ее онтогенеза в свое время предпринял К. К. Платонов (1986), показав, что соотношение этих факторов неодинаково в различных подструктурах. Косвенное влияние социального фактора на особенности биологической подструктуры не менее очевидно, как и влияние биологического на подструктуру направленности. «Существует кольцевое взаимодействие гормональной активности, созревания и психосоциальных факторов» (Кле М., 1991; с. 63). Поэтому можно утверждать, что делинквентность далеко не всегда связана с аномалиями характера, однако, при некоторых из этих аномалий, включая крайние варианты нормы, имеется меньшая устойчивость в отношении неблагоприятного воздействия непосредственного окружения, большая податливость пагубным влияниям.

Это положение согласуется с концепцией системной психической адаптации и дезадаптации (Александровский Ю. А., 1976; Березин Ф. Б., 1988; Березин М. А., Вассерман Л. И., 2003), которая интегрирует биохимические, физиологические, психологические направления исследований и выражает понимание единства механизмов биологического и психосоциального в возникновении психических нарушений.

Таким образом, делинквентное поведение подростка может рассматриваться как один из вариантов психической дезадаптации. В работе С. А. Беличевой (2012) предлагается, в зависимости от природы, характера и степени дезадаптации подростка, рассматривать патогенную, психосоциальную и социальную дезадаптации. Согласно данной классификации, делинквентное поведение может быть, как проявлением устойчивой или временной психосоциальной дезадаптации, так и следствием патогенной дезадаптации или социальной запущенности. Понятие дезадаптации, таким образом, тесно связано, но не

тождественно понятию делинквентного поведения и является скорее его причиной. Автор также отмечает, что социальная дезадаптация – процесс обратимый, и в задачи превентивных служб должны входить не только предупреждение отклонений в психосоциальном развитии детей и подростков, но и организация процесса ресоциализации – восстановления социального статуса, утраченных, либо не сформированных социальных навыков, переориентация на новые позитивно ориентированные установки.

Итак, делинквентное поведение подростков имеет свою специфическую природу и тесные междисциплинарные связи с понятиями «норма поведения», «девиантность», «социализация» и «психическая дезадаптация», дальнейшее изучение которых поможет глубже понять факторы, способствующие возникновению и формированию данного нарушения поведения. Традиционно в научных исследованиях принято выделять биологические, психологические и социальные факторы, однако в контексте данной работы представляется целесообразным дать другое представление о факторах делинквентности, разделив их на объективные (определяющиеся психосоциальными условиями развития личности) и субъективные (детерминирующие характер поведения человека на уровне психобиологических предпосылок, нарушающих его психическую адаптацию).

1.2.2. Объективные факторы

При изучении патогенного влияния психосоциальных факторов, их подразделяют на две группы: макросоциальные и микросоциальные (Клиническая психология ..., 2013). Первые рассматривают как факторы, обусловленные общественным строем, социально-экономической и политической структурой общества, а вторые – как отражение конкретных направлений общественной жизни человека, к которым в подростковом возрасте относятся такие микросоциальные группы как семья, коллектив школьного класса и референтная группа.

Макросоциальные факторы, где детерминантами являются социально-экономические, социально-культурные и социально-политические условия жизни,

вливают на процесс социализации подростков посредством формирования их правового сознания. По мнению А. П. Михайлова (2006), слабость власти, несовершенство законодательства, социальные катаклизмы и низкий уровень жизни являются макросоциальными условиями происхождения противоправного поведения.

Р. К. Мертон (2006) выдвигает гипотезу, согласно которой некоторым людям невозможно отказаться от делинквентного поведения потому, что в современном мире общественные блага распределяются несправедливо и неравномерно, и людям «отодвинутым в сторону» зачастую невозможно достичь желаемого легальным путем. Делинквентность, по мнению автора, также возрастает при низкой раскрываемости преступлений, когда у правонарушителей возникает ощущение безнаказанности.

Социальной причиной криминализации поведения конкретной личности Е.В. Змановская (2006) называет «склонность общества навешивать ярлыки». В этом случае формируется порочный круг антиобщественного поведения, когда за первым, возможно случайным, правонарушением подросток получает ярлык «преступника», что ведет к изменениям взаимоотношений в социальном окружении, накоплению негативного потенциала, в результате чего происходит следующее, более тяжкое правонарушение и т. д.

Социальному становлению подростков и профилактике правонарушений у нас в стране всегда уделялось пристальное внимание. В отечественной науке социализация традиционно является объектом междисциплинарного изучения социологии, психологии, педагогики, философии, культурологии. Вопросы жизненного самоопределения подростков, причин противоправного и криминального поведения изучались и описывались российскими учеными, начиная с В. М. Бехтерева, П. П. Блонского, Л. С. Выготского (Буторина Т. С., Михашина А. С., 2007) и заканчивая современными исследованиями И. А. Горьковой (2005), Л. А. Регуш (2005), А. П. Михайлова (2006), Ю. А. Скроцкого (2009), Н. Л. Москвичевой, А. А. Реана (2008), Е. В. Змановской, В. Ю. Рыбникова (2011), С. А. Беличевой, (2012) и многих других.

В этой связи представляет интерес общепризнанное в отечественной литературе определение Г. М. Андреевой (2004; с.269), согласно которому «социализация – это двусторонний процесс, включающий в себя, с одной стороны, усвоение индивидом социального опыта путем вхождения в социальную среду и систему социальных связей, с другой стороны – это процесс активного воспроизводства системы социальных связей за счет его активной деятельности и активного включения в социальную среду».

Таким образом, социализация, как процесс, происходит под влиянием разных факторов. Так, многочисленные современные опросы, детей и молодежи, показывают, что за последние десятилетия произошло сужение «подросткового пространства» городов и поселков (Гиль С. С., 2004). Снижение воспитательного воздействия общества на процесс социализации детей приводит к серьезным последствиям: росту асоциальных подростковых групп, увеличению числа детей с девиантным поведением, употребляющих алкоголь и наркотики, массовой безнадзорности несовершеннолетних (Регуш Л. А., Лихтарников А. Л., 2005). По мнению В. С. Собкина (1998), социализация современного подростка в России протекает в ситуации ценностно-нормативной неопределенности, когда в обществе размыты нравственные приоритеты и деформированы механизмы передачи моральных ценностей от старшего поколения к младшему. Такая ситуация еще более, чем в социалистический период с его закрепленными нормами поведения членов общества, определяет ведущее положение семьи, родителей в процессе становления личности ребенка. Исследование А. П. Михайлова (2006) показывает, что в России на протяжении ряда лет сохраняется тенденция криминализации молодежной среды и расширение делинквентных практик несовершеннолетних. Автор связывает это с изменением статуса детства в современном мире, как у нас в стране, так и в других, в том числе высокоразвитых обществах, что позволяет рассматривать проблему подростковой делинквентности в цивилизационном контексте, выявляя криминогенный потенциал модернизационных процессов в сфере социализации.

Проблемы влияния общества на подростковую преступность также активно разрабатываются в зарубежной социологии, психологии, криминалистике и юриспруденции. Так в США во всех университетах читается курс «Juvenile Delinquency» (Молодежные правонарушения), где особо рассматриваются вопросы социокультурных особенностей организованных преступных подростково-молодежных группировок, пресечения и предотвращения воспроизводства криминальной деятельности и агрессии в подростковой среде (Reynolds M., 1995; Boswell G., 2000; Erikson E. H., 2003).

Анализируя молодежную преступность в Великобритании и международное молодежное право J. Muncie (2009) делает вывод о природе антиобщественного поведения молодежи, рассматривая его как ответ на институциональное насилие – «antisocial behaviour orders» (ASBOs). J. Rose (2014) отмечает тенденцию последних лет к увеличению количества молодых людей, приговоренных к долгосрочному пребыванию под стражей.

Таким образом, макросоциальные факторы делинквентности можно отнести к фоновым условиям, при которых формируется направленность личности, мировоззренческие и аксиологические установки, правовое сознание и противоправная мотивация.

Микросоциальные факторы формирования делинквентного поведения включают в себя, как уже было обозначено выше, такие основные сферы жизнедеятельности подростка как семья, коллектив школьного класса и референтная группа.

Отечественные психологи зачастую основной акцент делают на значимости социальной микросреды, в которой растет и развивается ребенок. По мнению Л. С. Выготского (2000), поведение ребенка во-многом определяется воспитанием, а воспитание – той культурной средой, в которой формируется личность. А. В. Петровский (1996) также указывает, что на адекватность поведения влияет среда, окружающая ребенка в процессе его развития, отмечая при этом, что именно в ближайшем окружении формируется способность или неспособность индивида «быть личностью».

Принято считать, что причины нарушений в поведении и развитии ребенка могут лежать либо в особенностях отношений родителей к ребенку и стиле их воспитания, либо в искажениях внутренней логики саморазвития ребенка, либо в неправильно протекающих процессах отношений между детьми и родителями, либо в комбинации этих факторов (Семья в психологической консультации ..., 1989). В отечественной психологии традиционно в понимании механизмов формирования делинквентного поведения ведущее место отводится социальным прижизненным факторам: воспитанию, обучению, влиянию среды. Так В. Н. Кудрявцев (2007) считает, что преступная карьера, как правило, начинается с плохой учебы и отчуждения от школы (негативно-враждебного отношения к ней). Затем происходит отчуждение от семьи на фоне семейных проблем и «непедагогических» методов воспитания. Следующим шагом становится вхождение в преступную группировку и совершение преступления. По данным автора, 60% профессиональных преступников начали этот путь в шестнадцатилетнем возрасте.

Семья является естественной и необходимой сферой жизни подростка и формирования его личности. Подростковый возраст при этом характеризуется стремлением к поведенческой автономии от родителей (Петровский А. В., 1996). В старших классах подростки стремятся сами решать многие вопросы, связанные с повседневной жизнью: выбор друзей, форм проведения досуга, стиля одежды и т. д. Но, в то же время, в более серьезных сферах, таких как профессиональное образование, они ориентируются на мнение родителей (Гиль С. С., 2004). Стремление к самостоятельности связано не с отрывом от семьи, а с принятием новой роли и нового статуса в мире взрослых. Семья становится первой площадкой для апробации и защиты подростком своих позиций. Благоприятные взаимоотношения с родителями, понимание и поддержка матери и отца важны не менее, чем общение со сверстниками. В то же время, как указывает С. А. Беличева (2008), в России около половины браков 30-40 летних людей заканчиваются разводом, и в большинстве этих семей имеются дети подросткового возраста.

Б. Б. Грюнвальд, Г. В. Макаби (2008) делают акцент на проблеме лишения современной семьи того времени, когда ее члены могут общаться друг с другом. Родители зачастую, делая выбор между своим удобством и правильным воспитанием детей в пользу первого, не осознают, что дети моделируют свое поведение по образу поведения своих родителей и не понимают, когда что-то дозволено родителям, но не дозволяется им. Такие дезадаптивные модели поведения могут переноситься в другие сферы жизнедеятельности подростка вызывая нарушения во взаимоотношениях со сверстниками и взрослыми. J.Stimson и A.Stimson (1987) считают, что все аспекты поведения подростка обусловлены теми нормами, которые прививаются ребенку прежде всего в родительской семье и любое поведение, нарушающее эти нормы, может быть рассмотрено как отклоняющееся поведение, однако важным является и значимость нормы, которая нарушается.

Исследование взаимоотношений подростков и родителей, проведенное в Западно-Сибирском регионе коллективом ученых Университета Грайсфальда (Германия) и Омского государственного педагогического университета (Животовская О. В., 2000), показало, что лишь 44% подростков открыто общаются с родителями. 14% опрошенных подростков сообщили, что, нуждаясь в родителях, могли лишь редко (или никогда) рассчитывать на их внимание.

Собственно эффект «воспитания неправильного поведения» развивается в результате складывающегося в определенных семьях постоянного неприятия и игнорирования родителями интересов ребенка (Петрова А.Б., 2008). В результате, «способы неправильного поведения» начинают занимать особое место в представлениях подростка о жизни и адаптивных способах поведения, а правонарушения становятся привычной формой жизни. В. С. Мухина (2012) не отрицая, что личность и способы ее поведения формируется при участии и под воздействием социума, подчеркивает значимость роли матери в этом процессе, аргументируя это тем, что именно отношения с матерью является первым объектом идентификации ребенка, что особенно важно, если ребенок воспитывается в неполной семье.

Обобщая результаты собственных многолетних исследований, R. Dreikurs (1992) разработал классификацию, согласно которой любое отклоняющееся от нормы поведение детей может быть отнесено к одной из четырех категорий в соответствии с тем, что ребенок хочет получить в итоге: внимание родителя, власть над родителем, месть родителю или помощь (при симуляции беспомощности). Помимо классификации, автором предлагаются маркеры – чувства и непосредственные реакции родителя в ответ на поведение ребенка, для распознавания и дифференциации целей нарушения поведения ребенка, а также система коррекционных мероприятий со стороны родителей.

Анализируя изменения динамики и структуры личности подростка, Л. С. Выготский (1984) делает вывод, что развитие самосознания зависит от культурного содержания среды так значительно, как никакая другая сторона душевной жизни. Дети, при этом, отражают в самооценках моральный уровень собственной семьи. Характер и способ, каким ребенок сознает собственное существование и деятельность, в высокой степени зависят от того, как рассматривают и оценивают себя его родители. Оценочные масштабы взрослых становятся масштабами самого ребенка. Конкретизируя данный вывод, можно заключить, что отклонения от нормы в сфере моральных суждений и поведения у делинквентных подростков связаны с негативными факторами микросреды и, особенно, с воспитательными воздействиями родителей.

Таким образом, дети из семей, в которых наблюдаются дезорганизация и нестабильность, неадекватный контроль со стороны родителей и конфликты, а также плохие отношения между родителями и детьми, оказываются более предрасположены к психологическим и, как следствие, поведенческим расстройствам, чем дети из семей, в которых обычной является безопасная и взаимно доброжелательная обстановка. Личностные качества ребенка, сформированные в родительской семье, являются фундаментом для построения межличностных отношений с представителями его ближайшего социума.

Школа – важнейшая инстанция социализации и одно из мест, где молодые люди проводят большую часть своего времени. Школа не только значительно

влияет на актуальную жизнь подростка, но и определяет его дальнейшие социальные перспективы. Начиная с 2000-х годов, в результате увеличения сроков обязательного школьного обучения (9 классов – основное среднее образование и 11 классов – общее среднее образование) и количества изучаемых предметов, увеличилась продолжительность посещения школы подростками, что, с одной стороны, повышает качество образования выпускников, но с другой – усиливает инфантилизацию подростков, откладывая их вступление во взрослую жизнь. Как отмечает В. В. Борзых (1987), в условиях научно-технического прогресса и высокого образовательного ценза вступление человека во взрослую трудовую жизнь затягивается, откладывая и процесс нравственного становления.

Школьный статус формируется из показателей академической успеваемости и взаимоотношений с педагогами и одноклассниками. Существует связь между проблемами школьного обучения и преступностью несовершеннолетних. Ряд исследований (Королев В.В., 1992; Шиханцов Г.Г., 2006; Васильев В.Л., 2009; Савина Н.Н., 2006; Райс Ф., Долджин К. 2010) отмечают, что подростки с делинквентным поведением чаще показывают неудовлетворительную успеваемость. Это связывается не только с возможными проблемами в интеллектуальном развитии, незрелостью эмоционально-волевой сферы, но и с негативным семейным воспитанием, несформировавшим к моменту поступления в школу у ребенка социально желательный образ учащегося, позитивную мотивацию учебной деятельности, что приводит в дальнейшем обучении к разрыву между системой внешних требований, связанных с учебой и внутренними потребностей в самореализации через учебную деятельность. Резюмируя проведенные в США многочисленные исследования, Ф. Райс и К. Долджин (2010) делают вывод о корреляции противоправного поведения подростков с плохой успеваемостью и общим отставанием в школьной программе.

Также часто отмечаются нарушения взаимоотношений делинквентных подростков в школе как с учителями, так и с одноклассниками, что в совокупности влечет за собой невозможность занять желаемое положение в классе, статусную неудовлетворенность, приводит к неприязненному, и даже

враждебному, отношению к школе, прогулам и, в конечном итоге, к неаттестации по учебным предметам, конфликтным ситуациям. Х. Ремшмидт (2013) связывает школьные конфликты подростков с четырьмя основными факторами: успеваемостью, адаптацией, авторитетом и автономией. В связи с не выполнением требований к успеваемости и поведению возникают конфликты с педагогами. Конфликты с одноклассниками чаще возникают в межличностных ситуациях отстаивания собственного авторитета и автономии. По данным автора, до 40% амбулаторных посещений психиатра в подростковом возрасте связаны со школьными проблемами. R. Dreikurs (1998) констатируют, что дезорганизованная классная и школьная среда (где правила выполняются частично или не всегда, отсутствуют внеурочные программы и есть проблемы с дозированием учебной нагрузки) является патогенной, провоцирующей возникновение правонарушений. Исследования показывают, что подростки-правонарушители испытывают больше конфликтов в любых взаимоотношениях, по сравнению с социально адаптированными подростками, что снижает качество и стабильность их дружеских связей со сверстниками (Райс Ф., Долджин К., 2010).

Невозможность удовлетворить потребности в эмоциональной близости, уважении, признании ни в семье, ни в школьной среде приводит подростков к поискам референтной группы среди сверстников с аналогичными проблемами. D. Gorman-Smith, M. Schoeny (2014) обращают внимание на то, что антисоциальная молодежь чаще, чем социализированная, имеет близких друзей за пределами школы. Знакомство обычно происходит в социальных сетях, поскольку подростки в таких компаниях практикуют рискованное поведение, запрещенное в пределах школы.

Референтная группа часто становится основным механизмом социализации подростков, так как именно она позволяет не только удовлетворить их ведущую потребность в общении, но и дает возможность самоутвердиться. В подростковом возрасте наряду с адаптацией осуществляется активная индивидуализация и интеграция подростка в группу сверстников. Индивидуализация подростка может проявляться в форме самоутверждения, которое может иметь положительное

влияние на процесс и результаты общественной и учебной деятельности, но может иметь и негативный вектор – вплоть до правонарушения.

По мнению А. В. Петровского (1996), формирование адекватного поведения подростка, зависит от его способности быть личностью, что в свою очередь определяется той средой, в которой происходит развитие ребенка, посредством общения и ориентации на значимых людей. Когда значимыми людьми для подростка становятся друзья из криминальных группировок, он перенимает, калькирует не только их внешний облик, речь и манеру поведения, но и ценностные установки, идеалы и устремления.

Особенно опасны ситуации, когда во главе подростковых группировок становятся взрослые «криминальные авторитеты». В. Е. Эминов (2011) отмечает, что попав в организованную преступную группу, подросток получает техническое обучение, психологическую и материальную поддержку, престиж. Совершая правонарушение, одобряемое его окружением, подросток повышает свой статус в группе потому, что увеличивается его криминальный опыт и другие становятся свидетелями его действий. Таким образом, с каждым новым безнаказанным правонарушением повышается статус в референтной группе, эмоциональное удовлетворение и закрепление криминального поведения.

До недавнего времени было принято считать, что состав подростковых криминальных группировок преимущественно юношеский, однако исследование Н. Efgley показывает, что 1/3 банд в США составляют девушки, которые часто вступают в эти группировки, чтобы реализовать потребность в общении (цит. по: Райс Ф., Долджин К., 2010). В отечественных исследованиях такой сравнительной информации не обнаружено.

Также необходимо помнить, что подростковое стремление найти свое «Я», определить границы своих возможностей, утвердить себя в среде сверстников нередко находит выражение в поведении, связанном с рисками. Б. М. Мастеров (1994) выделяет два типа рисков, проявляющихся в жизни подростков: физический риск как форма самоутверждения собственного существования и проверка возможностей своего тела, и социальный риск – степень оценки

негативного развития подростка, связанная с отвержением подростком традиционных ценностей общества. При этом, социальные риски понимаются как крайне разнообразная схема личностных рисков, которым подвергает себя подросток в сфере социальных отношений, пытаясь занять или отстоять определенную позицию. Истоки формирования социальных рисков определяются естественным стремлением ребенка завоевать внимание и признание окружающих любыми способами. Добиваясь своей цели социально неприемлемыми, внеправовыми способами, подросток демонстрирует неудовлетворенность собственным положением.

А. Б. Петрова (2008) отмечает, что симптомы делинквентности и базовые проблемы, порождающие ее, часто путаются между собой. Предрасположенность к делинквентности не является окончательным результатом, полученным с рождения, а во многом определяется эмоциональными отношениями, теми, которые предоставляет ребенку окружающая среда с первых дней жизни. Плохая компания и влияние улицы – не внутренние причины делинквентности, а прямые или косвенные внешние провокации.

Это перекликается с идеей Б. Ф. Ломова (1999) о том, что на усвоение социального опыта личностью немалое влияние оказывает процесс, названный им «самодетерминацией», заключающейся в активном избирательном отношении личности к нормам и ценностям своего окружения, к способности личности выбирать окружение, вид деятельности, образ жизни и этим определять свои личностные изменения, способность к самосознанию, рефлексии, самовоспитанию, коррекции своего поведения и личностных качеств.

Рассматривая нарушения психосоциального развития подростков, проанализированные В. С. Мухиной (2012) в контексте теории деятельности А. Н. Леонтьева, Д. Б. Эльконина, А. В. Запорожца, можно отметить, что ведущая деятельность в пубертатном периоде имеет такие компоненты, как интимно-личностное общение и учебно-профессиональная деятельность. Выделяются три ключевых ситуации «деятельностных деформаций», которые являются базовыми основаниями отклоняющегося поведения подростков.

Во-первых, это ситуация, когда ведущая в младшем школьном возрасте учебная деятельность в своей традиционной форме остается актуальной и в отрочестве. Последствиями могут стать подмена учебно-профессиональной деятельности деятельностью учебной, а также невозможность включения подростка в полноценное интимно-личностное общение со сверстниками. В этом случае социальная функция отрочества, как стадии интеграции детства и адаптационной ступени зрелости, не реализуется.

Во-вторых, это ситуация, когда подросток на предшествующих этапах развития не отработал в необходимой мере «игровой период», и игра выходит на первый план и становится ведущей деятельностью в отрочестве. Фиксация подростка на игровой деятельности не только мешает становлению его интимно-личностного общения со сверстниками и взрослыми, но и предопределяет как бы «тупиковое» развитие учебной деятельности, неспособной превратиться в деятельность учебно-профессиональную. «Игровая» мотивация может стать причиной не только серьезных правонарушений, но и уголовных преступлений несовершеннолетних.

В-третьих, это ситуация, когда ведущая многоплановая развернутая деятельность оказывается деформированной в связи со сложившимся по тем или иным причинам дисбалансом интимно-личностной и учебно-профессиональной ее сторон (Кондратьев М. Ю., 2006). Следовательно, согласно теории деятельности, делинквентное поведение может являться следствием деформации, нарушения «деятельностной линии» онтогенеза.

Итак, исходя из основных психосоциальных факторов, можно выстроить общую схему процесса криминализации подростков в социуме, который начинается с нарушений во взаимоотношениях в родительской семье, трудностями и неудачами в школе, происходящими на фоне упадка идеологических ценностей общества, и заканчивается сближением с делинквентными сверстниками, приобщением к противоправным действиям.

1.2.3. Субъективные факторы

К субъективным факторам делинквентного поведения относят психобиологические предпосылки и индивидуально-психологические особенности личности подростков-правонарушителей.

В психологической и криминалистической литературе к психобиологическим предпосылкам противоправного поведения подростков относят различные патологии в развитии организма и психики, имеющие как наследственный либо врожденный характер, так и возникающие под влиянием неблагоприятных условий жизнедеятельности индивида (Беличева С. А., 2012). Следует особо подчеркнуть, что осуществить строгий междисциплинарный анализ генезиса делинквентного поведения сложно. Г. А. Аванесов (2011) отмечает, что все биологическое в личности в большей или меньшей степени социализировано и это делает задачу изучения влияния биологических факторов чрезвычайно трудной. Помимо этого, психобиологические предпосылки противоправного поведения несовершеннолетних имеют специфические отличительные особенности от такого поведения у взрослых. В литературе выделяются следующие психобиологические предпосылки делинквентного поведения подростков: нервно-психические заболевания, отклонения и акцентуации характера; извращенные или гипертрофированные биологические потребности; возрастные кризисы.

Отечественные исследования показывают распространенность среди несовершеннолетних правонарушителей психических расстройств. Одним из фундаментальных исследований психопатий, патохарактерологических реакций и акцентуаций характера несовершеннолетних правонарушителей в отечественной психологии является исследование А. Е. Личко (2013), который рассматривал их как фактор риска возникновения делинквентного поведения, что подтверждается в последующих научных трудах (Логинова М. С., 1983; Антонян Ю. М., Юстицкий В. В., 1993; Семке В. Я., 2001; Лацис И. В., 2003; Горьковая И. А., 2005; Скроцкий Ю. А., 2009; Чехова И. А., 2009). Согласно исследованиям А. Е. Личко (2013), делинквентное поведение отмечается у 40% подростков,

наблюдавшихся по поводу непсихотических нервно-психических нарушений. Исследование Н. И. Фелинской (цит. по: Беличева С. А., 2012) показало, что у 44,1% несовершеннолетних, состоящих на учете в детских комнатах милиции, имелась органическая отягощенность, которая связывалась с рождением в асфиксии, тяжелыми интоксикациями, черепно-мозговыми травмами и т.д. По данным И. А. Чеховой (2009), 93% подростков, задержанных за бродяжничество, имеют признаки органического поражения головного мозга наследственного и врожденного происхождения: психозы, психопатии, неврозы, умственную отсталость. Это подтверждается в клинических исследованиях, проведенных учеными ГНЦ ССП им. В. П. Сербского которые определили, что более 50% несовершеннолетних, отбывающих наказания, имеют психические расстройства непсихотического характера (Гурьева В. А. с соавт., 2007). Исследование подэкспертных (обвиняемых, привлеченных к уголовной ответственности), проведенное Т. В. Леоновой (2006), показало, что у 55% из них выявляются ранние церебрально-органические поражения головного мозга, представляющие собой, преимущественно, различные варианты дизонтогенеза.

Также можно выделить зарубежные психофизиологические исследования этиологических факторов противоправного поведения подростков. Chretien и Persinger было выявлено отставание в развитии лобных долей головного мозга у некоторых несовершеннолетних правонарушителей, что, по мнению авторов, могло привести к нейрофизиологическому расстройству и, как следствие, к делинквентному поведению (цит. по: Райс Ф., Долджин К., 2010). Исследование А. Raine и Р. Venables (1984) показывает, что у подростков с антисоциальным поведением отмечается низкая частота сердечных сокращений в покое (низкий тонус блуждающего нерва). Авторы связывают данный факт с возможным расстройством системы автономного возбуждения у исследованных подростков.

К психобиологическим предпосылкам, в основе которых лежат извращенные или гипертрофированные биологические потребности, относят алкоголизм, наркоманию и извращенные сексуальные потребности (Аванесов Г.А., 2011; Кудрявцев В. Н., 2007; Agnew R., Brezina T., 2011; Siegel L.J., Welsh

В.С., 2011). Проблема приобщения подростков к алкоголю и наркотикам является одной из наиболее актуальных в современном мире. По данным Ф. Г. Углова (1986), среди взрослых больных алкоголизмом 31,8% начали употреблять его до 10 лет, 64,4% – с 11 до 15 лет. Мотивация алкоголизации несовершеннолетних сложна и не всегда осознаваема. Б. С. Братусь (1984) указывает на наличие компенсаторных, эйфористических и других «псевдофункций» употребления алкоголя, реализация которых приводит к снижению критичности к своему поведению, импульсивности, неконтролируемым содеянным поступкам, растормаживанию агрессивных влечений. Я. И. Гишинский (2004) отмечает, что алкоголь потенцирует, прежде всего, насильственные преступления, и доля преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения достигает 25% от всего массива деликтов.

Ускоренное и неравномерное развитие организма подростка в период полового созревания, «гормональная буря», вызванная повышенной активностью эндокринной системы, провоцирует появление повышенной возбудимости, эмоциональной неустойчивости, неадекватности реакций и может служить предпосылкой к сексуальным девиациям и преступлениям. Причиной сексуальных преступлений среди подростков часто называют сексуальное насилие, пережитое ими в детстве (Christopherson V. J. et.al., 1998).

Интенсивные гормональные изменения, неравномерность развития сердечно-сосудистой и костно-мышечной систем ухудшают физическое и психическое самочувствие подростка, делая пубертатный кризис в онтогенезе одним из наиболее сложных периодов жизни. Подростковый поведенческий кризис также можно рассматривать как транзиторное проявление расстройства побуждений личности, когда конфликт возникает из-за несоответствия функциональных моделей реальности идеальным моделям, созданным самим подростком (Скороцкий Ю. А., 2009).

Широкое распространение получила концепция Э. Эриксона (2013) о кризисе идентичности как главной особенности подросткового возраста (под идентичностью понимается определение себя как личности, как

индивидуальности). Автор называет этот кризис «идентификация или путаница ролей». Подросток активно «примеряет» на себя различные социальные роли, определяет требования, возможности и права, присущие каждому новому образу. Подростки, проходя кризис идентичности, могут ощущать свою неприспособленность, деперсонализацию, отчужденность и иногда бросаются в сторону «негативной» идентичности – противоположную той, которую настойчиво предлагают им родители. Подростковый возраст, по Э. Эриксону, строится вокруг кризиса идентичности, состоящего из серии социальных и индивидуально-личностных выборов, идентификации и самоопределения. Если подростку не удастся решить эти задачи, у него формируется размытая идентичность, развитие которой может привести, в том числе, к формированию «негативной идентичности» и выбору отрицательных образцов для собственного поведения.

Освещая психобиологические предпосылки делинквентного поведения подростков, также следует отметить лонгитюдные исследования близнецов, проведенные А. Kazdin, которые обнаружили, что вероятность развития антисоциального поведения у обоих детей является более высокой у однойяйцевых, чем у двуйяйцевых близнецов (цит. по: Уэбстер-Страттон К., Герберт М., 2010). Исследования приемных детей, отделенных от своих биологических родителей в раннем возрасте, показали, что дети родителей, страдающих антисоциальными расстройствами личности, более склонны к развитию антисоциального поведения (Там же). Приведенные данные свидетельствуют о наличии генетической составляющей в структуре делинквентного поведения.

Анализ исследований индивидуально-психологических особенностей развития личности у делинквентных подростков показывает наличие нескольких интегральных направлений исследований.

Ряд исследований в отечественной психологии посвящен изучению таких индивидуально-психологических особенностей личности подростков-правонарушителей как локус контроля, тревожность, агрессивность (Реан А. А.,

1994; Семенюк Л. М., 1996; Лысков Б. Д., Курбатова Т. Н., 2001; Масагутов Р. М., 2003; Ошевский Д. С., 2006; Мельникова М. Л., 2007). Выявлены выраженная агрессивность в поведении делинквентных подростков, что объясняется такими особенностями характера как импульсивность и повышенная возбудимость; негативизм, проявляющийся в противодействии установленным социальным нормам; высокий показатель уровня личностной тревожности; низкий уровень развития эмпатии, что лишает делинквентов эмоциональных средств для понимания и прогнозирования окружающих событий. К. Petermann (2013) поднимает вопросы возникновения агрессивно-антисоциального поведения, насилия и запугивания среди детей и подростков, делая акцент на том, что в последнее время это явление принимает крайние формы, что обусловлено, в том числе, современными медиа технологиями.

Изучались самосознание и мотивация несовершеннолетних правонарушителей (Гульдан В. В., 1985; Голубев В. П., 1997; Кудрявцев В. Н., 2007; Беличева С. А., 2012), смысловая сфера их личности (Велицкас Г. К., Гиппенрейтер Ю. Б., 1989; Знаков В. В., 1990; Васильева Ю. А., 1997; Иванова Л.Н., 1998). Было доказано доминирование мотивов самоутверждения, стремление показать свое превосходство при правонарушениях, которые носили агрессивно-насильственный характер, а также детерминация противоправных корыстных действий желанием иметь что-то немедленно, не прикладывая для этого никаких усилий. В. В. Гульдан (1985) описал два основных механизма формирования мотивов противоправных действий у психопатических личностей: нарушение опосредования действий при аффектогенных и ситуационно-импульсивных мотивах противоправных действий, и нарушение опредмечивания потребностей при мотивации психопатической самоактуализации, мотивах-суррогатах и суггестивных мотивах противоправных действий. В. П. Голубев (1997) указывает на наличие у несовершеннолетних делинквентов специфично подростковой «игровой» мотивации правонарушений, когда они не могут дать своим действиям нравственную или правовую оценку и относятся к ним как к элементам игры и в процессе, и после совершения преступления.

Согласно исследованию Е. Г. Дозорцевой (2000), развитие личности подростков с делинквентным поведением характеризуется совокупностью внешних (социальные условия) и внутренних (личностная незрелость, асоциальность установок, дисгармоничность индивидуально-психологических свойств) проблем и ресурсов, что определяет их психологическую дезадаптацию. Исследование автора показало нарушение регулятивных возможностей делинквентных подростков при их выраженной личностной незрелости.

Среди субъективных факторов возникновения делинквентного поведения Е.В. Федосеев (2007) выделяет нарушение адаптационного потенциала (несформированность коммуникативных навыков, непринятие моральных норм и правил, неумение регулировать собственное поведение), несформированность самооценки, нервно-психическую неустойчивость и акцентуации характера.

Рассматривая проблему отклоняющегося поведения, И. С. Кон (1989) отмечает, что на его возникновение влияют возможные гормональные отклонения, нестабильность Я-концепции, а также такие индивидуально-личностные качества подростка, как локус контроля и уровень самоуважения. По мнению ученого, подростковый возраст и ранняя юность представляет собой группу повышенного риска. Внутренние трудности переходного возраста сказываются на всем развитии подростка, начиная с психогормональных процессов и кончая перестройкой Я-концепции. Появляются противоречия, обусловленные перестройкой механизмов социального контроля: детские формы контроля, основанные на соблюдении внешних норм и послушании взрослым, уже не действуют, а взрослые способы, предполагающие сознательную дисциплину и самоконтроль еще не выработались. Автор делает вывод о том, что разрыв между потребностью и способностью «быть личностью» может привести к серьезным нарушениям поведения подростков.

В зарубежных психологических исследованиях (Boellinger C., 1983; Ford J. D., Courtois C. A., 2013) личность социопата часто рассматривают с точки зрения перенесенной им в детстве и вытесненной психотравмы. Здесь необходимо упомянуть исследования отечественных психологов, направленные на изучение

неосознаваемой мотивации преступного поведения. А. Ф. Зелинский (1984) указывает, что 85% осужденных за тяжкие насильственные преступления совершили их непреднамеренно и не могли объяснить мотивы. В. Н. Кудрявцев (2007) классифицирует бессознательные мотивы преступного поведения в четыре группы: мотивы, связанные с типом личности, характеризующейся переоценкой собственной значимости, агрессивной направленностью, неустойчивостью настроения, склонностью к острым эмоциональным впечатлениям и негативной социальной аутоидентичностью; компенсаторные или гиперкомпенсаторные мотивы, связанные с развивающимся комплексом неполноценности; мотивы, связанные с отсроченным во времени действием закрепившегося в детстве по механизму импринтинга травматического опыта (унижения, жестокое обращение); мотивы, связанные с патологическими особенностями личности. По мнению В. П. Симонова (1986), неосознаваемые мотивы преступного поведения лежат в основе криминальной установки личности – состояния готовности к поведенческой реакции, нарушающей социальные нормы, которую человек не осознает до возникновения провоцирующей ситуации. В. Н. Кудрявцев (1986, с.261) отмечает, что «биологические свойства человеческого организма не являются причинами преступлений. Они лишь условие для всякого человеческого поведения, в том числе антиобщественного».

Таким образом, многочисленные отечественные и зарубежные психологические исследования, посвященные изучению психобиологических предпосылок и индивидуально-психологических особенностей личности подростков с противоправным поведением, показывают, что делинквентное поведение может быть как патологическим – обусловленным различными формами патологии личности и личностного реагирования, так и непатологическим – обусловленным индивидуальными и возрастными особенностями личности, при этом подчеркивается значение средовых, социально-психологических условий для закрепления или коррекции возникших нарушений поведения в детском или подростковом возрасте. В клинической практике традиционным стало рассматривать делинквентность в структуре

нарушений поведения с применением клинических классификаций МКБ и DSM (Ковалев В. В., 1995; Клиническая психология ..., 2013; Patterson G. R. et al., 1989; Döpfner M., Petermann F., 2012; Fröhlich-Gildhoff K., 2013), что позволяет не только отграничить патологические формы делинквентного поведения от непатологических, определить факторы, обуславливающие формирование конкретного расстройства поведения, но и обозначить терапевтические мишени, а также комплекс мер по профилактике рецидивов.

Из вышеизложенного следует, что в настоящее время в психологии уделяется большое внимание изучению факторов происхождения делинквентного поведения подростков. Хотя достигнуты определенные успехи в понимании социопатогенеза делинквентности, выявление доминирующих факторов в практической деятельности затруднено, прежде всего, потому что они не выступают изолированно, а представляют, взаимодействие разнообразных причин, часто имеющих кольцевые зависимости. Б. Г. Ананьев (2005) подчеркивал, что человеческое развитие обусловлено взаимодействием многих факторов: наследственности, среды (социальной, биогенной, абиогенной), воспитания (многих видов направленного воздействия на формирование личности), собственной практической деятельности человека. Соотношение биологического и социокультурного влияний очень сложное: пытаться выделить какой-то частный элемент в качестве всеобщей константы – значит игнорировать взаимовлияние биологической и социокультурной систем. В связи с этим, для анализа факторов делинквентного поведения подростков наиболее перспективным представляется комплексный подход, включающий изучение как патогенного влияния многоуровневых психосоциальных факторов, так и психобиологических предпосылок, а также индивидуально-психологических особенностей личности подростков-правонарушителей.

1.3. Психологические исследования родителей подростков с противоправным поведением

В контексте изучения делинквентного поведения подростков психологические исследования традиционно занимаются изучением семьи, но,

главным образом, с точки зрения ее влияния на несовершеннолетнего правонарушителя. В качестве самостоятельного объекта исследования родители подростка с делинквентным поведением выступают при рассмотрении внутрисемейных преступлений (убийство или нанесение тяжких телесных повреждений в семье). В остальных случаях (формирование корыстного или насильственно-агрессивного поведения у подростков, рецидивная преступность) семья и семейные отношения рассматриваются в исследованиях как факторы формирования подростковой делинквентности.

1.3.1. Психосоциальный статус

К основным параметрам психосоциального статуса человека относят его семейное и материальное положение, уровень образования, трудовую занятость.

Семьи делинквентных подростков отличаются от социально здоровых семей наличием деформации. Н. Л. Москвичева, А. А. Реан (2008) выделяют два типа деформации семьи – структурную (отсутствие одного из членов семьи) и психологическую (нарушение межличностных отношений, конфликтность, асоциальные установки и т.д.). Рассмотрим специфику структурной деформации в семьях подростков с противоправным поведением.

На протяжении ряда лет все исследователи подростков с делинквентным поведением отмечают структурные нарушения их семей. По данным различных исследований около 50% правонарушителей воспитывались в неполных семьях, где не было одно из родителей, чаще всего – отца (Бышевский Ю. В., 1978; Ермаков В. Д., 1991; Королев В. В., 1992; Шестаков Д. А., 2003; Волохова М. Б., 2007; Беличева С. А., 2012; Henggeler S.W. et al., 2009; DeLisi M., 2012).

Семья, не имеющая одного из родителей, как правило, располагает меньшими доходами, и усилия единственного родителя – обычно матери – сосредоточены на материальном обеспечении жизни, что идет в ущерб не только межличностным отношениям в семье, но и духовно-нравственному, культурному развитию подростка в целом. Неполные семьи – это чаще всего семьи, в которых из родителей есть только мать, испытывающая хронический эмоциональный

стресс, усугубляющийся постоянной занятостью и хронической усталостью (Даниленко О. В., 2000).

Структурные нарушения родительской семьи правонарушителя часто сочетаются с ограниченными педагогическими возможностями, что подтверждается образовательным уровнем родителей. По данным исследования уровня образования среди родителей правонарушителей (Шестаков Д. А., 2003) самая многочисленная группа родителей (до 50%) не имеет полного среднего образования. По социальному положению родители правонарушителей преимущественно рабочие, причем среди них преобладают работники малоквалифицированного труда, либо не имеющие специальности; следующую по численности позицию занимают безработные (Там же). Низкий уровень образования, негативная история трудовой деятельности родителей отрицательно сказывается на их авторитете у детей и ограничивает возможности культурного развития подростка, что определяет не только его круг интересов и потребностей, реакции на различные события, но и его повседневное поведение.

Однако объяснить делинквентность подростка исключительно воспитанием его в неполной семье нельзя, т. к. имеется много других взаимодействующих факторов. Невозможно предположить, что все случаи распада семьи одинаково влияют на ребенка. Образование, характер трудовой занятости и социально-экономическое положение родителей могут носить как психогенный, так и компенсирующий характер. Включенность в воспитание детей других членов семьи и характер их межличностных отношений могут стать средством как негативной, так и позитивной социализации подростка.

Многочисленные исследователи данной проблемы приходят к выводу, что «хотя воспитание в неполной семье и таит в себе определенные опасности, результаты такого воспитания менее однозначны и менее тяжелы, чем это принято считать. Вообще говоря, факт наличия одного или обоих родителей в доме, вероятно менее важен для развития ребенка, чем характер взаимоотношений между родителем и ребенком или чем стиль родительского поведения» (Раттер М., 1999; с.205).

В. Т. Кондрашенко (1988) приводит данные, согласно которым подавляющее большинство несовершеннолетних правонарушителей воспитывались в семьях, где нормой поведения родителей были корысть, стяжательство, грубость, лживость, безответственность, жестокость, пренебрежительное отношение к людям, разврат, пьянство. При этом материально-бытовые условия жизни исследованных подростков с делинквентным поведением были достаточно благополучны, а в ряде случаев это были дети из обеспеченных семей. В связи с этим возможно рассматривать их антисоциальное поведение либо как свойственный подростковому максимализму протест против лицемерия родителей, либо как подражание родителям, демонстрирующим низкий уровень культуры и низменный характер потребностей. Ю. А. Скроцкий (2009) отмечает, что нет единства взглядов на понимание влияния материальной обеспеченности и состава семьи на возникновение делинквентности в настоящее время. Автор приводит ряд исследований, которые показывают учащение правонарушений подростками из материально обеспеченных семей и делает вывод, что запущенность в воспитании, которая выдвигается на первый план при делинквентности, имеет в основе своей не экономическое неблагополучие или развод родителей, а отсутствие взаимопонимания между подростками и взрослыми.

1.3.2. Индивидуально-психологические особенности

Индивидуально-психологические особенности родителей делинквентных подростков раскрываются посредством анализа психологических деформаций в семье, которые включают в себя дисгармонию семейных отношений и патологизирующее семейное воспитание (Москвичева Н.Л., Реан А.А., 2008).

Дисгармоничные семейные отношения складываются в результате нарушений: роли подростка в семье, эмоциональных отношений между родителями и подростком, коммуникативных процессов.

Встречаются случаи, когда в семьях несовершеннолетних правонарушителей после первого же проступка на подростка «навешивается ярлык» «тунеядца», «хулигана», «дебошира», «будущего алкоголика», который

припоминается в дальнейшем каждый удобный раз. В основе этого явления может лежать «проекция на подростка собственных нежелательных качеств» (Эйдемиллер Э. Г., Юстицкис В., 2010) – родитель видит в подростке те черты характера, которые не хочет (не может) признать в самом себе: склонность к лени, агрессивность, влечение к алкоголю и асоциальному поведению. На комиссиях по делам несовершеннолетних такие родители много и эмоционально говорят о своей непримиримой и постоянной борьбе с нарушениями поведения ребенка, о примененных наказаниях и, вместе с тем, высказывают уверенность в том, что их ребенку никакие меры воспитания не помогут. Такая позиция, при ее внешней социальной желательности, позволяет родителю извлекать эмоциональную выгоду из нарушений поведения ребенка, исподволь их провоцировать, а также свидетельствует о низком уровне интернальности, стремлении снять с себя ответственность за настоящие и будущие проблемы.

Нарушения эмоциональных отношений в семьях делинквентных подростков часто характеризуются хронической конфликтностью. Н. Л. Москвичева, А. А. Реан (2008) отмечают, что примерно у 70% подростков-правонарушителей семьи были конфликтными. Социальное одиночество у подростков связано в первую очередь с семейными проблемами: они не находят поддержки и опоры в семье. Все это стало в настоящее время серьезной проблемой, влияющей на самочувствие, здоровье и социализацию детей.

Суммируя литературные источники, Е. В. Змановская (2006) называет в качестве наиболее существенных следующие особенности семей делинквентных подростков: фрустрация детской потребности в нежной заботе и привязанности родителей (недостаточно заботливая мать), физическая или психологическая жестокость, недостаточная требовательность, несогласованность, конфликтность, нежелательные личностные особенности родителей.

В исследованиях семей подростков-правонарушителей особо выделяется роль матери. Среди индивидуально-психологических особенностей матерей делинквентных подростков ученые отмечают авторитарность, властность, эмоциональную сухость (Либих С. С., Петров В. П., 1979; Антонян Ю. М. 2010).

В. Н. Кудрявцев (1986) делает акцент на состоянии отчужденности преступника от своей среды, возникающем уже в детстве. Так, согласно его исследованиям, 10% агрессивных преступников считали, что мать их не любила в детстве (в «нормативной» выборке только 0,73%). С. Вунан (2004), анализируя собственный опыт работы с несовершеннолетними правонарушителями, отмечает, что подростки, с которыми жестоко обращались родители и, особенно, пережившие материнскую депривацию (по данным социальных служб), отказываются признавать, что в семье с ними плохо обращались. Автор делает вывод, что идеализация родителей возникает в детстве, чтобы не видеть невыносимую реальность своих родственных связей. Это позволяет подросткам частично овладеть тревогой и избежать декомпенсации.

Основой формирования поведенческих и характерологических отклонений несовершеннолетних правонарушителей В. Я. Семке (2001) называет отрицательный семейный микроклимат: частые конфликты, ссоры, алкоголизацию одного или обоих родителей. Подчеркивая значение конфликтности родителей делинквентного подростка, их неумение улаживать разногласия социально приемлемыми способами, обратим внимание на понятие «криминогенная семейная ситуация», которое Д. А. Шестаков (2003; с. 197) определяет как «ситуацию семейного конфликта, характеризующуюся наивысшим обострением противоречий, существующих между членами семьи».

Криминогенная семейная обстановка может привести как к жестокому обращению с подростком со стороны родителей, так и к насилию подростков над родителями. Проблема убийства или нанесения тяжких телесных повреждений подростком родителю практически не рассматривается в современных исследованиях. Данные факты описываются как случаи. Однако, независимые исследования Д. А. Шестакова (2003) и А. Holt (2012) указывают на усиление и распространение семейного насилия подростков над родителями (прародителями), как у нас в стране, так и за рубежом.

Дисфункциональная родительская коммуникация также является отличительной особенностью семей делинквентных подростков. Коммуникация в

семье напрямую связана с Я-образом ребенка (Москвичева Н.Л., Реан А.А., 2008), для формирования которого он использует сообщения, получаемые от родителей. Родители подростков с противоправным поведением часто демонстрируют рассогласование вербального и невербального уровней сообщений: внешне критикуя подростка, на скрытом уровне поддерживают осуждаемое поведение (пустые угрозы, откладываемое наказание, безразличие или ирония к отдельным нарушениям поведения). В результате у подростка не формируются адекватные средства для точного самовосприятия и правильной интерпретации сообщений социума, т. к. «предположения, на которых основываются его действия, будут ложными, а его попытки приспособиться к окружающей действительности – беспорядочными и неадекватными» (Сатир В., 2001; с. 154). Типичным явлением в таких семьях бывает желание родителей показать ситуацию в выгодном для них свете, часто не соответствующим действительности. Ю. А. Скроцкий (2009; с.120) отмечает, что «ложь – основная проблема, вокруг которой в разном облике вращается делинквентность».

К. Бартол (2004) приводит ряд зарубежных научных исследований, которые показывают, что в семьях, предрасположенных к делинквентному поведению детей, сама обстановка способствует закреплению антисоциального поведения путем самопроизвольного поощрения такого поведения и отсутствия поощрения просоциального поведения. Одну из главных причин совершения детьми правонарушений он видит в дефиците общения между родителями и их детьми и недостатке родительского контроля. А. Thio с соавторами (2012) выявил, что недостаток общения с родителями и неприятие со стороны родителей являются важным признаком делинквентности ребенка в будущем, а неблагоприятные эмоциональные отношения детей с родителями и пренебрежение родителями своими обязанностями могут играть даже более критическую роль в развитии делинквентности, чем физические наказания.

D. Gorman-Smith, M. Schoeny (2014), исследуя особенности воспитания в семьях живущих в этнических кварталах, обнаружили, что отсутствие согласия в семье, недостаточный родительский контроль над действиями ребенка и

недостаточные воспитательные воздействия устойчиво связаны с делинквентным поведением подростка независимо от этнических и социально-экономических факторов. Это согласуется с исследованием взаимосвязи семейного воспитания и агрессивности в подростковом возрасте (Корнева А. А., 2004), в котором установлено, что агрессивность подростков связана с такими особенностями материнского воспитания как отсутствие требований-обязанностей и недостаточность санкций, а также с гиперпротекцией отца и недостаточностью санкций с его стороны. Кроме того, обнаружена значительная корреляция между делинквентностью и такими факторами, как непостоянство родительских воспитательных мер и жестокие физические наказания (Sprenkle D. H., 2002; Black D. W., 2013).

1.3.3. Клинико-психологические особенности

Анализируя исследования родителей делинквентных подростков, можно выделить следующие клинико-психологические особенности, патологизирующие семейное воспитание: алкоголизация, агрессивность и насилие, межпоколенная воспроизводимость деструктивных паттернов функционирования семьи.

Алкоголизация родителей подростков-правонарушителей является предметом междисциплинарного изучения психологии, медицины, криминологии. Алкоголизм способствует деградации членов семьи, ослабляет взаимопонимание и родительский контроль, снижает родительский авторитет. Д.А. Шестаков (2003) констатирует, что родители половины исследованных им насильственных преступников страдали алкогольной зависимостью. Пьющие родители меньше внимания уделяют воспитанию детей, утрачивают такие качества, необходимые в семейной жизни, как интерес к ребенку, способность о нем заботиться, чувство ответственности и надежность в трудных жизненных ситуациях (Машкова Л. Т., 1981; Братусь Б. С., Сидоров П. И., 1984; Борисов А. А., 2007). В настоящее время в России к проблеме родительской алкоголизации присоединилась проблема употребления родителями подростков наркотических средств, в т.ч. «тяжелых» синтетических наркотиков. В случае выявления таких

фактов, ситуация квалифицируется как угрожающая жизни и здоровью ребенка и переходит в компетенцию правоохранительных органов.

Высокий уровень агрессии, домашнее насилие, применение физических наказаний в родительской семье делинквентных подростков констатируется в многочисленных отечественных и зарубежных исследованиях (Фокс В., 1980; Раттер М., 1999; Шестаков Д. А., 2003; Бартол К., 2004; Беличева С. А., 2012; Климантова Г. И., 2014; Sprenkle D. H., 2002; Bentovim A. et al., 2009; Black D. W., 2013; Retzlaff R., 2013; Gorman-Smith D., Schoeny M., 2014). По данным Г. И. Климантовой (2014), среди подростков, совершивших правонарушения 42,8% испытали жестокое обращение, истязания, побои от родителей; 30,4% пострадали от сексуальных посягательств родственников.

К. Бартол (2004; с. 50) делает вывод, что «физические наказания представляют ребенку образец для подражания, который будет воспроизводиться в тех случаях, когда выросший ребенок будет сам испытывать раздражение и недовольство». Такая позиция согласуется с мнением Н. В. Вострокнута (1998), который констатирует, что формирование непатологического делинквентного поведения детей определяется фактом ранней десоциализации (семейная депривация, жестокое обращение и насилие) и косвенным десоциализирующим влиянием семьи (ригидный тип неправильного воспитания). В основе формирования патологического делинквентного поведения лежат депривационный, конфликтно-стрессовый процессы и механизм идентификации с фиксацией стереотипов асоциального поведения родителей. Насильственно десоциализирующая семья – это семья с очевидным неправомерным поведением. По данным Д. А. Шестакова (2003), родители будущих насильственных преступников ранее сами привлекались к уголовной ответственности, причем свыше 50% – за насильственные преступления. При этом исследования правонарушителей, родители которых также были преступниками, показывают совпадения моделей поведения у родителей и детей (Фокс В., 1985).

Анализируя воспитательные тенденции родителей несовершеннолетних правонарушителей М. Раттер (1999; с.219) пишет: «Согласно ряду исследований,

родители, применяющие физические методы наказания своих детей, часто происходят из неблагополучных семей и в детстве страдали от жестокости своих родителей. Иногда физическое наказание детей может практиковаться в семье на протяжении нескольких поколений». Исследование Л. Эрона показывает, что порочный круг насилия воспроизводится в склонных к агрессии семьях, по крайней мере, на протяжении трех поколений (цит. по: Бартол К., 2004). А.А. Ахматов (2008) обозначает тенденцию к усилению внутрисемейного преступного поведения в нашей стране.

Результаты приведенных исследований перекликаются с концепцией о генетических факторах делинквентности. А. В. Черников (2004) подчеркивает, что такие симптоматические паттерны функционирования семьи как алкоголизм, инцест, насилие и суицид имеют тенденцию к повторению из поколения в поколение, и называет их «семейными программами». А. И. Захаров (2000) отмечал, что главным патогенным фактором в семье является психотравмирующий опыт межличностных отношений, проходящий через несколько поколений. По мнению А. В. Мудрика (1997), характер общения родителей с детьми в собственной семье детерминирован психологической атмосферой и взаимоотношениями в родительском доме. R. Retzlaff (2013) обращает внимание на возможность понимания нарушений поведения у подростков только в контексте системы воспроизводимых в семье деструктивных паттернов. По данным исследований отечественных ученых, у половины несовершеннолетних с противоправным поведением родители подвергались различным мерам уголовного наказания (Горьковая А.И., 2005).

Таким образом, основываясь на обзоре ряда исследований, можно говорить о том, что одновременное воздействие нескольких факторов – нарушенной структуры семьи, низкого уровня образования, отсутствия трудовой занятости, тяжелого социально-экономического положения, дисгармонии семейных отношений, алкогольной зависимости и агрессивности родителей, а также криминальных паттернов в семье характеризуют родителей делинквентного

подростка и значительно повышают вероятность возникновения и рецидивов у него противоправного поведения.

Анализ литературных источников показывает, что роль матери в возникновении делинквентного поведения подростка изучена недостаточно. Самостоятельные исследования психологических особенностей матерей делинквентных подростков не проводились. Данные о родителях подростков с противоправным поведением получались путем опроса самих подростков, социальных работников, классных руководителей, реже – анкетированием родителей. Проблема влияния матери на социализацию делинквентного подростка разработана недостаточно. Представлены лишь общие подходы к дифференциации родительского влияния на ребенка в зависимости от пола родителя. Зачастую такое влияние называется «семейным», хотя многочисленные факты, как у нас в стране, так и за рубежом, свидетельствуют о том, что подростки с делинквентным поведением, в большинстве своем, воспитываются одной матерью. При этом факт воспитания одним родителем, также не является однозначным и требует дальнейшего изучения, что позволило бы уточнить психотерапевтические мишени и внести вклад в разработку психокоррекционных воздействий в клиничко-психологической, педагогической практике и социальной работе с семьями подростков с делинквентным поведением.

ГЛАВА 2. МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В данной главе рассмотрены социально-демографические характеристики исследованных матерей и подростков с делинквентным и нормативным поведением. Описаны примененные методы психологического исследования и математико-статистической обработки данных.

2.1. Организация и основные этапы исследования

Для решения поставленных задач были исследованы 152 матери и 152 их ребенка-подростка. Исследование проводилось на базе муниципальных бюджетных образовательных учреждений (ОУ): «Средняя общеобразовательная школа №32», «Средняя общеобразовательная школа №37», «Средняя общеобразовательная школа №40», «Центр образования №1», «Центр образования №3», а также «Центра внешкольной работы» города Норильска Красноярского края. Все исследованные являлись русскоговорящими жителями города Норильска. От всех участников было получено устное информированное согласие на проведение психологического исследования.

Все изученные матери и их дети-подростки были разделены на две группы – по критерию наличия/отсутствия делинквентного поведения данных подростков. Разделение подростков на группы проводилось экспертным путем. В качестве экспертов выступали социальные педагоги и классные руководители перечисленных выше образовательных учреждений, а также инспекторы по делам несовершеннолетних, курирующие данные образовательные учреждения. Основанием для причисления подростка к группе делинквентных была постановка, в период исследования, на учет в комиссию по делам несовершеннолетних и защите их прав (КДН и ЗП) за совершенные им правонарушения. К правонарушениям относились хулиганские действия, драки со сверстниками, издевательство над младшими и слабыми, мелкие кражи,

вызывающее поведение в общественных местах, вымогательство денег, мелкие грабежи, а также их сочетание с пропусками уроков без уважительной причины и распитием алкогольных напитков. Основанием для причисления подростка к группе социально адаптированных было отсутствие у него нарушений поведения, наличие умения бесконфликтно и продуктивно удовлетворять свои потребности, эффективно и конструктивно взаимодействовать с окружающими.

Основные этапы исследования

1. Беседы с социальным педагогом и классными руководителями ОУ, инспектором по делам несовершеннолетних, курирующим ОУ.
2. Изучение медицинской карты ребенка, находящейся в ОУ, и (или) беседа с медицинским работником ОУ.
3. Индивидуальная беседа и психологическое исследование подростка.
4. Индивидуальная беседа и психологическое исследование матери.
5. Выполнение совместного рисунка матерью и подростком.

2.2. Материал исследования

В данном параграфе приводятся данные социально-демографического исследования сопоставляемых групп матерей и их детей-подростков.

2.2.1. Социально-демографические характеристики матерей

Все исследованные – матери подростков с делинквентным поведением в возрасте, на момент проведения исследования, от 29 до 49 лет ($M=38,12 \pm 0,50$), и матери подростков с нормативным поведением в возрасте от 32 до 51 года ($M=37,97 \pm 0,46$).

В таблицах 1-4 представлены социально-демографические характеристики матерей подростков с делинквентным и нормативным поведением.

Таблица 1. Количественное распределение матерей подростков с делинквентным и нормативным поведением по критерию образования

Критерий анализа - образование	Матери подростков с делинквентным поведением		Матери подростков с нормативным поведением	
	чел.	% выборки	чел.	% выборки
Неполное среднее (8/9 классов)	19	25,0	2	2,6

Критерий анализа - образование	Матери подростков с делинквентным поведением		Матери подростков с нормативным поведением	
	чел.	% выборки	чел.	% выборки
Среднее общее (10/11 классов)	11	14,5	1	1,3
Среднее специальное, среднее техническое	43	56,6	32	42,2
Высшее или незаконченное высшее	3	3,9	34	44,7
Два высших образования, ученая степень	0	0	7	9,2

$$\chi^2 = 56,7$$

$$p < 0,001$$

Из таблицы 1 можно увидеть, что уровень образования матерей в сопоставляемых группах существенно различается. Среди матерей делинквентных подростков 25% составляют женщины с неполным средним образованием, закончившие 8 (9) классов школы, и только 3,9% имеют высшее образование. В контрольной группе матери с неполным средним образованием составляют 2,6% и с высшим образованием – 44,7%.

Таблица 2. Количественное распределение матерей подростков с делинквентным и нормативным поведением по критерию материального положения

Критерий анализа - материальное положение	Матери подростков с делинквентным поведением		Матери подростков с нормативным поведением	
	чел.	% выборки	чел.	% выборки
Крайне тяжелое. Не хватает денег даже на еду	4	5,3	0	0
Тяжелое. Хватает на еду, но не могут покупать вещи	14	18,4	4	5,3
Среднее. Хватает на необходимое, но не могут покупать дорогие вещи	44	57,9	42	55,3
Выше среднего. Могут покупать дорогие вещи, путешествовать	12	15,8	30	39,4
Не ограничены в средствах	2	2,6	0	0

$$\chi^2 = 19,3$$

$$p < 0,01$$

Представленные в таблице 2 данные показывают, что матери делинквентных подростков испытывают большие материальные затруднения (18,4% – тяжелое и 5,3% – крайне тяжелое материальное положение), по сравнению с матерями социально адаптированных подростков (5,3% и 0%, соответственно). Однако, среди них встречаются и женщины с высоким

материальным достатком (2,6% не ограничены в средствах) в отличие от сопоставляемой группы, где данная категория не обнаружена.

В таблице 3 представлены данные интервью социальных педагогов о материальной обеспеченности семей подростков с делинквентным поведением.

Таблица 3. Количественное распределение семей подростков с делинквентным и поведением по критерию материальной обеспеченности по сведениям Банка данных на детей и подростков, состоящих на учете в КДН и ЗП

Сведения о материальной обеспеченности семей	Семьи подростков с делинквентным поведением	
	чел.	% выборки
Выше прожиточного минимума	46	60,6
Ниже прожиточного минимума	30	39,4

Как видно из таблицы 3, 39,4% исследованных семей подростков с делинквентным поведением находится за чертой бедности. Тяжелая материальная ситуация усугубляет проблемы, имеющиеся в семье, создает поводы для конфликтов и эскалации напряжения, может формировать чувство неполноценности у членов семьи.

Таблица 4. Количественное распределение матерей подростков с делинквентным и нормативным поведением по критерию трудоустройства и характеру трудовой деятельности

Критерий анализа - трудоустройство	Матери подростков с делинквентным поведением		Матери подростков с нормативным поведением	
	чел.	% выборки	чел.	% выборки
Руководитель предприятия, подразделения, отдела	0	0	10	13,2
Специалист	6	7,9	40	52,6
Служащая (не занятая ручным трудом)	20	26,3	19	25,0
Рабочая (работница, занятая ручным трудом)	25	32,9	4	5,3
Безработная	14	18,4	0	0
Домохозяйка	5	6,7	3	3,9
Неработающий инвалид	2	2,6	0	0
Неработающий пенсионер	1	1,3	0	0
В отпуске по уходу за ребенком	3	3,9	0	0

$$\chi^2 = 70,9$$

$$p < 0,001$$

Из таблицы 4 видно, что большинство матерей, имеющих детей с делинквентным поведением, трудятся рабочими (32,9%). Категория «безработная» представлена 18,4% опрошенных женщин. Наибольшее количество матерей социально адаптированных подростков являются специалистами (52,6%), при этом категория «безработная» отсутствует.

В таблице 5 представлены данные о семейном положении женщин сопоставляемых групп и количестве детей, воспитывающихся в семье.

Таблица 5. Характеристика семей матерей подростков с делинквентным и нормативным поведением

Характеристика семей	Матери подростков с делинквентным поведением		Матери подростков с нормативным поведением	
	чел.	%	чел.	%
Семейное положение				
Замужем за отцом ребенка	31	40,8	56	73,7
Замужем за отчимом ребенка	3	3,9	6	7,9
Сожительство	10	13,2	2	2,6
Разведена	20	26,3	12	15,8
Мать-одиночка	12	15,8	0	0
$\chi^2 = 27,5$ $p < 0,001$				
Количество детей				
Один	20	26,3	21	27,6
Два	41	53,9	48	63,2
Три	10	13,2	7	9,2
Четыре и более	5	6,6	0	0
$\chi^2 = 6,1$ $p < 0,107$ достоверных различий не выявлено				

Из таблицы 5 можно увидеть, что на момент исследования 81,6% матерей социально адаптированных подростков состоят в браке. В группе матерей делинквентных подростков таких женщин 44,7%. 26,3% из них находятся в разводе с мужем, а 15,8% являются одинокими матерями, что не только усугубляет тяжелое материальное положение, но и способствует хроническому эмоциональному стрессу вследствие постоянной занятости женщины.

Исследуемые делинквентные подростки являлись единственными детьми в 26,3% семей и в 73,7% семей имели старших и (или) младших братьев и (или) сестер. Следует отметить, что в семьях последних, в 38,2% случаев их братья и (или) сестры также обнаруживали нарушения поведения противоправной

направленности. В то же время, в 35,5% случаев их братья и (или) сестры были социализированы.

В таблицах 6 и 7 приведены данные интервью социальных педагогов о семьях, состоящих на момент проведения исследования, на учете в комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав (КДН и ЗП) как семьи группы социального риска.

Таблица 6. Количественное распределение семей подростков с делинквентным поведением по критерию наличия учета их семьи в КДН и ЗП

Критерий анализа – наличие учета семьи в КДН и ЗП	Семьи, состоящие на учете в КДН и ЗП		Семьи, не состоящие на учете в КДН и ЗП	
	чел.	% выборки	чел.	% выборки
Подростки, состоящие на учете в КДН и ЗП	44	57,9	32	42,1

Таблица 7. Причина постановки семьи на учет в КДН и ЗП

Критерий анализа – причина постановки на учет семьи в КДН и ЗП	Семьи, состоящие на учете в КДН и ЗП	
	чел.	% выборки
Уклонение от воспитания ребенка	9	20,5
Ненадлежащее выполнение родительских обязанностей	17	38,6
Безнадзорность	18	40,9

Из таблиц 6 и 7 видно, что 57,9% семей, имеющих делинквентных детей-подростков, состоят на учете в КДН и ЗП как семьи группы социального риска. Из них 20,5% семей поставлены на учет за уклонение от воспитания ребенка, 38,6% – за ненадлежащее выполнение родительских обязанностей, в 40,9% таких семей обнаружена безнадзорность несовершеннолетних детей, т. е. подростки находились в обстановке, препятствующей их воспитанию, т. к. безнадзорный – это несовершеннолетний ребенок, контроль за поведением которого отсутствует вследствие неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанностей по его воспитанию, обучению и (или) содержанию со стороны родителей (Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» от 24 июня 1999г.). С семьями, поставленными на учет, как правило, ведется активная работа специалистами различных ведомств правовой и социальной защиты населения, а также образовательных учреждений.

2.2.2. Социально-демографические характеристики подростков

Все исследованные подростки с делинквентным и нормативным поведением, на момент исследования, были в возрасте от 14 до 16 лет ($M=14,95\pm 0,09$ и $M=15,07\pm 0,08$), соответственно. В таблице 8 представлены социально-демографические характеристики выборки подростков с делинквентным и нормативным поведением.

Таблица 8. Социально-демографические характеристики выборки подростков

Характеристика поведения подростков	количество	пол				средний возраст
		мужской		женский		
		чел.	%	чел.	%	
делинквентное	76	48	63,2	28	36,8	14,95
нормативное	76	38	50,0	38	50,0	15,07

Из таблицы 8 видно, что количество исследованных подростков в группах равное, средний возраст в выборках близок по значению. В группе делинквентных подростков мальчиков больше, чем девочек.

В таблице 9 приведены данные опроса социальных педагогов о подростках, состоящих, на момент проведения исследования, на учете в комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав (КДН и ЗП).

Таблица 9. Количественное распределение подростков с делинквентным поведением по критерию причины постановки на учет в КДН и ЗП

Критерий анализа – причина постановки на учет в КДН и ЗП	Подростки с делинквентным поведением		Мальчики с делинквентным поведением		Девочки с делинквентным поведением	
	чел.	% выборки	чел.	% выборки	чел.	% выборки
Агрессивные правонарушения (против личности)						
Драки, нанесение телесных повреждений	22	29,0	11	22,9	11	39,3
Хулиганство	9	11,8	7	14,6	2	7,1
Издешательство над слабыми (буллинг)	7	9,2	6	12,5	1	3,6
Корыстные правонарушения (с целью наживы)						
Кража	23	30,3	14	29,2	9	32,1
Грабеж	2	2,6	2	4,2	0	0
Вымогательство денег	13	17,1	8	16,6	5	17,9

Представленные в таблице 9 данные показывают, что наиболее частыми причинами постановки подростков на учет в КДН и ЗП являются кражи (30,3%) и драки (29,0%). При сопоставлении подростков по данному критерию с учетом пола, выше обозначенная тенденция сохраняется, причем у девочек она выражена более ярко (кражи 32,1% и драки 39,3%), чем у мальчиков (29,2% и 22,9% соответственно). Среди делинквентных мальчиков-подростков чаще, чем среди девочек встречаются такие правонарушения как хулиганство (14,6% и 7,1% соответственно), издевательство над слабыми (12,5% и 3,6% соответственно), грабеж (4,2% и 0% соответственно).

Таким образом, при сопоставимом среднем возрасте обследованных подростков с делинквентным и нормативным поведением (15,0 и 15,1 лет соответственно) и их матерей (38,1 и 37,9 лет соответственно), а также количестве испытуемых (из 152 диад мать-ребенок: 76 – с подростками с делинквентным поведением и 76 – с подростками с нормативным поведением), ряд социально-демографических характеристик матерей и их детей-подростков имеют существенные различия.

2.3. Методы исследования

Для реализации цели и задач настоящего исследования был использован комплекс психодиагностических методов, направленных на выявление эмоциональных и личностных характеристик как матерей, так и их детей-подростков с делинквентным и нормативным поведением, а также особенностей их взаимодействия.

2.3.1. Клинико-психологический метод

В настоящей работе клинико-психологический метод, «реализующий глубинно-неформальный подход к изучению личности, истории ее развития и ко всему многообразию условий ее существования» (Вассерман Л.И., Щелкова О.Ю., 2004. С. 70), представлен авторским полуструктурированным интервью матери и ее ребенка-подростка, которое проводилось индивидуально с каждым. Интервью включало следующие блоки: социально-демографические характеристики матери

и подростка; отношение матери к сфере профессиональной деятельности, сфере семейных отношений, характеру досуга; взаимоотношения матери и обследуемого ребенка; отношение матери к ее родительской семье; отношение подростка к родительской семье; характеристика состояния здоровья матери (Приложение 1, 2).

Изучение состояния здоровья подростка проводилось путем изучения медицинской карты ребенка, находящейся в образовательном учреждении (ОУ) или беседы с медицинским работником ОУ. Изучалась социально-педагогическая характеристика подростков, состоящих на учете в комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав (КДН и ЗП), и их семей. Для этого у социальных педагогов ОУ запрашивалась необходимая для исследования информация из Банка данных детей и подростков, состоящих на учете в КДН и ЗП, и Социальных паспортов семей, состоящих на учете в КДН и ЗП как семьи, находящиеся в социально опасном положении (Приложение 3).

2.3.2. Экспериментально-психологический метод

В целях исследования эмоционально-личностных особенностей матерей подростков с делинквентным и нормативным поведением были использованы: «Интегративный тест тревожности», «Методика изучения нервно-психической неустойчивости и акцентуаций характера», тест-опросник «Уровень субъективного контроля», методика «Личностный дифференциал». Для изучения особенностей воспитательной практики матерей был использован опросник «Подростки о родителях». Особенности взаимодействия матерей и их детей-подростков в процессе совместной деятельности изучались с помощью модифицированной автором экспериментальной техники «Совместное рисование матери и ее ребенка-подростка».

Интегративный тест тревожности (ИТТ)

«Интегративный тест тревожности (ИТТ)» (Бизюк А.П. и соавт., 2004, 2014) является психодиагностическим инструментом, позволяющим провести дифференцированную оценку степени выраженности тревоги (как эмоционального состояния) и тревожности (как свойства личности), а также

определить их соотношение в психическом статусе конкретного испытуемого. Тест является оригинальным экспресс психолого-диагностическим инструментом для выявления не только уровня выраженности тревоги как ситуативной (реактивной) переменной и тревожности как личностно-типологической характеристики, но и для структурной оценки по пяти факторам (субшкалам) тревоги как неспецифического, сложного по генезу аффективного регулятора поведения личности и тревожности как личностно-типологической характеристики.

Методика ИТТ состоит из двух шкал, измеряющих различные проявления аффективного состояния: тревоги, как актуального эмоционального состояния и тревожности, как индивидуальной черты личности. В каждой из шкал содержатся субшкалы, раскрывающие их содержательный характер. К ним относятся эмоциональный дискомфорт, астенический и фобический компоненты, тревожная оценка перспектив и социальная защита.

Субшкала «Эмоциональный дискомфорт» (ЭД) выявляет наличие эмоциональных расстройств, связанных со сниженным эмоциональным фоном или неудовлетворенностью жизненной ситуацией, эмоциональной напряженностью, элементами ажитации.

Субшкала «Астенический компонент тревожности» (АСТ) определяет преобладание в структуре тревожности усталости, расстройств сна, вялости и пассивности, быстрой утомляемости, раздражительной слабости.

Субшкала «Фобический компонент» (ФОБ) отражает специфический фактор ощущения непонятной угрозы, неуверенности в себе, собственной бесполезности.

Субшкала «Тревожная оценка перспектив» (ОП) связана с проекцией страхов на перспективу, общей озабоченностью будущим на фоне повышенной эмоциональной чувствительности.

Субшкала «Социальные реакции защиты» (СЗ) интерпретируется как проявление тревожности в сфере социальных контактов, попытки рассматривать

социальную среду как основной источник тревожных напряжений и неуверенности в себе.

Эти субшкалы оцениваются по степени их выраженности наряду с общей оценкой тревоги и тревожности, однако дают возможность рассматривать последние как сложные интегративные понятия, квалификация которых важна для уточнения мишеней психотерапии. Интерпретация полученных результатов строится, исходя из теоретической концепции, положенной в основу методики. При высокой личностной тревожности испытуемые склонны широкий диапазон ситуаций воспринимать как угрожающий и реагировать в этих ситуациях выраженным состоянием тревожности с соответствующей симптоматикой. Личностная тревожность актуализируется преимущественно при восприятии определенных «опасных» стимулов, связанных со специфическими социально значимыми ситуациями угрозы престижу, самооценке, самоуважению человека. У людей, имеющих высокую личностную тревожность, в угрожающих самооценке ситуациях состояние тревоги проявляется заметнее, чем у тех, кто имеет более низкую личностную тревожность. Низкотревожные личности, напротив, не склонны видеть угрозу своему престижу в широком диапазоне ситуаций. Вероятность возникновения у них состояния тревожности значительно ниже, хотя и не исключена в отдельных особо важных и личностно значимых для них случаях (Вассерман Л.И., Щелкова О.Ю., 2004).

Методика изучения нервно – психической неустойчивости и акцентуаций (НПН-А)

Несмотря на широкое использование понятия «акцентуации личности» в психологической теории и практике, инструментарий для их определения у взрослых людей ограничен. Для этих целей используются тест Г. Шмишека (Практикум по возрастной ..., 2006), в основу которого положена классификация типов акцентуаций личности К. Леонгарда (2000); «Методика аутоидентификации акцентуаций характера» (Эйдемиллер Э. Г., Юстицкис В., 2010); для изучения акцентуаций характера подростков применяется «Патохарактерологический диагностический опросник» (ПДО), разработанный А. Е. Личко (2013). Таким

образом, исследовать акцентуации личности у выборки женщин, сопоставив их со стандартизированными нормами, в настоящий период времени не представляется возможным, т. к. таких исследований, среди изученных нами, не обнаружено.

В связи с этим, в настоящей работе использован многофакторный личностный опросник «Нервно-психическая неустойчивость - акцентуации» (НПН-А) разработанный К. Н. Поляковым, А. Н. Глушко (Берг Т.Н., 2005) для выявления нервно-психической неустойчивости и акцентуаций характера военнослужащих. Высказывания данного опросника не фиксированы на профессиональных аспектах деятельности, что позволяет использовать его для различных категорий взрослых людей без ограничений по полу и профессиональной направленности. Теоретической основой опросника является концепция «акцентуированных личностей» К. Леонгарда (2000), который определял акцентуации как индивидуальные черты личности, обладающие тенденцией к переходу в патологическое состояние и указывал, что особенности акцентуированной личности могут проявляться лишь в определенных патогенных условиях (психические травмы, критические ситуации в жизни и т.д.).

Помимо акцентуаций личности, данная методика исследует нервно-психическую устойчивость, которая определяется как «сложное, комплексное свойство личности, характеризующее состояние регуляции системы нервно-психической адаптации» человека (Чермянин С.В., 2010, с.50).

Опросник НПН-А имеет следующие шкалы:

1. Шкала «Достоверность» направлена на выявление «фактора социальной желательности» ответов, тенденцию скрывать проблемы и негативные стороны своей личности.

2. Шкала «Нервно-психическая неустойчивость» показывает наличие у обследуемого признаков НПН: низкий уровень поведенческой регуляции, нарушение межличностных отношений, недостаточную социальную зрелость, нарушения в сфере профессиональной деятельности, нарушения моральных норм поведения, низкие адаптационные возможности. Высокие показатели по данной

шкале свидетельствуют о наличии у обследуемого признаков нервно-психической неустойчивости.

3. Шкала «Истерия». При высоком значении шкалы отмечается болезненная и неадекватная реакция на порицание, непризнание «заслуг», поведение ориентировано на внешний эффект; характерно позерство, эгоцентризм, самовлюбленность, демонстративность поведения, желание быть в центре внимания, склонность к преувеличениям.

4. Шкала «Психастения». Для обследуемых с высоким показателем характерны тревожность, мнительность, нерешительность, неуверенность в себе, особенно в условиях динамичной обстановки, дефицита времени и информации; повышенная ранимость и чувство неполноценности, склонность к сомнениям, пониженной самооценке и недовольству собой; трудность в принятии решений, избегание ответственных задач.

5. Шкала «Психопатия» характеризует наличие повышенной возбудимости, агрессивности, неуживчивости, эксплозивности, упрямства; склонность к бурным реакциям протеста и прямолинейной критике; низкий уровень самоконтроля, властность, высокое чувство соперничества, стремление любой ценой отстоять, оправдать свои поступки и убеждения; непредсказуемость эмоций и поступков.

6. Шкала «Паранойя» выявляет наличие у обследуемого склонности к образованию «выдающихся идей» и «борьбе за справедливость»; глубокое теоретизирование, прямолинейность в суждениях, высокомерие и самоуверенность; узость и односторонность интересов, недоверие и подозрительность, упорство в отстаивании убеждений, конфликтность в случае непризнания заслуг.

7. Шкала «Шизофрения» определяет склонность к теоретическим построениям и неожиданным умозаключениям, часто не совпадающим с выводами и суждениями окружающих, оригинальность и созерцательность; эмоциональную холодность, поверхностное сопереживание, непонимание близких, бесцеремонность и жесткость или, наоборот, повышенную ранимость и

чувствительность; стремление к погружению в собственный мир, отчужденность, замкнутость, бесплодную мечтательность, нарастающие затруднения в общении.

Выше описанные шкалы имеют названия, соответствующие полюсу высоких значений. Для того чтобы избежать влияния клинической терминологии на интерпретацию результатов, было принято решение использовать в настоящей работе унифицированные синонимы данных шкал (Собчик Л.Н., 2000). Таким образом, шкале «Истерия» в настоящем исследовании будет соответствовать название «Эмоциональная лабильность», «Психастения» – «Тревожность», «Психопатия» – «Импульсивность», «Паранойя» – «Ригидность» и «Шизофрения» – «Индивидуалистичность».

Уровень субъективного контроля (УСК)

Среди психологических характеристик, отражающих особенности личностно-средового взаимодействия, особое значение имеют показатели уровня субъективного контроля личности или локуса контроля (интернального или экстернального) (Rotter J., 1966) – интегративной личностной характеристики, оказывающей регулирующее влияние на многие аспекты поведения человека и систему его значимых отношений. Эта характеристика также может рассматриваться в качестве копинг-ресурса в структуре совладающего поведения (Brehm S.S. et al., 2001). Она проявляется в целенаправленной, преобразующей активности человека, реализации его воли и желаний, отражении в его сознании собственной самостоятельности и независимости.

Методика «Уровень субъективного контроля» (УСК) (Бажин Е.Ф. и соавт., 1993) направлена на изучение интернальности-экстернальности как обобщенной характеристики личности, играющей важную роль не только в формировании межличностных отношений, но и в разрешении кризисных ситуаций, в отношении к различным аспектам и сферам жизнедеятельности.

Структура методики УСК включает 7 шкал, характеризующих уровень субъективного контроля личности, то есть того, в какой степени человек ощущает себя активным субъектом своей деятельности (интернальный тип контроля), а в

какой – пассивным объектом внешних обстоятельств и действий других людей (экстернальный тип контроля).

1. Шкала «Общей интернальности» (Ио). Показатели по этой шкале свидетельствуют об уровне субъективного контроля над любыми значимыми жизненными ситуациями.

2. Шкала «Интернальности в области достижений» (Ид). Показатели по этой шкале свидетельствуют об уровне субъективного контроля над эмоционально-позитивными событиями и ситуациями.

3. Шкала «Интернальности в области неудач» (Ин). Показатели по этой шкале свидетельствуют об уровне субъективного контроля по отношению к эмоционально негативным событиям и ситуациям.

4. Шкала «Интернальности в области семейных отношений» (Ис). Показатели по этой шкале свидетельствуют об уровне субъективного контроля над событиями и ситуациями семейной жизни.

5. Шкала «Интернальности в области производственных отношений» (Ип). Показатели по этой шкале свидетельствуют об уровне субъективного контроля личности в организации собственной производственной деятельности, в складывающихся отношениях в коллективе, в своем продвижении по службе, профессиональном росте.

6. Шкала «Интернальности в области межличностных отношений» (Им). Показатели по этой шкале свидетельствуют об уровне субъективного контроля личности в ситуациях общения с другими людьми, в организации неформальных межличностных отношений.

7. Шкала «Интернальности в отношении здоровья и болезни» (Из). Показатели по этой шкале свидетельствуют об уровне субъективного контроля в событиях и ситуациях, связанных со здоровьем, болезнью, лечебными мероприятиями.

В настоящем исследовании УСК использован с целью получения информации об осознании степени личной ответственности за происходящие с ними события исследованных женщин.

Личностный дифференциал (ЛД)

Методика «Личностный дифференциал» (Бажин Е.Ф., Эткинд А.М., 1983) относится к числу «личностных семантических дифференциалов» – модификаций классического семантического дифференциала Ч. Осгуда (Петренко В. Ф., 2005) и потому содержит в своей основе три фактора – Оценка, Сила, Активность.

«Личностный дифференциал» включает 21 шкалу, образованную парами прилагательных-антонимов, отражающих сформировавшиеся в нашей культуре представления о структуре личности. Интерпретация полученных значений факторов Оценка, Сила, Активность проводится с учетом их содержательных характеристик, в зависимости от объекта оценивания, т. е. от того, оценивает ли испытуемый себя или кого-то из ближайшего микросоциального окружения.

Значения фактора Оценка свидетельствуют об уровне самоуважения и самопринятия испытуемого, осознания себя как носителя позитивных, социально желательных характеристик (в случае высоких оценок) или же, напротив, отражают критическое отношение к себе, неудовлетворенность собственным поведением, уровнем достижений, особенностями личности; особо низкие значения этого фактора свидетельствуют о возможных невротических проблемах или депрессивной самооценке. При использовании ЛД для оценки других людей этот фактор интерпретируется как свидетельство уровня привлекательности, симпатии, которым обладает объект оценивания в восприятии субъекта оценивания, то есть степень предпочтения/отвержения другого человека.

Фактор Сила в самооценках свидетельствует о развитии волевых сторон личности, как они осознаются самим человеком. Его высокие значения говорят об уверенности в себе, независимости, склонности рассчитывать на собственные силы в трудных ситуациях. Низкие значения – свидетельствуют о недостаточном самоконтроле, неспособности держаться принятой линии поведения, зависимости от окружающих; особо низкие значения фактора связываются авторами методики с астенизацией и тревожностью. В оценках других людей фактор Сила выявляет отношения доминирования/подчинения между субъектом и объектом оценки.

Фактор Активность в самооценках и оценках других людей интерпретируется как свидетельство экстравертированности личности. Высокие значения указывают на активность, общительность, импульсивность; низкие значения – на интровертированность, определенную пассивность, уравновешенные эмоциональные реакции.

В настоящей работе ЛД использован с целью получения информации о субъективных аспектах отношений обследуемых к себе и к другим людям (к своей матери и к своему ребенку), а также с целью сопоставления этих результатов с представлениями об идеальных образах матери и ребенка у исследованных женщин.

Подростки о родителях (ПоР)

Одним из важнейших компонентов данного исследования является изучение стиля воспитания, реализуемого матерью в отношении ее ребенка-подростка. Поставлена задача, с одной стороны, изучить, как проявляются эмоционально-личностные характеристики матери в ее стиле воспитания и как, с другой стороны, этот стиль воспитания воспринимается ее ребенком-подростком, в какой мере он адекватен, с точки зрения эффективности адаптационного характера воспитательных воздействий.

Для выбора методики, которая позволила бы решить выше обозначенную задачу, в пилотажном исследовании были использованы традиционно применяемые для диагностики детско-родительских отношений опросник «Анализ семейных взаимоотношений» (АСВ) (Эйдемиллер Э.Г. с соавт., 2006) и «Тест-опросник родительского отношения» (ОРО) (Тест родительского..., 2001).

Анализ результатов пилотажного исследования показал, что матери подростков с делинквентным поведением часто дают социально желательные ответы и не обнаруживают, по данным методикам, особенностей (отклонений) в воспитании. При этом, в сопоставляемой группе матерей подростков с нормативным поведением, особенности воспитания по методикам «Анализ семейных взаимоотношений» и «Опросник родительского отношения» выявляются, что позволяет эффективно использовать полученные данные при

консультировании мотивированных родителей. Шкала, позволяющая обнаружить факт социально желательных ответов, в данных методиках отсутствует, что ставит под сомнение возможность ее использования для группы матерей подростков с делинквентным поведением, направленных на консультацию к психологу комиссией по делам несовершеннолетних. Поэтому, для изучения стиля воспитания в настоящей работе была использована методика «Подростки о родителях» (Вассерман Л.И., Горьковая И.А., Ромицина Е.Е., 2004).

Методика «Подростки о родителях» (ПоР) изучает установки, поведение и тактику воспитания родителей так, как это видят и понимают их дети в подростковом возрасте. В результатах методики проявляются как объективные, то есть действительные отношения и стили воспитания родителей, так и субъективные представления подростков о воспитательной практике родителей. Это достигается благодаря тому, что пункты опросника моделируют определенные «воспитательные» ситуации; при ответах на них проявляется понимание и субъективное отношение подростков к гипотетической практике принятия родителями воспитательных решений или, иначе говоря, создается образец этих отношений и воспитательной практики, который складывается в восприятии подростка под влиянием осознаваемых и неосознаваемых факторов.

Методика содержит 5 шкал: «Позитивный интерес», «Директивность», «Враждебность», «Автономность», «Непоследовательность». Поскольку, в выше обозначенные шкалы-понятия со стороны матери и отца подростки разного пола вкладывают несколько различный смысл, используются не только разные количественные нормы при стандартизации результатов обследования в зависимости от возраста и пола детей, а также от пола родителей, но и их различные качественные интерпретации. В настоящем исследовании изучался стиль воспитания матери, поэтому в приведенных ниже описаниях шкал рассмотрены оценки характеристик воспитательной практики матери отдельно как сыном, так и дочерью. Ниже приводятся описания для высоких стандартных значений каждой из шкал.

1. Шкала «Позитивный интерес» (POZ). «Позитивный интерес» матери мальчики-подростки видят не только как психологическое принятие, помощь, поддержку, но и как опеку сильного взрослого человека; девочки-подростки описывают «позитивный интерес» как отношение к маленькому ребенку, который постоянно требует внимания, заботы, помощи и сам по себе мало что может, когда мать стремится удовлетворить любое желание дочери.

2. Шкала «Директивность» (DIR). «Директивность» матери по отношению к сыну воспринимается в навязывании ему чувства вины по отношению к матери, постоянном напоминании о том, что она берет на себя ответственность за все; дочери воспринимают «директивность» матери как жесткий контроль с ее стороны, применение власти, основанной на амбициях, строгость наказаний.

3. Шкала «Враждебность» (HOS). «Враждебность» матери в отношениях с сыном-подростком характеризуется, с его точки зрения, ее агрессивностью и чрезмерной строгостью в межличностных отношениях; «враждебность» матери ее дочерью-подростком описывается как подозрительное отношение к семейной среде, дистанцирование и возвышение себя над остальными.

4. Шкала «Автономность» (AUT). «Автономность» матери в отношениях с сыном понимается им как диктат, полное упоение властью и собственными амбициями, необходимость полного подчинения, невзирая на его чувства и мысли. В отношениях с дочерью «автономность» исключает какую-либо зависимость матери от дочери, ее состояний и потребностей – отрицаются какие-либо формы заботы и опеки по отношению к дочерям. Мать, в восприятии дочери, не обращает внимания на ее воспитание.

5. Шкала «Непоследовательность» (NED). «Непоследовательность» проводимой матерью линии воспитания оценивается сыновьями как чередование таких психологических тенденций, как господство силы и амбиций, с одной стороны, и покорность, деликатность, сверхальтруизм – с другой. Причем все они имеют тенденцию к экстремальным формам выражения (амплитуда колебаний максимальна). Под «непоследовательностью» воспитательной практики со стороны матери, девочки понимают резкую смену стилей и воспитательных

приемов, представляющую собой переход от очень строгого к либеральному и, наоборот, переход от психологического принятия дочери к ее эмоциональному отвержению, вне зависимости от того, что она сделала или не сделала.

Кроме описанных выше шкал, данная методика предоставляет возможность исследовать факторы близости и критики в воспитательной практике родителя. Фактор близости (POZ/HOS) характеризует степень проявления теплых чувств и принятия своего ребенка при высоких стандартных оценках и преимущественного его отвержения – при низких стандартных оценках. Фактор критики (DIR/AUT) характеризует высокую заинтересованность и тотальный контроль родителя в отношении своего ребенка при высоких стандартных оценках и отсутствие заинтересованности в сочетании с безнадзорностью – при низких стандартных оценках.

Экспериментальная техника

«Совместное рисование матери и ее ребенка-подростка»

В основе предложенной экспериментальной техники совместного рисования матери и ее ребенка-подростка (Беляева С.И., 2010) лежит технология, описанная Г. Смит (2001), которую можно рассматривать как модификацию методики «Кинетический рисунок семьи» (Анастази А., Урбина С., 2005), которая, в свою очередь, основана на методе рисования семьи (Хоментаскас Г. Т., 2004). Основным принцип методики «Кинетический рисунок семьи» заключаются в том, что здесь предполагается изображение членов семьи в момент совершения ими каких-либо действий. Технология совместного рисования отчасти базируется на представлениях, послуживших обоснованием создания вышеупомянутой методики, дополняя их тезисом, согласно которому семья, как единая система, является основным элементом психотерапии.

Оригинальность техники совместного рисования, которая является структурированной невербальной процедурой, заключается в том, что в ней участвуют все члены семьи. Очередность рисования и цвет карандаша участники определяют сами до начала работы. Тему рисунка каждый участник определяет самостоятельно, не обсуждая ее предварительно друг с другом. С момента начала

и до окончания рисования участникам правилами запрещается разговаривать. Начало и сам процесс рисования происходит последовательно – участники сменяют друг друга по сигналу психолога, который дает его в сокращающейся временной прогрессии: 30, 25, 20, 15, 5 и 3 секунды. Постепенное сокращение времени рисования повышает интенсивность работы, создает игровую атмосферу и позволяет ослабить сознательный контроль.

Результатом проведения описанной процедуры является создание совместного рисунка – продукта взаимодействий, происходящих между членами семьи. Поскольку каждый из них использует карандаш определенного цвета, на рисунке хорошо видно, кто что рисовал.

Данная методика позволяет экспериментатору проследить процесс практической совместной деятельности матери и ребенка. Помимо этого она предоставляет богатый интерпретационный материал. Качественный анализ полученного рисунка базируется на привлечении известных критериев, применяемых при анализе проективных рисунков: тематические и тональные особенности изображения, композиция и пространственное расположение рисунка, прорисовка, акценты и отсутствие деталей и т.д.

Для настоящего исследования был разработан протокол эксперимента «Совместное рисование матери и ее ребенка-подростка» (Приложение 4), где зависимыми переменными являются:

1. Процесс рисования, который фиксируется в протоколе по критериям последовательности работы, следования инструкции испытуемыми, наличия зрительного контакта, особенностям взаимодействия во время рисования.

2. Результат рисования, который фиксируется в протоколе по критериям пространственной организации рисунка, особенностям выбора тематики, удовлетворенности выполненным рисунком, наличию составленного рассказа по рисунку.

Анализ поведения исследованных матерей и подростков при выполнении процедуры совместного рисования, позволил систематизировать их реакции в четыре основные категории по каждому из критериев анализа, что дало

возможность выполнить количественный частотный анализ при сопоставлении результатов в группах исследуемых.

2.2.3. Математико-статистический метод обработки данных

Для статистического анализа полученных результатов была разработана Информационная карта, отражающая основные социально-демографические, психосоциальные и клиничко-психологические характеристики обследованных матерей и подростков, а также всю совокупность экспериментально-психологических данных, содержащая 188 признаков (Приложение 5). В соответствии со структурой информационной карты был разработан и заполнен на каждую пару исследуемых (мать-подросток) Кодировочный бланк. Весь массив анализируемой информации включает 152 кодировочных бланка.

Для сопоставления результатов исследования в группах матерей и социально адаптированных и делинквентных подростков различия частот (номинативные данные) вычислялись по критерию χ^2 Пирсона, различия средних показателей – по t -критерию Стьюдента. Для изучения взаимосвязи количественных признаков, вычислялись коэффициенты корреляции, и определялся уровень их достоверности. Для выявления индивидуально-личностных показателей матери, наиболее значимых для возникновения и закрепления делинквентного поведения у подростков, был осуществлен регрессионный анализ. С целью определения прогностической значимости отдельных психодиагностических показателей была использована процедура дискриминантного анализа. Кроме того, был проведен двухфакторный дисперсионный анализ; взаимодействующими факторами выступали группы (подростки с делинквентным и нормативным поведением) и пол (мальчики и девочки).

Вычисления производились с помощью компьютерной программы SPSS. Полученные результаты математико-статистического анализа оформлялись в табличном и графическом виде.

ГЛАВА 3. РЕЗУЛЬТАТЫ КЛИНИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ МАТЕРЕЙ И ИХ ДЕТЕЙ – ПОДРОСТКОВ С ДЕЛИНКВЕНТНЫМ И НОРМАТИВНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ

В данной главе представлен анализ результатов клинико-психологического исследования матерей и их детей – подростков с делинквентным и нормативным поведением.

3.1. Результаты клинико-психологического исследования матерей

В настоящем разделе приведены результаты психологического исследования психосоциальных характеристик матерей подростков с делинквентным и нормативным поведением, полученные с помощью специально разработанного клинико-психологического интервью (Приложение 1).

3.1.1. Психосоциальные характеристики

В таблице 10 представлены результаты исследования характеристик взаимоотношений матерей подростков с делинквентным и нормативным поведением и их родительских семей, отражающие условия формирования личности женщин сопоставляемых групп.

Таблица 10. Социально-психологические характеристики формирования личности матерей подростков с делинквентным и нормативным поведением

Характеристики, отражающие условия формирования личности матерей	Матери подростков с делинквентным поведением		Матери подростков с нормативным поведением	
	чел.	%	чел.	%
Состав семьи, в которой воспитывалась мать				
Полная семья	31	40,8	57	75,0
Один родитель	36	47,4	18	23,7
Родственники	6	7,9	1	1,3
Детское учреждение	3	3,9	0	0
$\chi^2 = 20,3$ $p < 0,001$				

Характеристики, отражающие условия формирования личности матерей	Матери подростков с делинквентным поведением		Матери подростков с нормативным поведением	
	чел.	%	чел.	%
Оценка степени позитивного участия родителей в жизни				
Высокая	10	13,2	56	73,7
Средняя	40	52,6	20	26,3
Низкая	21	27,6	0	0
Отсутствует	5	6,6	0	0
$\chi^2 = 64,7$ $p < 0,001$				
Наличие поддержки со стороны родительской семьи				
Есть поддержка	15	19,7	63	82,9
Не всегда	26	34,2	11	14,5
Нет поддержки	35	46,1	2	2,6
$\chi^2 = 65,1$ $p < 0,001$				
Степень влияния матери				
Высокая	39	51,3	17	22,4
Средняя	12	15,8	57	75,0
Низкая	16	21,1	2	2,6
Отсутствует	9	11,8	0	0
$\chi^2 = 57,9$ $p < 0,001$				
Степень влияния отца				
Высокая	21	27,6	18	23,7
Средняя	4	5,3	49	64,5
Низкая	11	14,5	6	7,9
Отсутствует	40	52,6	3	3,9
$\chi^2 = 71,7$ $p < 0,001$				
Предположения об ожиданиях со стороны матери				
Успешности в карьере	3	3,9	23	30,3
Счастливой жизни (была счастлива)	3	3,9	33	43,4
Нормальной жизни (как у всех)	21	27,6	12	15,8
Материального достатка	17	22,4	6	7,9
Чтобы была хорошей матерью	13	17,1	2	2,6
Ничего не ждет	8	10,6	0	0
Не знают	11	14,5	0	0
$\chi^2 = 75,2$ $p < 0,001$				

Представленные в таблице 10 данные показывают, что по всем обозначенным в ней характеристикам матерей подростков сопоставляемых групп имеются высоко значимые статистические различия. Большинство (75%) матерей социально адаптированных подростков воспитывались в полных семьях, в то время как среди матерей делинквентных подростков таких – 40,8%. В последней группе также имеются женщины, которые воспитывались родственниками (7,9%) и в детских учреждениях (3,9%).

Как высокое, оценивают позитивное участие своих родителей 73,7% матерей социально адаптированных подростков и лишь 13,2% матерей делинквентных подростков. Также, 27,6% матерей делинквентных подростков оценивают его как низкое, и 6,6% – как отсутствующее. В сопоставляемой группе таких ответов не прозвучало.

О наличии поддержки со стороны семьи сообщают 82,9% матерей подростков с нормативным поведением и 19,7% матерей подростков с делинквентным поведением, при этом 46,1% последних говорят о полном отсутствии поддержки со стороны родительской семьи.

Степень влияния на жизнь женщин со стороны их матери и отца оценивается матерями делинквентных и социально адаптированных подростков как высокая – 51,3%, 27,6% и 22,4% и 23,7%, соответственно; как низкая – 21,1%, 14,5% и 2,6%, 7,9%, соответственно; как отсутствующая – 11,8%, 52,6% и 0%, 3,9%, соответственно. Таким образом, матери делинквентных подростков отмечают большее влияние на свою жизнь со стороны матери и меньшее влияние со стороны отца, чем матери подростков с нормативным поведением, которые, в большинстве случаев, оценивают влияние и отца и матери на собственную жизнь как среднее.

Наибольшее число предположений об ожиданиях со стороны их матерей женщины сопоставляемых групп описали как «ожидание того, что я буду счастлива в жизни» – 43,4%, «ожидание успешности в карьере» – 30,3% у матерей социально адаптированных подростков и «ожидание того, что я буду жить как все (не хуже других)» – 27,4%, «ожидание материального достатка» – 22,4% у матерей делинквентных подростков. В последней группе встречались ответы, показывающие, что мать ничего от них не ждет (10,5%) и что они не знают и не могут предположить характер ожиданий своих матерей (14,5%). Это может свидетельствовать о наличии дистанции между этими женщинами и их матерями, отсутствии взаимопонимания и доверительных отношений между ними.

В таблице 11 представлены результаты исследования характеристик, которые отражают актуальные условия жизни женщин сопоставляемых групп, в которых обнаружены статистически значимые различия.

Таблица 11. Социально-психологические характеристики, отражающие актуальные условия жизни матерей подростков с делинквентным и нормативным поведением

Характеристики, отражающие актуальные условия жизни матерей	Матери подростков с делинквентным поведением		Матери подростков с нормативным поведением	
	чел.	%	чел.	%
Удовлетворенность существующим трудоустройством				
Полностью удовлетворена	27	35,5	48	63,2
Частично удовлетворена	29	38,2	28	36,8
Не удовлетворена	20	26,3	0	0
$\chi^2 = 25,9$ $p < 0,001$				
Наличие увлечений (хобби)				
Несколько увлечений	6	7,9	46	60,5
Одно увлечение	18	23,7	26	34,2
Нет увлечений	52	68,4	4	5,3
$\chi^2 = 76,9$ $p < 0,001$				
Характер взаимоотношений в семье				
Очень хорошие	2	2,6	34	44,7
Хорошие	27	35,5	42	55,3
Не очень хорошие	37	48,7	0	0
Плохие	10	13,2	0	0
$\chi^2 = 78,7$ $p < 0,001$				
Поддержка со стороны своей семьи				
Есть поддержка	5	6,6	58	76,3
Не всегда	37	48,7	18	23,7
Нет поддержки	34	44,7	0	0
$\chi^2 = 85,2$ $p < 0,001$				
Характер взаимоотношений с мужем				
Очень хорошие	0	0	40	52,6
Хорошие	23	30,3	23	30,3
Не очень хорошие	20	26,3	7	9,2
Плохие	16	21,1	2	2,6
Нет отношений с мужем	17	22,3	4	5,3
$\chi^2 = 56,4$ $p < 0,001$				
Удовлетворенность своей жизнью				
Очень нравится	3	3,9	42	55,3
Нравится	28	36,9	34	44,7
Не очень нравится	29	38,2	0	0
Не нравится	9	11,8	0	0
Очень не нравится	7	9,2	0	0
$\chi^2 = 79,4$ $p < 0,001$				

Из таблицы 11 можно увидеть, что 26,3% матерей делинквентных подростков не удовлетворены существующим трудоустройством. В

сопоставляемой группе данной категории не обнаружено. Анализ сферы досуга показывает, что 94,7% матерей социально адаптированных подростков имеют увлечения (хобби), причем 60,5% – имеют несколько увлечений. В то же время в сопоставляемой группе 68,4% женщин увлечений (хобби) не назвали.

Исследование характера взаимоотношений в семьях показывает, что 44,7% матерей социально адаптированных подростков называют их очень хорошими, и 55,3% – хорошими. В сопоставляемой группе таких матерей 2,6% и 35,5% соответственно; 48,7% из них называют свои отношения в семье не очень хорошими, а 13,2% – плохими. При этом отношения с мужем как очень хорошие, не смог охарактеризовать никто из матерей подростков с делинквентным поведением. Наличие поддержки в собственной семье отмечают 76,3% матерей подростков с нормативным поведением и только 6,6% матерей подростков с делинквентным поведением. В последней группе, 44,7% женщин говорят о том, что поддержка отсутствует полностью.

Анализ степени удовлетворенности своей жизнью в настоящий момент обследованных матерей подростков с нормативным и делинквентным поведением показывает, что 55,3% и 3,9%, соответственно, очень нравятся собственная жизнь; 44,7% и 36,9%, соответственно, в целом удовлетворены собственной жизнью. Матери делинквентных подростков, в отличие от сопоставляемой группы, чаще говорят о неудовлетворенности собственной жизнью.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что матери делинквентных подростков в меньшей степени, чем матери сопоставляемой группы, удовлетворены актуальными условиями жизни – работой, досугом, взаимоотношениями в семье, что, в свою очередь, лишает (или снижает эффективность) их поддержки данными социальными ресурсами в кризисных ситуациях, которые возникают в жизни.

В таблице 12 приведены социально-психологические характеристики, отражающие взаимоотношения матерей и их детей-подростков в сопоставляемых группах, по которым обнаружены статистически значимые различия.

Таблица 12. Социально-психологические характеристики, отражающие взаимоотношения матерей и их детей в группах подростков с делинквентным и нормативным поведением

Характеристики, отражающие взаимоотношения матери и ее ребенка-подростка	Матери подростков с делинквентным поведением		Матери подростков с нормативным поведением	
	чел.	%	чел.	%
Желанность ребенка				
Желанный	11	14,5	64	84,2
Скорее желанный, чем нет	41	53,9	12	15,8
Скорее нежеланный	19	25,0	0	0
Не желанный	5	6,6	0	0
$\chi^2 = 77,3$ $p < 0,001$				
Способ вскармливания				
Грудное	26	34,2	64	84,2
Искусственное	50	65,8	12	15,8
$\chi^2 = 39,3$ $p < 0,001$				
Совместное с ребенком времяпрепровождение				
Ежедневно	4	5,3	52	68,4
По выходным дням	14	18,4	23	30,3
Редко	41	53,9	1	1,3
Почти никогда	17	22,4	0	0
$\chi^2 = 98,4$ $p < 0,001$				
Взаимопонимание с ребенком				
Взаимопонимание есть	0	0	75	98,7
Не всегда	50	65,8	1	1,3
Взаимопонимания нет	26	34,2	0	0
$\chi^2 = 148,1$ $p < 0,001$				
Доверие ребенку				
Доверие есть	7	9,2	72	94,7
Не всегда	41	54,0	4	5,3
Доверия нет	28	36,8	0	0
$\chi^2 = 111,9$ $p < 0,001$				
Наказание ребенка				
Часто наказывает	42	55,3	0	0
Редко наказывает	27	35,5	23	30,3
Никогда не наказывает	7	9,2	53	69,7
$\chi^2 = 77,6$ $p < 0,001$				
Прогноз дальнейшего поведения (для группы делинквентных подростков)				
Нарушения поведения скоро закончатся	15	19,7		
Нарушен.поведения закончатся, но не скоро	26	34,2		
Нарушения поведения будут продолжаться	35	46,1		

Представленные в таблице 12 данные показывают, что в сопоставляемых группах обнаружены высоко статистически значимые различия по критерию желанности ребенка. 84,2% матерей социально адаптированных подростков сообщили, что ребенок был желанным для них. Среди матерей делинквентных

подростков таких ответов было 14,5%; 53,9% матерей данной группы сказали, что ребенок был «скорее желанным, чем нет»; 25% – что ребенок был «скорее нежеланным»; нежеланным этого (обследуемого) ребенка назвали 6,6%.

Также статистически значимые различия ($p < 0,001$) выявлены по критерию «способ вскармливания». Матери подростков с делинквентным поведением в 65,8% случаев вскармливали ребенка искусственно, в сопоставляемой группе такие ответы лишь в 15,8% случаев. Таким образом, можно предположить, что вербализуемая нежеланность ребенка в сочетании с искусственным способом вскармливания в раннем детском возрасте не способствовали формированию близких, доверительных, интимных отношений между матерью и ребенком.

При исследовании взаимопонимания между матерью и ребенком, доверия и количества времени, проводимого матерью вместе с ребенком, обнаружены следующие статистически значимые различия ($p < 0,001$). 98,7% матерей социально адаптированных подростков сообщают, что у них есть взаимопонимание с ребенком; 94,7% - полностью доверяют своему ребенку и 68,4% ежедневно проводят время вместе со своим ребенком. В группе матерей делинквентных подростков таких ответов – 0%, 9,2% и 5,3%, соответственно. При этом 53,9% матерей последней группы редко проводят время с ребенком, а 22,4% - почти никогда; 34,2% сообщают об отсутствии взаимопонимания и 36,8% - об отсутствии доверия к своим детям-подросткам. По этим данным можно проследить реализацию, заложенной в раннем детском возрасте, тенденции к дистанцированию, как эмоциональному, так и физическому, матерей от своих детей в исследуемой группе.

Анализ частоты наказания исследуемого подростка в семье показывает, что 30,3% матерей социально адаптированных подростков и 35,5% матерей делинквентных подростков наказывают их редко. При этом 69,7% матерей социально адаптированных подростков не наказывают их почти никогда, в то время как 55,3% матерей делинквентных подростков наказывают их часто, что определяет статистически значимые различия ($p < 0,001$) по данному критерию. Также изучен характер наказаний, который показывает, что делинквентных

подростков чаще наказывают ограничением свободы (76,3%), а также игнорированием (51,0%) и физическими воздействиями (59,2%). В сопоставляемой группе эти цифры: 21,1%, 5,3% и 2,6% соответственно ($p < 0,001$). Такая частота и тактика наказаний, в группе матерей делинквентных подростков, может свидетельствовать о неумении применять такие меры воспитательного воздействия как убеждение, внушение, разъяснение, или об их неэффективном применении, что ставит под сомнение педагогическую компетентность этих матерей. Помимо этого, было изучено мнение матерей делинквентных подростков относительно характера поведения их детей в дальнейшем. Анализ показал, что 46,1% исследованных матерей считают, что позитивных изменений в поведении их ребенка быть не может.

По критерию порядка рождения в семье исследуемого подростка различия частот не обнаружено.

3.1.2. Соматический статус

В таблице 13 представлены статистически значимые результаты клинико-психологического исследования частоты встречаемости различных видов соматической патологии женщин, полученные с помощью их анкетирования.

Таблица 13. Характеристики, отражающие состояние здоровья матерей подростков с делинквентным и нормативным поведением

Характеристики, отражающие состояние здоровья матерей	Матери подростков с делинквентным поведением		Матери подростков с нормативным поведением		Достоверность различий
	чел.	%	чел.	%	
Нарушение зрения	7	5,3	17	22,4	$p < 0,01$
Заболевание бронхолегочной системы	40	52,6	6	7,9	$p < 0,001$
Заболевание мочеполовой системы	27	35,5	11	14,5	$p < 0,01$
Заболевание печени и желчевыв. путей	28	36,8	8	10,5	$p < 0,001$
Неврологическая патология	35	46,1	2	2,6	$p < 0,001$

Примечание. В таблице 13 суммарное количество человек в группе «Матери подростков с делинквентным поведением» $n > 76$, т.к. у отдельных женщин было выявлено несколько заболеваний; в группе «Матери подростков с нормативным поведением» количество человек $n < 76$, т.к. у отдельных женщин не было выявлено хронических заболеваний.

Из таблицы 13 видно, что обнаружены высоко статистически значимые различия по параметрам наличия заболеваний бронхолегочной системы, печени и неврологической патологии. Во всех трех случаях им более подвержены матери подростков с делинквентным поведением (52,6%, 36,8% и 46,1%, соответственно), чем матери подростков с нормативным поведением (7,9%, 10,5% и 2,6%, соответственно). Та же тенденция обнаружена по параметрам заболеваний мочеполовой системы. У матерей подростков с нормативным поведением чаще обнаруживаются нарушения зрения. По параметрам наличия болезней органов слуха, желудочно-кишечного тракта, кожи, крови, сердечнососудистой системы, хирургических операций, нарушений опорно-двигательного аппарата, эндокринной патологии и психопатологии различия частот не обнаружено.

В таблице 14 представлены результаты исследования характеристик, отражающих отношение матерей подростков с делинквентным и нормативным поведением к своему здоровью.

Таблица 14. Характеристики, отражающие отношение матерей подростков с делинквентным и нормативным поведением к своему здоровью

Характеристики, отражающие отношение матерей к своему здоровью	Матери подростков с делинквентным поведением		Матери подростков с нормативным поведением	
	чел.	%	чел.	%
Курение табака				
Не курит	14	18,4	62	81,6
Курит редко	25	32,9	14	18,4
Курит постоянно	37	48,7	0	0
$\chi^2 = 70,4$ $p < 0,001$				
Употребление алкоголя				
Не употребляет алкоголь	3	3,9	12	15,8
Употребляет алкоголь иногда	73	96,1	64	84,2
Употребляет алкоголь часто	0	0	0	0
$\chi^2 = 5,9$ $0,01 < p < 0,05$				
Оценка состояния своего здоровья				
Очень хорошее	7	9,2	4	5,3
Хорошее	23	30,3	55	72,3
Не очень хорошее	33	43,4	17	22,4
Плохое	12	15,8	0	0
Очень плохое	1	1,3	0	0
$\chi^2 = 32,1$ $p < 0,001$				

Из таблицы 14 видно, что в группе матерей подростков с делинквентным поведением имеется большее количество жалоб на свое здоровье, более частая

субъективная оценка его как «плохого», при этом большая подверженность вредным привычкам (курению табака, употреблению алкоголя), по сравнению с сопоставляемой группой. Следовательно, с одной стороны, матери делинквентных подростков имеют меньше физических ресурсов для преодоления сложных жизненных ситуаций, с другой – формируют у своих детей-подростков представления о негативных паттернах поведения, демонстрируя неспособность отказаться от вредных привычек при общепринятом их социальном порицании.

Таким образом, при клинико-психологическом исследовании с помощью структурированного интервью обнаружен ряд различий в психосоциальных характеристиках и соматическом статусе в группах матерей подростков с делинквентным и нормативным поведением.

3.2. Результаты клинико-психологического исследования подростков

В настоящем разделе приведены результаты психологического исследования психосоциальных характеристик подростков с делинквентным и нормативным поведением, полученные с помощью специально разработанного клинико-психологического интервью (Приложение 1, 2, 3), а также данные об актуальном соматическом статусе подростка, полученные из бесед с медицинскими работниками образовательных учреждений.

3.2.1. Психосоциальные характеристики

В таблице 15 приведены результаты клинико-психологического исследования основных характеристик, отражающих социально-психологическую адаптацию обследованных подростков: школьную академическую успеваемость, отношение к учебной деятельности, наличие увлечений (хобби), характеризующие внеурочную занятость подростка и его вовлеченность в социально одобряемую деятельность, удовлетворенность собственной жизнью в целом.

Таблица 15. Характеристики социально-психологической адаптации подростков с делинквентным и нормативным поведением

Характеристики социально-психологической адаптации подростков	Подростки с делинквентным поведением		Подростки с нормативным поведением	
	чел.	%	чел.	%
Успеваемость в школе				
Отличная	0	0	6	7,9
Хорошая	5	6,6	66	86,8
Удовлетворительная	58	76,3	4	5,3
Неудовлетворительная	13	17,1	0	0
$\chi^2 = 118,4$	p < 0,001			
Отношение к учебе				
Нравится учиться	5	6,6	48	63,2
Не совсем	32	42,1	28	36,8
Не нравится учиться	39	51,3	0	0
$\chi^2 = 74,2$	p < 0,001			
Наличие увлечения (хобби)				
Несколько увлечений	2	2,6	52	68,5
Одно увлечение	22	29,0	24	31,5
Нет увлечений	52	68,4	0	0
$\chi^2 = 98,4$	p < 0,001			
Удовлетворенность своей жизнью				
Очень нравится	25	32,9	53	69,7
Нравится	42	55,3	23	30,3
Не очень нравится	4	5,3	0	0
Не нравится	3	3,9	0	0
Очень не нравится	2	2,6	0	0
$\chi^2 = 24,6$	p < 0,001			

Как видно из таблицы 15, по всем исследованным социально-психологическим характеристикам между подростками с делинквентным и нормативным поведением имеются статистически значимые различия.

Выявлено, что социально адаптированные подростки в подавляющем большинстве (86,8%) имеют хорошую успеваемость, делинквентные – удовлетворительную (76,3%). При этом нравится учиться 63,2% социально адаптированных подростков, а среди исследованных делинквентных подростков данная категория составляет лишь 6,6%.

Наличие увлечений (хобби) обнаружили 100% подростков с нормативным поведением, и только 31,6% подростков с делинквентным поведением, что показывает затруднение последних реализовать свои потребности посредством имеющихся социально одобряемых ресурсов.

Ответы на вопрос «На сколько Вы удовлетворены своей жизнью» показывают, что собственная жизнь нравится 88,2% подростков с делинквентным поведением и 11,8% не удовлетворены собственной жизнью в большей или меньшей степени. Количественный анализ ответов на этот же вопрос подростков с нормативным поведением показал, что собственная жизнь нравится 100% опрошенных.

Для дифференциации показателей социально-психологической адаптации подростков по полу были отдельно сопоставлены результаты клинико-психологического исследования социально адаптированных и делинквентных мальчиков и девочек-подростков.

В таблице 16 приводятся показатели основных характеристик социально-психологической адаптации в сопоставляемых группах в соответствии с полом исследованных подростков.

Таблица 16. Характеристики социально-психологической адаптации мальчиков и девочек-подростков с делинквентным и нормативным поведением

Характеристики социально-психологической адаптации подростков	Мальчики-подростки с делинквент. поведением		Мальчики-подростки с нормативн. поведением		Девочки-подростки с делинкв. поведением		Девочки-подростки с нормативн. поведением	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Успеваемость в школе								
Отличная	0	0	0	0	0	0	6	15,8
Хорошая	0	0	37	97,4	5	17,9	29	76,3
Удовлетворительная	38	79,2	1	2,6	20	71,4	3	7,9
Неудовлетворительная	10	20,8	0	0	3	10,7	0	0
	$\chi^2 = 82,0$		$p < 0,001$		$\chi^2 = 37,9$		$p < 0,001$	
Отношение к учебе								
Нравится учиться	4	8,3	22	57,9	1	3,6	26	68,4
Не совсем	19	39,6	16	42,1	13	46,4	12	31,6
Не нравится учиться	25	52,1	0	0	14	50,0	0	0
	$\chi^2 = 37,6$		$p < 0,001$		$\chi^2 = 36,5$		$p < 0,001$	
Наличие увлечения, хобби								
Несколько увлечений	1	2,1	28	73,7	1	3,6	24	63,2
Одно увлечение	15	31,2	10	26,3	7	25,0	14	36,8
Нет увлечений	32	66,7	0	0	20	71,4	0	0
	$\chi^2 = 57,8$		$p < 0,001$		$\chi^2 = 42,9$		$p < 0,001$	

Удовлетворенность своей жизнью										
Очень нравится	15	31,3	27	71,1	10	35,7	26	68,4		
Нравится	26	54,2	11	28,9	16	57,1	12	31,6		
Не очень нравится	2	4,1	0	0	2	7,2	0	0		
Не нравится	3	6,3	0	0	0	0	0	0		
Очень не нравится	2	4,1	0	0	0	0	0	0		
	$\chi^2 = 15,6$			$p < 0,01$		$\chi^2 = 79,4$			$p < 0,05$	

Представленные в таблице 16 данные показывают, что по всем исследованным социально-психологическим характеристикам между социально адаптированными и делинквентными мальчиками-подростками имеются статистически значимые различия. Наибольшие различия выявлены по параметрам «Успеваемость в школе»: социально адаптированные мальчики-подростки в 97,4% случаев имеют хорошую успеваемость, а делинквентные в 79,2% – удовлетворительную и 20,8% – неудовлетворительную, а также «Наличие увлечения»: 73,7% социально адаптированных мальчиков-подростков сообщают, что у них имеется 2 и более хобби, среди делинквентных мальчиков-подростков таких ответов было лишь 2,1% и 66,7% опрошенных не могут назвать ни одного своего увлечения (вариант ответа «гулять» не учитывался).

Между социально адаптированными и делинквентными девочками-подростками также имеются статистически значимые различия по всем изученным характеристикам, кроме параметра «Удовлетворенность собственной жизнью», где различия представлены на уровне статистической достоверности.

Таким образом, при сравнении данных, приведенных в таблице 15, видно, что между мальчиками и девочками-подростками с нормативным и делинквентным поведением имеются статистически значимые различия по всем сопоставляемым параметрам. В группе девочек-подростков с делинквентным поведением можно отметить большую удовлетворенность собственной жизнью, чем у мальчиков-подростков этой же группы. Это может быть связано с гендерным фактором, большей потребностью мальчиков-подростков к экспериментированию, что нередко сдерживается и даже запрещается и родителями, и педагогами.

В настоящем исследовании были изучены аспекты, характеризующие как взаимоотношения подростков с делинквентным и нормативным поведением и родительской семьи в целом, так и с матерями, отцами и отчимами (при наличии), в частности. В таблице 17 приведены результаты клинико-психологического исследования взаимоотношений подростков сопоставляемых групп с их матерями, как основным участником исследования.

Таблица 17. Характеристики взаимоотношений подростков с делинквентным и нормативным поведением с их матерями

Характеристики взаимоотношений подростков с делинквентным и нормативным поведением с их матерями	Подростки с делинквентным поведением		Подростки с нормативным поведением	
	чел.	%	чел.	%
Наличие поддержки матери				
Обычно есть поддержка	33	43,4	75	98,7
Поддержка бывает не всегда	35	46,1	1	1,3
Нет поддержки	8	10,5	0	0
$\chi^2 = 56,4$ $p < 0,001$				
Степень влияния матери				
Высокая	35	46,1	22	29,0
Средняя	26	34,2	52	68,4
Низкая	14	18,4	2	2,6
Отсутствует	1	1,3	0	0
$\chi^2 = 21,6$ $p < 0,001$				
Степень позитивного участия матери				
Высокая	29	38,2	69	90,8
Средняя	35	46,0	7	9,2
Низкая	11	14,5	0	0
Отсутствует	1	1,3	0	0
$\chi^2 = 46,9$ $p < 0,001$				
Проблемы во взаимоотношениях с матерью				
Обычно нет проблем	17	22,4	47	61,8
Проблемы бывают редко	33	43,4	29	38,2
Проблемы бывают часто	26	34,2	0	0
$\chi^2 = 40,3$ $p < 0,001$				
Взаимопонимание с матерью				
Обычно есть взаимопонимание	21	27,6	74	97,4
Взаимопонимание не всегда	47	61,9	2	2,6
Нет взаимопонимания	8	10,5	0	0
$\chi^2 = 78,9$ $p < 0,001$				
Наличие доверия матери				
Доверяют полностью	36	47,4	69	90,8
Доверяют не всегда	34	44,7	7	9,2
Не доверяют	6	7,9	0	0
$\chi^2 = 34,2$ $p < 0,001$				

Предположения об ожиданиях матери от подростка в будущем				
Успешности, достижений	6	7,9	43	56,6
Что будет счастливым	1	1,3	21	27,6
Хорошей (нормальной) учебы	29	38,1	12	15,8
Материальной обеспеченности	6	7,9	0	0
Хорошего поведения, послушания	20	26,3	0	0
Что станет другим (изменится)	5	6,6	0	0
Чтобы дома был порядок	5	6,6	0	0
Не знают	4	5,3	0	0
$\chi^2 = 93,2$	$p < 0,001$			

Анализ данных, приведенных в таблице 17, показывает, что обнаружены статистически значимые различия ($p < 0,001$) в сопоставляемых группах по критерию наличия поддержки со стороны матери. О наличии поддержки сообщают 98,7% социально адаптированных подростков, и только 43,4% делинквентных. Причем 10,5% делинквентных подростков сообщают о полном отсутствии поддержки со стороны матери, чего в группе социально адаптированных подростков не выявлено. Отвечая на вопрос о наличии поддержки со стороны отца, 36,8% подростков с делинквентным поведением сообщили, что у них нет отца, т. е. они не знают своего отца, не живут и не общаются с ним. В сопоставляемой группе этот показатель составил 1,3%. Осознание подростком отсутствия отца в его жизни, не только сужает круг членов семьи, которые могут оказать поддержку в сложной жизненной ситуации, но и лишает подростка (в случае отсутствия отчима) специфической мужской поддержки – поддержки отца-защитника. Некоторых из обследованных подростков (12% выборки) кроме матери, воспитывают отчимы. При этом, говорят о наличии поддержки со стороны отчима 80% социально адаптированных подростков, у делинквентных подростков данная категория ответов отсутствует. По параметру «наличие поддержки со стороны семьи» подростки с делинквентным поведением в 50% случаев сообщают, что чувствуют поддержку со стороны семьи не всегда и в 7,9% говорят, что поддержка со стороны семьи отсутствует полностью. Эти показатели у подростков с нормативным поведением 2,6% и 0% соответственно. Данные результаты свидетельствуют, что большинство (97,4%) социально адаптированных подростков могут получить

поддержку в семье, а большинство делинквентных подростков (57,9%) вынуждены искать такую поддержку в других социальных группах. Выбор такой группы обусловлен имеющимся у подростка опытом и, в последнем случае, обращение за поддержкой происходит к группам ребят с таким же делинквентным поведением, которые могут понять, посочувствовать и дать советы из своего жизненного опыта по тактике общения с родителями, педагогами, психологами и сотрудниками правоохранения.

Оценка степени влияния матери и отца обнаружила статистически значимые различия между социально адаптированными и делинквентными подростками ($p < 0,001$). Причем высокую и среднюю степень влияния матери обозначают 28,9% и 68,4% социально адаптированных подростков и 46,0% и 34,2% делинквентных подростков, соответственно. Как низкую оценили степень влияния матери 2,6% подростков с нормативным поведением и 18,4% подростков с делинквентным поведением. Высокую и среднюю степень влияния отца определяют 36,8% и 43,4% соответственно социально адаптированных подростков и 18,4% и 14,5% делинквентных подростков. Сообщили об отсутствии влияния отца на их жизнь 50% подростков с делинквентным поведением. В сопоставляемой группе этот показатель – 9,2%. Различия степени влияния отчима на жизнь исследованных подростков с делинквентным и нормативным поведением обнаружены на достоверном уровне значимости ($p < 0,01$). Высокой степени влияния не выявлено, но о средней степени влияния говорят 100% подростков с нормативным поведением и только 15,4% подростков с делинквентным поведением. Таким образом, можно сделать вывод о том, что на подростков с делинквентным поведением семья (мать, отец или отчим) оказывает меньшее влияние, чем на подростков с нормативным поведением.

Анализ критерия «Степень позитивного участия матери» показывает статистически значимые различия ($p < 0,001$) в сопоставляемых группах. Так 90,8% подростков с нормативным поведением определяет ее как высокую. Такую оценку дает только 38,2% подростков с делинквентным поведением. При этом, последние говорят о низкой степени позитивного участия матери в 14,5% случаев.

Аналогичные результаты получены при анализе степени позитивного участия отца в сопоставляемых группах с той лишь разницей, что значительно возрастает процент ответов «Позитивное участие отсутствует»: 51,3% и 7,9% в группах делинквентных и социально адаптированных подростков соответственно. Данные результаты могут быть связаны с тем, что значительное количество обследованных подростков не имеет отцов (36,8% среди делинквентных подростков и 1,3% среди адаптированных). Различия степени позитивного участия отчима в жизни сопоставляемых групп подростков обнаружены на достоверном уровне значимости ($p < 0,01$). Высокой степени по этому критерию не выявлено, но о средней степени позитивного участия отчима сообщили 100% подростков с нормативным поведением, при этом 53,8% подростков с делинквентным поведением сказали, что степень позитивного участия отчима в их жизни низкая, а 30,8% – что она вообще отсутствует.

Об отсутствии проблем с матерью и отцом сообщили, соответственно, 22,4% и 5,3% подростков с делинквентным поведением и 61,8% и 53,9% подростков с нормативным поведением ($p < 0,001$). Сказали о том, что проблемы с отчимом бывают часто 76,8% делинквентных подростков. В сопоставляемой группе таких ответов не было ($p < 0,01$). Из этого можно сделать вывод, что в семьях делинквентных подростков возникающие разногласия не удается решать в повседневном режиме, и они доводятся до уровня проблем. При оценке параметра «взаимоотношения с отцом» возникает показатель «проблемы отсутствуют», относящийся к ответам ребят, которые сказали, что не имеют отца: не живут и не общаются с ним (36,8% подростков с делинквентным поведением и 1,3% подростков с нормативным поведением).

Наличие взаимопонимания с матерью, отцом и отчимом отмечают, соответственно, 97,4%, 67,1% и 60% подростков с нормативным поведением и только 27,6%, 6,6% и 0% подростков с делинквентным поведением при статистически значимых различиях по данному пункту ($p < 0,001$). При этом показатели доверия матери, отцу и отчиму, соответственно, 90,8%, 65,8% и 40% у социально адаптированных подростков и 47,4%, 10,5% и 0% у делинквентных

($p < 0,001$). Такие данные свидетельствуют о том, что подростки с делинквентным поведением не имеют возможности поделиться своими переживаниями в семье, в связи с чем, может возникать чувство отчужденности.

Анализ предположений подростков об ожиданиях матерей относительно их будущего определяет статистически значимые различия по данному критерию ($p < 0,001$) и показывает, что 56,6% социально адаптированных подростков считают, что их матери ожидают, что в будущем они добьются успехов в жизни. В сопоставляемой группе таких – 7,9%. Также 27,6% подростков первой группы предполагают, что их матери ждут, что в их жизни все будет хорошо, и они будут счастливыми; во второй группе таких ответов 1,3%. Об ожиданиях хорошей (нормальной) учебы сказали 15,8% подростков с нормативным поведением и 38,1% подростков с делинквентным поведением. Обращает внимание, что в группе делинквентных подростков в 26,3% случаев говорят об ожиданиях хорошего поведения и послушания, 6,6%, что подросток станет другим (изменится), 6,6%, что дома будет порядок и в 5,3% случаев встречается ответ «не знаю», т.е. подростки не имеют четкого представления об ожиданиях матерей в отношении их будущего. В сопоставляемой группе таких вариантов ответа не прозвучало.

В таблице 18 приводятся показатели, имеющие статистические различия между характеристиками взаимоотношений с матерями в группах социально адаптированных и делинквентных подростков, с разделением их по полу.

Таблица 18. Характеристики взаимоотношений мальчиков и девочек-подростков с делинквентным и нормативным поведением с их матерями

Характеристики взаимоотношений подростков с делинквентным и нормативным поведением с их матерями	Мальчики-подростки с делинквен. поведением		Мальчики-подростки с нормативн. поведением		Девочки-подростки с делинкв. поведением		Девочки-подростки с норматив. поведением	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Наличие поддержки со стороны матери								
Обычно есть поддержка	22	45,8	37	97,4	11	39,3	38	100
Поддержка бывает не всегда	23	47,9	1	2,6	12	42,9	0	0
Нет поддержки	3	6,3	0	0	5	17,8	0	0
	$\chi^2 = 26,2$		$p < 0,001$		$\chi^2 = 32,08$		$p < 0,001$	

Степень влияния матери									
Высокая	23	47,9	7	18,4	12	42,85	15	39,5	
Средняя	14	29,2	31	81,6	12	42,85	21	55,3	
Низкая	10	20,8	0	0	4	14,3	2	5,2	
Отсутствует	1	2,1	0	0	0	0	0	0	
	$x^2 = 25,1$ p< 0,001				$x^2 = 1,9$ не значимо				
Степень позитивного участия матери									
Высокая	19	39,6	36	94,7	10	35,7	33	86,8	
Средняя	24	50,0	2	5,3	11	39,3	5	13,2	
Низкая	4	8,3	0	0	7	25,0	0	0	
Отсутствует	1	2,1	0	0	0	0	0	0	
	$x^2 = 28,1$ p< 0,001				$x^2 = 20,8$ p<0,001				
Проблемы с матерью во взаимоотношениях									
Обычно нет проблем	9	18,8	26	68,4	8	28,6	21	55,3	
Проблемы бывают редко	24	50,0	12	31,6	9	32,1	17	44,7	
Проблемы бывают часто	15	31,2	0	0	11	39,3	0	0	
	$x^2 = 26,5$ p< 0,001				$x^2 = 18,2$ p< 0,001				
Взаимопонимание с матерью									
Обычно есть взаимопониман.	9	18,8	37	97,4	12	42,9	37	97,4	
Взаимопонимание не всегда	36	75,0	1	2,6	11	39,2	1	2,6	
Нет взаимопонимания	3	6,2	0	0	5	17,9	0	0	
	$x^2 = 52,7$ p< 0,001				$x^2 = 25,2$ p< 0,001				
Наличие доверия матери									
Доверяют полностью	23	47,9	34	89,5	13	46,4	35	92,1	
Доверяют не всегда	24	50,0	4	10,5	10	35,7	3	7,9	
Не доверяют	1	2,1	0	0	5	17,9	0	0	
	$x^2 = 16,5$ p<0,001				$x^2 = 17,7$ p<0,001				
Предположения об ожиданиях матери от подростка в будущем									
Успешности	5	10,4	25	65,8	1	3,6	18	47,4	
Что будет счастливым	0	0	12	31,6	1	3,6	9	23,7	
Хорошей (нормальной) учебы	18	37,5	1	2,6	11	39,3	11	28,9	
Материального благополучия	3	6,25	0	0	3	10,7	0	0	
Послушания	16	33,3	0	0	4	14,25	0	0	
Что станет другим(изменится)	2	4,2	0	0	3	10,7	0	0	
Чтобы дома был порядок	1	2,1	0	0	4	14,25	0	0	
Не знают	3	6,25	0	0	1	3,6	0	0	
	$x^2 = 65,3$ p< 0,001				$x^2 = 35,9$ p< 0,001				

Из таблицы 18 видно, что статистически достоверные различия (p<0,001) обнаружены у мальчиков-подростков с нормативным и делинквентным поведением по параметрам: «Наличие поддержки матери» – 97,4% и 45,8%

подростков, соответственно, говорят о ее наличии; «Степень влияния матери» на их жизнь – 0% и 20,8%, соответственно, определяют ее как низкую; «Степень позитивного участия матери» – 94,7% и 39,6% называют ее высокой; «Проблемы во взаимоотношениях с матерью» – 68,4% и 18,8% говорят об их отсутствии; «Взаимопонимание с матерью» – 97,4% и 18,8% и «Доверие матери» – 89,5% и 47,9% подростков, соответственно, говорят об их наличии.

Отсутствие отца у 36,8% мальчиков-подростков с делинквентным поведением может свидетельствовать о проблемах формирования у них представлений об эталонной модели мужского поведения. При этом, в отсутствии отца, но наличии отчима, 81,8% мальчиков-подростков с делинквентным поведением, воспитываемых отчимами, говорят о том, что поддержка со стороны последних не оказывается. Мальчики с нормативным поведением в 100% случаев говорят о наличии поддержки со стороны отчима.

У социально адаптированных и делинквентных девочек-подростков обнаружены статистически значимые ($p < 0,001$) различия, по всем изученным параметрам кроме «Степени влияния матери на жизнь», где различия не выявлены: о высокой и средней степени влияния, соответственно, сообщают 42,85% и 42,85% девочек-подростков с делинквентным поведением, и 39,5% и 55,3% девочек с нормативным поведением. Таким образом, можно сделать вывод, что матери значительно влияют на жизнь девочек-подростков в обеих сопоставляемых группах. В группе девочек-подростков также не выявлено различий по вопросам взаимоотношений с отчимом, что может быть связано с малочисленностью выборки девочек-подростков, воспитываемых в семьях с отчимом.

Также был выполнен анализ особенностей взаимоотношений делинквентных подростков и родительской семьи, в зависимости от характера совершенных подростком правонарушений, который определил, что подростки, совершившие агрессивные правонарушения (против личности) чаще, чем подростки, совершившие корыстные правонарушения (с целью наживы) говорят о наличии поддержки матери (51,4% и 36,6%, соответственно; $p < 0,05$), но

отсутствии взаимопонимания с ней (20,0% и 2,4%, соответственно; $p < 0,05$). Различий во взаимоотношениях с отцом (отчимом) в этих группах не выявлено.

Таким образом, обнаружены различия основных характеристик, отражающих социально-психологическую адаптацию и взаимоотношения в родительских семьях подростков с нормативным и делинквентным поведением как в группах в целом, так и при дифференциации этих групп по половому признаку.

3.2.2. Соматический статус

В таблице 19 представлены статистически значимые и достоверные результаты исследования характеристик, отражающих актуальное состояние здоровья подростков с делинквентным и нормативным поведением. Данные получены из бесед с медицинскими работниками образовательных учреждений, в которых проводилось исследование.

Таблица 19. Характеристики, отражающие состояние здоровья подростков с делинквентным и нормативным поведением

Характеристики, отражающие состояние здоровья подростков	Подростки с делинквентным поведением		Подростки с нормативным поведением		χ^2	p
	чел.	%	чел.	%		
Нарушение зрения	2	2,6	26	34,2	25,2	$p < 0,001$
Заболевание бронхолегочной системы	41	53,9	7	9,2	35,2	$p < 0,001$
Заболевание мочевыводящей системы	16	21,1	6	7,9	5,32	$p < 0,05$
Хирургические операции	5	6,6	0	0	5,17	$p < 0,05$
Неврологическая патология	15	19,7	0	0	16,64	$p < 0,001$

Примечание. В таблице 19 суммарное количество человек в группе «Подростки с делинквентным поведением» $n > 76$, т. к. у отдельных подростков было выявлено несколько заболеваний; в группе «Подростки с нормативным поведением» количество человек $n < 76$, т. к. у отдельных подростков не было выявлено хронических заболеваний.

Из таблицы 19 видно, что обнаружены статистически значимые различия ($p < 0,001$) по параметрам наличия заболеваний органов зрения, бронхолегочной системы и неврологической патологии. Нарушение зрения чаще встречается у подростков с нормативным поведением (34,2%), чем в сопоставляемой группе (2,6%). Заболевания бронхолегочной системы и неврологическая патология чаще

выявляется у подростков с делинквентным поведением (53,9% и 19,7%, соответственно), чем у подростков с нормативным поведением (9,2% и 0%, соответственно). Та же тенденция обнаружена по параметрам заболеваний мочевыводящей системы и хирургическим операциям. По параметрам наличия болезней органов слуха, желудочно-кишечного тракта, кожи, крови, печени, сердечнососудистой системы, опорно-двигательного аппарата, эндокринной патологии различия частот не обнаружено.

В таблице 20 представлены результаты исследования характеристик, отражающих отношение подростков с делинквентным и нормативным поведением к своему здоровью. Данные получены с помощью специально разработанного клиничко-психологического интервью подростков (Приложение 2).

Таблица 20. Характеристики, отражающие отношение подростков с делинквентным и нормативным поведением к своему здоровью

Характеристики, отражающие отношение подростков к своему здоровью	Подростки с делинквентным поведением		Подростки с нормативным поведением	
	чел.	%	чел.	%
Курение табака				
Не курят	22	28,9	70	92,1
Курят иногда	29	38,2	6	7,9
Курят часто	25	32,9	0	0
$\chi^2 = 65,2$				
$p < 0,001$				
Употребление алкоголя				
Не употребляют	25	32,9	68	89,5
Употребляют иногда	42	55,3	8	10,5
Употребляют часто	9	11,8	0	0
$\chi^2 = 52,0$				
$p < 0,001$				
Оценка состояния своего здоровья				
Очень хорошее	54	71,0	41	53,9
Хорошее	18	23,7	29	38,2
Не очень хорошее	4	5,3	6	7,9
$\chi^2 = 4,8$				
не значимо				

Представленные в таблице 20 данные показывают, что о курении табака и употреблении алкогольных напитков сообщили, соответственно, 7,9% и 10,5% социально адаптированных подростков и 71,1% и 67,1% делинквентных подростков. Причем 32,9% делинквентных подростков сообщили, что курят постоянно и 11,8% часто употребляют алкоголь (различия частот статистически значимы, $p < 0,001$). Эти данные могут означать, что, куря табак и употребляя

алкоголь, т.е. совершая административно наказуемые действия, большинство делинквентных подростков сознают, что нарушают правила, но продолжают это делать, порой демонстративно. Также можно предположить, что процент ребят с нормативным поведением, которые курят табак и употребляют алкоголь, выше, но они не были уличены в этом и, сознавая, что это – административно наказуемое действие, склонны скрывать эти факты, т. е. демонстрировать социально желательное поведение. Таким образом, полученные результаты показывают не столько реальную картину курения табака и употребления алкоголя подростками, сколько намерения подростков демонстрировать социально одобряемые или наказуемые формы поведения.

По параметру оценки состояния своего здоровья подростками различий частот не обнаружено: подростки обеих групп оценивают его как «хорошее» и «очень хорошее».

Также в интервью также был включен вопрос об употреблении подростками наркотических и токсических средств, но все опрошенные отрицали даже однократное их употребление.

Для дифференциации характеристик, отражающих отношение обследованных подростков к своему здоровью, по полу, результаты опроса были сопоставлены отдельно для мальчиков и девочек, и представлены в таблице 21.

Таблица 21. Характеристики, отражающие отношение мальчиков и девочек-подростков с делинквентным и нормативным поведением к своему здоровью

Характеристики, отражающие отношение подростков к своему здоровью	Мальчики-подростки с делинквент. поведением		Мальчики-подростки с нормативн. поведением		Девочки-подростки с делинкв. поведением		Девочки-подростки с нормативн. поведением	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Курение табака								
Не курят	15	31,3	36	94,7	7	25,0	34	89,5
Курят иногда	9	18,7	2	5,3	20	71,4	4	10,5
Курят часто	24	50,0	0	0	1	3,6	0	0
	$\chi^2 = 36,4$		$p < 0,001$		$\chi^2 = 28,6$		$p < 0,001$	
Употребление алкоголя								
Не употребляют	15	31,3	34	89,5	10	35,7	34	89,5
Употребляют иногда	24	50,0	4	10,5	18	64,3	4	10,5
Употребляют часто	9	18,7	0	0	0	0	0	0
	$\chi^2 = 29,9$		$p < 0,001$		$\chi^2 = 21,0$		$p < 0,001$	

Оценка состояния своего здоровья								
Очень хорошее	36	75,0	21	55,3	18	64,3	20	52,6
Хорошее	10	20,8	15	39,5	8	28,6	14	36,9
Не очень хорошее	2	4,2	2	5,2	2	7,1	4	10,5
	$\chi^2 = 3,8$ не значимо				$\chi^2 = 0,9$ не значимо			

Как видно из таблицы 21, обнаружены статистически значимые различия ($p < 0,001$) по параметрам «курение табака» и «употребление алкоголя» как между мальчиками с делинквентным и нормативным поведением, так и между девочками сопоставляемых групп. О том, что «курят часто» сообщили 50%, и что «курят иногда» – 18,7% мальчиков-подростков с делинквентным поведением. Среди мальчиков-подростков с нормативным поведением сообщили что «курят иногда» 5,3% и никто не сказал, что курит часто. Та же тенденция сохраняется при ответах об употреблении алкоголя: сообщили, что употребляют алкоголь довольно часто 18,7%, и что употребляют алкоголь иногда – 50% мальчиков-подростков с делинквентным поведением. Среди мальчиков-подростков с нормативным поведением сообщили что «употребляют алкоголь иногда» 10,5% и никто не сказал, что употребляет алкоголь часто.

В группе девочек-подростков с делинквентным поведением большинство (71,4%) сообщили, что «курят иногда». В сопоставляемой группе таких ответов – 10,5%. Никто из исследованных девочек-подростков не сообщил, что употребляет алкоголь часто.

Таким образом, мальчики-подростки с делинквентным поведением обнаруживают большую склонность как к употреблению табака и алкоголя, так и к признанию этого факта, чем мальчики-подростки с нормативным поведением. Девочки-подростки с делинквентным поведением чаще сообщают об эпизодическом употреблении табака и алкоголя, чем девочки-подростки в сопоставляемой группе. По параметру оценки состояния своего здоровья мальчиками и девочками-подростками различий частот не обнаружено.

В таблице 22 представлены данные интервью социальных педагогов по сведениям Банка данных на детей и подростков, состоящих на учете в комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав.

Таблица 22. Количественное распределение подростков (мальчиков и девочек) с делинквентным поведением по параметру наличия у социальных педагогов данных об употреблении ими психоактивных веществ

Употребление психоактивных веществ	Подростки с делинквентным поведением		Мальчики с делинквентным поведением		Девочки с делинквентным поведением	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Данные о курении подростком табака						
Есть данные	74	97,4	48	100	26	92,9
Нет данных	2	2,6	0	0	2	7,1
Данные об употреблении подростком алкоголя						
Есть данные	71	93,4	46	95,8	25	89,3
Нет данных	5	6,6	2	4,2	3	10,7
Данные об употреблении подростком наркотических и токсических средств						
Есть данные	7	9,2	5	10,4	2	7,1
Нет данных	69	90,8	43	89,6	26	92,9

Из таблицы 22 видно, что по данным социальных педагогов 97,4% подростков с делинквентным поведением курят табак. Сопоставив эту цифру с данными, представленными в таблице 20, можно увидеть, что в интервью только 71,1% подростков с делинквентным поведением сообщили, что курят. Эта тенденция сохраняется и при сопоставлении данных об употреблении алкоголя. По данным социальных педагогов алкоголь употребляют 93,4% подростков исследуемой группы; в интервью об этом факте сообщили 67,1% опрошенных. Также из таблицы 22 можно увидеть наличие данных об употреблении наркотических и токсических средств делинквентными подростками – 9,2% из числа обследованных; данных фактов в интервью озвучено не было. Из этого можно сделать вывод, что часть подростков с делинквентным поведением склонна скрывать информацию, связанную с их актуальным состоянием.

В таблице 23 представлены статистически значимые и достоверные результаты исследования характеристик, отражающих особенности развития подростков с делинквентным и нормативным поведением в раннем детском возрасте. Данные получены с помощью клинико-психологического интервью матерей подростков (Приложение 1).

Таблица 23. Характеристики, отражающие особенности развития подростков с делинквентным и нормативным поведением в раннем детском возрасте

Характеристики, отражающие особенности развития в детском возрасте	Подростки с делинквентным поведением		Подростки с нормативным поведением	
	чел.	%	чел.	%
Наличие расстройств питания в детстве				
Не было	13	17,1	65	85,5
Были незначительные	28	36,8	11	14,5
Были	35	46,1	0	0
$\chi^2 = 77,1$	$p < 0,001$			
Наличие нарушений сна в детстве				
Не было	10	13,2	53	69,7
Были незначительные	27	35,5	23	30,3
Были	39	51,3	0	0
$\chi^2 = 68,7$	$p < 0,001$			
Наличие детских страхов				
Не было	13	17,1	54	71,1
Были незначительные	26	34,2	21	27,6
Были	37	48,7	1	1,3
$\chi^2 = 59,7$	$p < 0,001$			
Наличие агрессивности в детстве				
Наблюдалась	35	46,1	19	25,0
Не наблюдалась	41	53,9	57	75,0
$\chi^2 = 7,3$	$0,001 < p < 0,01$			
Наличие проблем адаптации в школе				
Не было	15	19,7	70	92,1
Были незначительные	24	31,6	6	7,9
Были	37	48,7	0	0
$\chi^2 = 83,4$	$p < 0,001$			

Данные, представленные в таблице 23, показывают, что ряд характеристик развития подростков сопоставляемых групп в раннем детском возрасте имеют статистически значимые различия ($p < 0,001$), а именно, у 82,9% подростков с делинквентным поведением наблюдались в детстве расстройства питания, у 86,8% – расстройства сна, у 82,9% – детские страхи разной степени выраженности. В группе подростков с нормативным поведением эти показатели составляют 14,5%, 30,3% и 28,9% соответственно. На достоверном уровне различий ($p < 0,01$) обнаружено наличие агрессивного поведения в детстве: у 46,1% делинквентных подростков и у 25% социально адаптированных подростков. По показателям наличия в детстве у подростков сопоставляемых групп чрезмерной активности, плаксивости, вялости и замкнутости различий частот не обнаружено.

Исследуя аспекты раннего развития, подростков сопоставляемых групп, было выявлено, что средний возраст, в котором подростки с делинквентным поведением начинали ходить составлял 16,5 месяца, а говорить – в 19 месяцев, в то время как среди подростков с нормативным поведением этот возраст 12 и 10,9 месяцев, соответственно.

Также изучался вопрос наличия проблем адаптации ребят при поступлении в первый класс школы. 80,3% матерей подростков с делинквентным поведением ответили, что при поступлении в школу у их детей имелись проблемы адаптации различного характера и разной степени выраженности. Среди матерей подростков с нормативным поведением таких ответов было 7,9% ($p < 0,001$).

Исходя из показателей приведенных выше, можно говорить о наличии особенностей развития подростков с делинквентным поведением в детском возрасте, характеризующихся как нарушением соматического состояния (нарушения питания и сна), так и нарушением эмоционального состояния (наличие детских страхов, повышенная агрессивность). Показатели моторного и речевого развития также отклоняются от возрастных нормативов, что может быть связано с отсутствием организованного воспитательно-развивающего взаимодействия матери и ребенка. Помимо этого, у делинквентных подростков значительно чаще обнаруживались проблемы адаптации в школе.

3.3. Сравнительный анализ психосоциальных характеристик матерей и подростков

В настоящем разделе приведены результаты сравнительного психологического исследования психосоциальных характеристик матерей и их детей-подростков с делинквентным и нормативным поведением, полученных с помощью клинико-психологического интервью (Приложение 1, 2).

В таблице 24 представлены сравнительные характеристики, отражающие сопоставляемые актуальные условия жизни матерей и их детей-подростков с делинквентным и нормативным поведением.

Таблица 24. Социально-психологические характеристики, отражающие актуальные условия жизни матерей и их детей-подростков с делинквентным и нормативным поведением

Характеристики, отражающие актуальные условия жизни	Матери подростков с делинквентным поведением		Подростки с делинквентным поведением		Матери подростков с нормативным поведением		Подростки с нормативным поведением	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Отношение к работе/учебе								
Нравится	27	35,5	5	6,6	48	63,2	48	63,2
Не совсем	29	38,2	32	42,1	28	36,8	28	36,8
Не нравится	20	26,3	39	51,3	0	0	0	0
Наличие увлечений								
Несколько увлечений	6	7,9	2	2,6	46	60,5	52	68,4
Одно увлечение	18	23,7	22	29,0	26	34,2	24	31,6
Нет увлечений	52	68,4	52	68,4	4	5,3	0	0
Удовлетворенность своей жизнью								
Очень нравится	3	3,9	25	32,9	42	55,3	53	69,7
Нравится	28	36,9	42	55,3	34	44,7	23	30,3
Не очень нравится	29	38,2	4	5,3	0	0	0	0
Не нравится	9	11,8	3	3,9	0	0	0	0
Очень не нравится	7	9,2	2	2,6	0	0	0	0

Из таблицы 24 видно, что отношение к социально-одобряемой деятельности (к работе для матерей и к учебе для подростков) в группах матерей и их детей-подростков с делинквентным поведением хуже, чем в сопоставляемых группах. Говорят, что не удовлетворены своим трудоустройством 26,3% матерей, и что не нравится учиться – 51,3% их детей-подростков с делинквентным поведением. В сопоставляемых группах таких ответов дано не было. Также, у 68,4% матерей и у 68,4% их детей – делинквентных подростков нет увлечений (хобби). Такие показатели могут свидетельствовать о неумении и нежелании, как матерей, так и их детей-подростков с делинквентным поведением, реализовать свою активность в социально желательных и социально приемлемых формах поведения.

Не удовлетворены собственной жизнью в разной степени выраженности 11,8% делинквентных подростков и 59,2% их матерей, что может способствовать общему эмоциональному дискомфорту.

В таблице 25 представлены сравнительные характеристики, отражающие отношение матерей и их детей-подростков с делинквентным и нормативным поведением к своему здоровью.

Таблица 25. Характеристики, отражающие отношение матерей и их детей- подростков с делинквентным и нормативным поведением к своему здоровью

Характеристики, отражающие отношение к здоровью	Матери подростков с делинквентным поведением		Подростки с делинквентным поведением		Матери подростков с нормативным поведением		Подростки с нормативным поведением	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Курение табака								
Не курит	14	18,4	22	28,9	62	81,6	70	92,1
Курит редко	25	32,9	29	38,2	14	18,4	6	7,9
Курит постоянно	37	48,7	25	32,9	0	0	0	0
Употребление алкоголя								
Не употребляет	3	3,9	25	32,9	12	15,8	68	89,5
Употребляет иногда	73	96,1	42	55,3	64	84,2	8	10,5
Употребляет часто	0	0	9	11,8	0	0	0	0

Данные, представленные в таблице 25, показывают, что матери и их дети-подростки с делинквентным поведением более склонны употреблению табака и алкоголя, чем матери и их дети-подростки с нормативным поведением. Это свидетельствует как о формировании у делинквентных подростков представления о возможности употреблении психоактивных веществ без ущерба для здоровья, так и о наличии ранних проб табака и алкоголя, что негативно влияет как на состояние здоровья, так и вовлекает несовершеннолетних в административно наказуемую деятельность.

Таким образом, анализ результатов клинико-психологического исследования матерей и их детей-подростков с делинквентным и нормативным поведением показал, что существует ряд статистически значимых и достоверных различий психосоциальных характеристик и частоты встречаемости различных видов соматической патологии в сопоставляемых группах. Матери и их дети-подростки с делинквентным поведением чаще имеют нарушения как соматического, так и психосоциального компонентов системы психической адаптации, что определяет необходимость оказания им комплексной психолого-медико-социальной помощи.

ГЛАВА 4. РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ МАТЕРЕЙ ПОДРОСТКОВ С ДЕЛИНКВЕНТНЫМ И НОРМАТИВНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ

В данной главе представлены результаты экспериментально-психологического исследования эмоционально-личностных характеристик матерей подростков с делинквентным и нормативным поведением, стилей родительского воспитания, а также результаты исследования особенностей взаимодействия матерей и их детей-подростков в процессе совместной деятельности.

4.1. Результаты исследования эмоционально-личностных особенностей матерей

В настоящем разделе приведены результаты психодиагностического исследования эмоционально-личностных особенностей матерей подростков с делинквентным и нормативным поведением, осуществленного с помощью четырех тестовых методик: «Интегративный тест тревожности» (ИТТ) (Бизюк А.П. с соавт., 2004, 2014), «Методика изучения нервно-психической неустойчивости и акцентуаций» (НПН-А) (Берг Т.Н., 2005), «Уровень субъективного контроля личности» (УСК) (Бажин Е.Ф. с соавт., 1993), «Личностный дифференциал» (ЛД) (Бажин Е.Ф., Эткинд А.М., 1983).

4.1.1. Особенности эмоционального состояния

Особенности эмоционального состояния обследованных матерей изучены с помощью методики «Интегративный тест тревожности» (ИТТ).

В таблице 26 и на рисунках 1 и 2 представлены результаты сравнительного исследования средних шкальных и стандартизированных оценок структурных компонентов ситуационной и личностной тревожности в группах матерей подростков с делинквентным и нормативным поведением.

Таблица 26. Средние шкальные оценки структурных компонентов ситуационной и личностной тревожности в группах матерей подростков с делинквентным и нормативным поведением

Показатели методики «Интегративный тест тревожности»	Матери подростков с делинквентным поведением		Матери подростков с нормативным поведением		Достоверные различия
	M \pm m n = 76	станайны	M \pm m n = 76	станайны	
Ситуационная тревожность					
Показатель общей тревожности (ПОТ)	22,3 \pm 0,8	7	10,3 \pm 0,7	4	p < 0,001
Эмоциональный дискомфорт (ЭД)	154,7 \pm 7,1	7	62,7 \pm 6,9	4	p < 0,001
Астенический компонент (АСТ)	155,6 \pm 7,0	7	67,6 \pm 6,9	5	p < 0,001
Фобический компонент (ФОБ)	90,8 \pm 7,5	6	27,5 \pm 3,9	4	p < 0,001
Тревожная оценка перспективы (ОП)	185,5 \pm 7,6	7	100,5 \pm 6,9	5	p < 0,001
Социальная защита (СЗ)	138,5 \pm 6,3	6	85,0 \pm 7,5	3	p < 0,001
Личностная тревожность					
Показатель общей тревожности (ПОТ)	28,8 \pm 0,8	9	15,1 \pm 0,7	5	p < 0,001
Эмоциональный дискомфорт (ЭД)	202,1 \pm 7,4	8	114,1 \pm 7,0	6	p < 0,001
Астенический компонент (АСТ)	208,6 \pm 8,1	9	106,3 \pm 5,3	6	p < 0,001
Фобический компонент (ФОБ)	151,5 \pm 7,1	8	48,3 \pm 5,8	5	p < 0,001
Тревожная оценка перспективы (ОП)	218,6 \pm 6,2	8	136,0 \pm 6,2	6	p < 0,001
Социальная защита (СЗ)	181,3 \pm 8,9	7	85,7 \pm 6,2	3	p < 0,001

Примечание. В методике ИТГ интегративный показатель (ПОТ) ситуативной тревожности и личностной тревожности ниже 4 станайнов соответствует низкому уровню; 4, 5 и 6 станайнов – среднему (нормальному) уровню; показатель от 7 станайнов свидетельствует о высоком уровне тревожности, об общем психологическом дискомфорте и дисгармонии со средой [Бизюк А.П. с соавт., 2004, 2014]. Эти нормативы распространяются также на отдельные компоненты тревожности как актуального эмоционального состояния и как устойчивой индивидуальной черты личности.

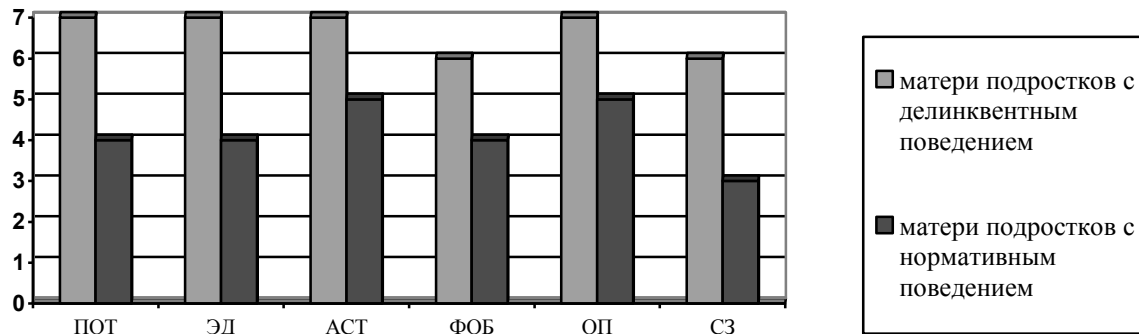

Рисунок 1. Сравнительные показатели стандартизированных оценок (в станайнах) структурных компонентов ситуационной тревожности матерей подростков с делинквентным и нормативным поведением.

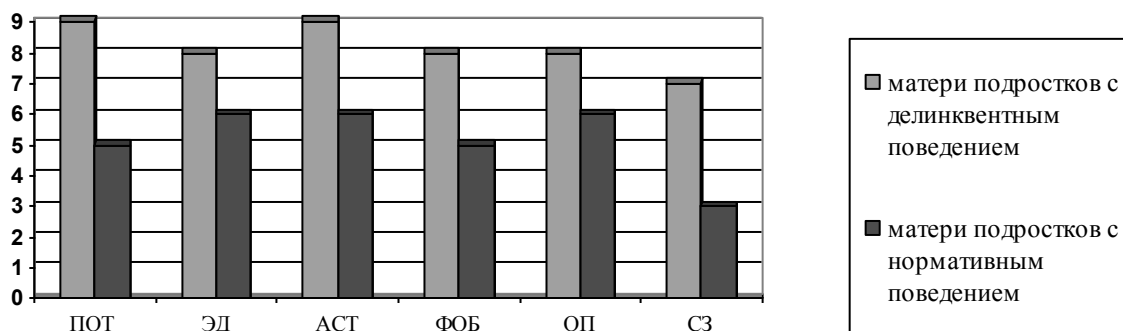

Рисунок 2. Сравнительные показатели стандартизированных оценок (в станайнах) структурных компонентов личностной тревожности матерей подростков с делинквентным и нормативным поведением.

Из таблицы 26 и рисунков 1-2 видно, что в сопоставляемых группах обнаружены статистически значимые различия ситуационной и личностной тревожности, причем по обоим шкалам показатели выше в группе матерей подростков с делинквентным поведением. Это указывает на их эмоциональную нестабильность и может явиться фактором повышенного риска возникновения нервно-психической дезадаптации, что, как описывалось выше, негативно влияет на адекватность проявления материнской любви и стабильность стиля воспитания. У матерей подростков с нормативным поведением преобладает средний уровень обоих типов тревожности, являющийся нормативным, и обеспечивающий адаптивное поведение.

Анализ структурных компонентов показывает, что у матерей подростков с делинквентным поведением был определен высокий уровень общей тревоги как ситуационной, так и личностной, причем в последнем случае показатель соответствует максимальному. Показатель «эмоциональный дискомфорт», в

данной группе матерей, также высокого уровня по обеим шкалам, что может быть связано с неудовлетворенностью жизненной ситуацией, эмоциональной напряженностью исследованных женщин. Показатель «астенический компонент тревожности» по шкале личностной тревожности у матерей делинквентных подростков является максимальным, что свидетельствует о преобладании в структуре тревожности усталости, вялости, пассивности, быстрой утомляемости. «Фобический компонент» ситуационной тревожности у описываемой группы матерей – среднего уровня, но по шкале личностной тревожности – высокий. Данный показатель может говорить об ощущении женщинами собственной бесполезности, неуверенности в себе. Показатель «тревожная оценка перспектив», высокий по обеим шкалам, говорит о проекции страхов на будущее на фоне общей эмоциональной чувствительности. Показатель «социальная защита» является высоким по шкале личностной тревожности, что может быть связано с проявлениями тревожности в сфере социальных контактов, когда социальная среда – основной источник тревожных напряжений и неуверенности.

Показатель «социальные реакции защиты» оказался единственным сниженным в группе матерей подростков с нормативным поведением по обеим шкалам, т. е. можно предположить, что от социальной среды они не ожидают никаких неприятностей и тревожных напряжений.

Следует отметить, что сам факт делинквентного поведения ребенка и сопряженный с этим контроль семьи социальными структурами являются фактором, усиливающим аффективное напряжение матери, которое, в свою очередь, может снижать адекватность ее поведенческих реакций, в т. ч. воспитательных воздействий, и ее эмоциональную доступность для ребенка.

4.1.2. Типологические особенности личности

Особенности личности исследованных женщин изучены с помощью многофакторного личностного опросника «Нервно-психическая неустойчивость - акцентуации» (НПН-А).

В таблице 27 представлены результаты сравнительного исследования средних шкальных оценок нервно-психической неустойчивости и акцентуаций

личности в группах матерей подростков с делинквентным и нормативным поведением.

Таблица 27. Сопоставление средних шкальных оценок нервно-психической неустойчивости и акцентуаций личности в группах матерей подростков с делинквентным и нормативным поведением

Показатели методики «Нервно-психическая неустойчивость - акцентуации»	Матери подростков с делинквентным поведением	Матери подростков с нормативным поведением	Достоверные различия
	M \pm m n = 76	M \pm m n = 76	
Нервно-психическая неустойчивость	27,4 \pm 0,8	15,4 \pm 0,7	p < 0,001
Эмоциональная лабильность	23,8 \pm 0,7	17,0 \pm 0,6	p < 0,001
Тревожность	23,8 \pm 0,7	15,6 \pm 0,8	p < 0,001
Импульсивность	25,8 \pm 0,7	13,9 \pm 0,5	p < 0,001
Ригидность	12,4 \pm 0,5	8,1 \pm 0,3	p < 0,001
Индивидуалистичность	7,9 \pm 0,4	4,8 \pm 0,3	p < 0,001

Как можно видеть из таблицы 27, между исследованными группами матерей обнаружены высоко значимые статистические различия по всем сопоставляемым шкалам, что может интерпретироваться как большая предрасположенность матерей подростков с делинквентным поведением, в сравнении с женщинами контрольной группы, к нервно-психическим срывам в условиях психического или физического напряжения вследствие слабости адаптационно-компенсаторных механизмов.

В связи с отсутствием стандартизированных нормативных показателей для женщин 30-40 лет по методике НПН-А, была сделана попытка определить диагностическую значимость отдельных показателей данной методики, определяющей личностные характеристики матерей делинквентных подростков. Для этого была использована процедура дискриминантного анализа. Данный метод математического анализа позволил выявить наиболее существенные для делинквентного поведения подростков личностные характеристики их матерей. В таблице 28 приведены результаты классификации исследованных женщин по критерию предсказанной принадлежности к группе «матерей подростков с делинквентным поведением» и группе «матерей подростков с

нормативным поведением».

Таблица 28. Результаты классификации женщин на «матерей подростков с делинквентным поведением» и «матерей подростков с нормативным поведением»

Статистические характеристики и группы матерей		Предсказанная принадлежность к группе		Итого
		матери подростков с делинквентным поведением	матери подростков с нормативным поведением	
Частота	делинкв.подр.	68	8	76
	нормативн.подр.	9	67	76
%	делинкв.подр.	89,5	10,5	100,0
	нормативн.подр.	11,8	88,2	100,0

Дискриминантный анализ показал, что 88% исходных сгруппированных психодиагностических данных, полученных с помощью опросника НПН-А, классифицированы правильно (89,5% – в случае матерей делинквентных подростков, и 88,2% – в случае матерей подростков с нормативным поведением).

В таблице 29 представлены коэффициенты канонической дискриминантной функции информативности психодиагностических показателей методики НПН-А.

Таблица 29. Коэффициенты канонической дискриминантной функции для показателей методики НПН-А

Показатели методики «Нервно-психическая неустойчивость - акцентуации»	Функция
Нервно-психическая неустойчивость	0,456
Эмоциональная лабильность	0,246
Тревожность	0,020
Импульсивность	0,431
Ригидность	0,273
Индивидуалистичность	0,231

Таблица 30. Статистические показатели качества классификации

Проверка функции	Лямбда Уилкса	Хи-квадрат	Значимость
1	0,357	151,525	0,001

Данные, приведенные в таблицах 29-30, показывают, что при высоком уровне статистической значимости, в прогнозе делинквентности подростков, самой весомой личностной характеристикой их матерей является «Нервно-психическая неустойчивость». Далее по значимости следует «Импульсивность». Это свидетельствует о том, что чем выше показатели «Нервно-психическая неустойчивость» и «Импульсивность» в структуре личности матери, тем более вероятно, что подросток повторит правонарушение.

Также было проанализировано, какие из психологических характеристик матери, измеряемые методикой НПН-А, имеют наибольшую связь с делинквентным поведением их детей (вносят наибольший вклад в формирование делинквентного поведения).

С этой целью был выполнен множественный регрессионный анализ, где в качестве зависимой переменной было выбрано наличие делинквентного поведения у подростка (учет в комиссии по делам несовершеннолетних в связи с совершением правонарушения), было построено несколько моделей взаимосвязи психологических переменных матерей и делинквентности их детей. Из этих моделей в качестве наиболее информативной и объясняющей наличие или отсутствие делинквентного поведения более чем на 50% ($R^2=0,631$) была выбрана модель, включающая пять предикторов (переменных), два из которых оказывают максимальное влияние. Эти предикторы представлены в таблице 31.

Таблица 31. Модель регрессионной зависимости психологических характеристик матерей и делинквентного поведения их детей

Включенные переменные (показатели методики «НПН-А»)	Коэффициент Бета	Достоверность различий
Нервно-психическая неустойчивость	0,308	$p < 0,001$
Импульсивность	0,307	$p \leq 0,001$
Эмоциональная лабильность	0,139	$p < 0,05$
Ригидность	0,135	$p < 0,05$
Индивидуалистичность	0,126	$p < 0,05$

Из таблицы 31 видно, что наибольший коэффициент частотной корреляции – коэффициент Бета – получен для показателей «Нервно-психическая неустойчивость» и «Импульсивность».

Таким образом, изучение прогностической информативности показателей методики НПН-А у матерей подростков в отношении вероятной делинквентности их детей (дискриминантный анализ), а также выявление показателей наиболее значимых для возникновения и закрепления у них делинквентного поведения (регрессионный анализ), позволило выявить те личностные особенности женщин, которые явились отличительной чертой матерей, воспитывающих детей с делинквентным поведением. Исследование определило, что ключевую роль играют показатели «Нервно-психическая неустойчивость» и «Импульсивность».

Наличие у матерей делинквентных подростков «нервно-психической неустойчивости» может говорить о снижении у них поведенческой регуляции, нарушении межличностных отношений, недостаточной социальной зрелости, нарушениях в сфере профессиональной деятельности и моральных норм поведения, отсутствии адекватной самооценки и реального восприятия действительности, низких адаптационных возможностях. Показатель «импульсивность» может свидетельствовать о выраженности у матерей подростков с делинквентным поведением таких личностных особенностей как, повышенная возбудимость, агрессивность, эксплозивность, упрямство, низкий уровень самоконтроля, властность, стремление любой ценой оправдать себя, непредсказуемость эмоций и поступков. Такое сочетание особенностей личности матери патологизирует ее стиль воспитания ребенка, формирует деструктивную эмоциональную обстановку в семье.

4.1.3. Уровень субъективного контроля (интернальность) личности

В таблице 32 и на рисунке 3 представлены результаты исследования уровня интернальности матерей подростков сопоставляемых групп, изученного с помощью методики «Уровень субъективного контроля личности» (УСК).

Таблица 32. Сопоставление средних шкальных оценок уровня субъективного контроля личности в группах матерей подростков с делинквентным и нормативным поведением

Показатели методики «Уровень субъективного контроля»	Матери подростков с делинквентным поведением		Матери подростков с нормативным поведением		Достоверные различия
	M \pm m n = 76	стены	M \pm m n=76	стены	
Интернальн. общая (Ио)	-0,8 \pm 2,4	3	43,4 \pm 1,9	6	p < 0,001
Интернальн. в области достижений (Ид)	1,4 \pm 0,8	4	12,0 \pm 0,6	7	p < 0,001
Интернальность в области неудач (Ин)	-2,0 \pm 0,7	3	8,6 \pm 0,7	6	p < 0,001
Интернальность в области семейных отношений (Ис)	-2,3 \pm 0,6	4	9,0 \pm 0,5	7	p < 0,001
Интернальн. в области производственных отношений (Ип)	0,9 \pm 0,6	3	9,0 \pm 0,7	5	p < 0,001
Интернальность в области межличностных отношений (Им)	0,1 \pm 0,4	5	5,1 \pm 0,4	7	p < 0,001
Интернальность в области здоровья (Из)	0,1 \pm 0,4	4	3,5 \pm 0,4	6	p < 0,001

Примечание. В методике УСК показатель 5,5 стен соответствует среднему (нормальному) уровню субъективного контроля личности; показатели ниже 5 стен свидетельствуют о низком уровне субъективного контроля личности – чем ниже показатель, тем более выражена экстернальность; показатели выше 6 стен свидетельствуют о высоком уровне субъективного контроля личности – чем выше показатель, тем более выражена интернальность [Методика определения уровня ... Е.Ф. Бажин с соавт., 1984].

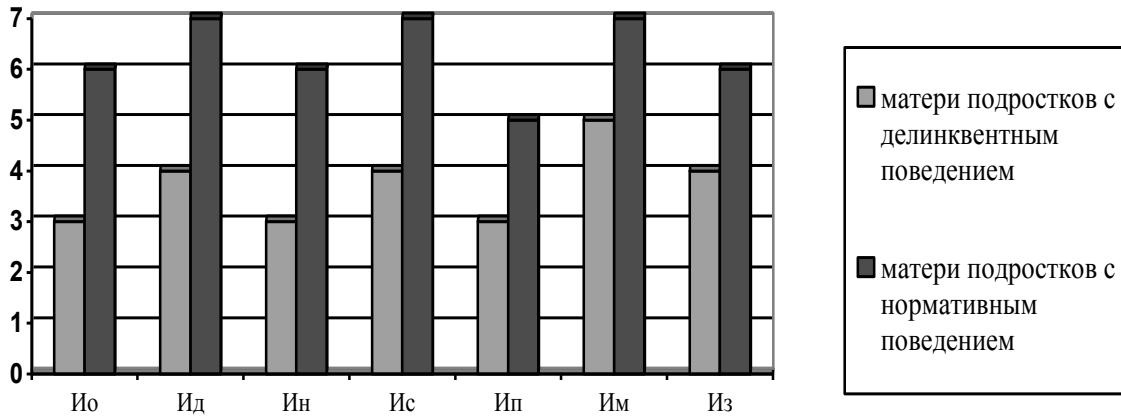

Рисунок 3. Сравнительные показатели уровня интернальности (в стенах) матерей подростков с делинквентным и нормативным поведением.

В таблице 32 и на рисунке 3 показано, что при исследовании уровня субъективного контроля личности матерей подростков с делинквентным и нормативным поведением были выявлены статистически значимые различия во всех изученных областях. Все показатели уровня субъективного контроля матерей делинквентных подростков ниже, чем у матерей социально адаптированных подростков. Это значит, что в момент исследования степень их независимости, самостоятельности и активности в достижении своих целей была снижена, а также, что чувство личной ответственности за происходящие с ними события у матерей делинквентных подростков развито слабо, и они склонны делегировать эту ответственность другим.

Анализ структуры интернальности показывает ее отличия в сопоставляемых группах. Так, максимальные показатели у матерей социально адаптированных подростков отмечаются по шкалам: Интернальность в области достижений, семейных и межличностных отношений, а минимальные – «Интернальность в области производственных отношений». В группе матерей делинквентных подростков наибольшие показатели зафиксированы по шкале «Интернальность в области межличностных отношений», а наименьшие – по шкалам «Общая

интернальность», «Интернальность в области неудач» и «Интернальность в производственных отношениях». Таким образом, в структуре интернальности матерей социально адаптированных подростков семейные отношения занимают одну из доминирующих позиций, тогда как у матерей делинквентных подростков уровень ответственности за отношения в собственной семье снижен. Они не принимают на себя ответственность за неудачи, происходящие в их жизни, а значит не чувствуют способности ни влиять на конкретные события их жизни, ни на то, как складывается их жизнь в целом.

4.1.4. Особенности восприятия собственной личности

Для исследования особенностей восприятия собственной личности матерями подростков с делинквентным и нормативным поведением использовалась методика «Личностный дифференциал» (ЛД). Данная методика позволила определить значения трех основных факторов восприятия себя исследованными женщинами (Я-реальное) – Оценки, Силы, Активности, в соотношении с представлениями об образе Я-идеальное.

В таблице 33 и на рисунках 4-6 представлены значения факторов «Личностного дифференциала», полученные при исследовании самовосприятия матерей подростков с делинквентным и нормативным поведением.

Таблица 33. Сопоставление средних оценок факторов ЛД отражающих особенности самовосприятия матерей подростков с делинквентным и нормативным поведением

Факторы методики «Личностный дифференциал»	Матери подростков с делинквентным поведением		Матери подростков с нормативным поведением		Достоверные различия
	Я-реальное А	Я-идеальное В	Я-реальное С	Я-идеальное D	
	M±m n = 76	M±m n = 76	M±m n = 76	M±m n = 76	
Оценка	1,6 ± 0,10	2,5 ± 0,07	2,2 ± 0,05	2,5 ± 0,05	AC*** AB*** CD*
Сила	0,6 ± 0,10	1,9 ± 0,07	1,2 ± 0,07	1,5 ± 0,06	AC***BD*** AB*** CD*
Активность	1,3 ± 0,08	1,4 ± 0,08	1,7 ± 0,07	1,6 ± 0,07	AC** BD*

Примечание. В таблицах 33-34: *** – $p < 0,001$; ** – $p < 0,01$; * – $p < 0,05$.

Фактор Оценка

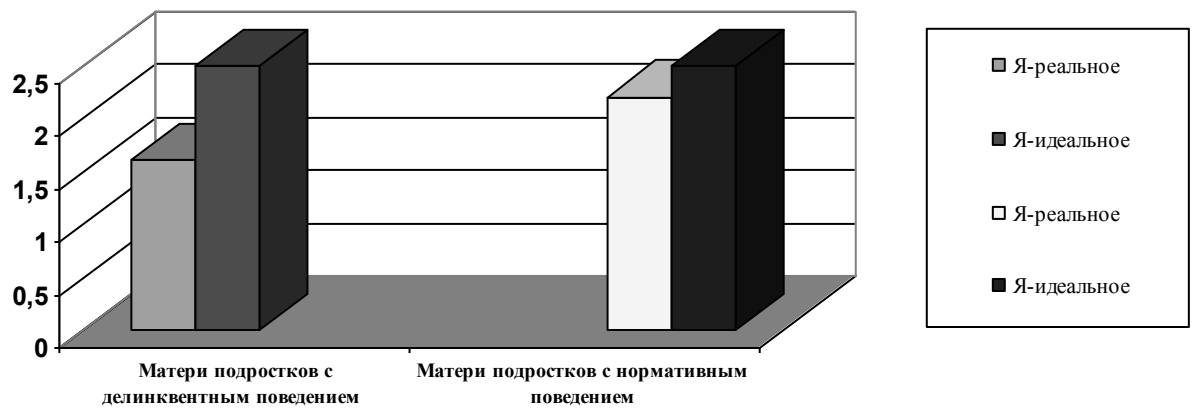

Рисунок 4. Сравнительные показатели Я - реального и Я - идеального по фактору Оценка ЛД, полученные при исследовании матерей подростков с делинквентным и нормативным поведением.

Фактор Сила

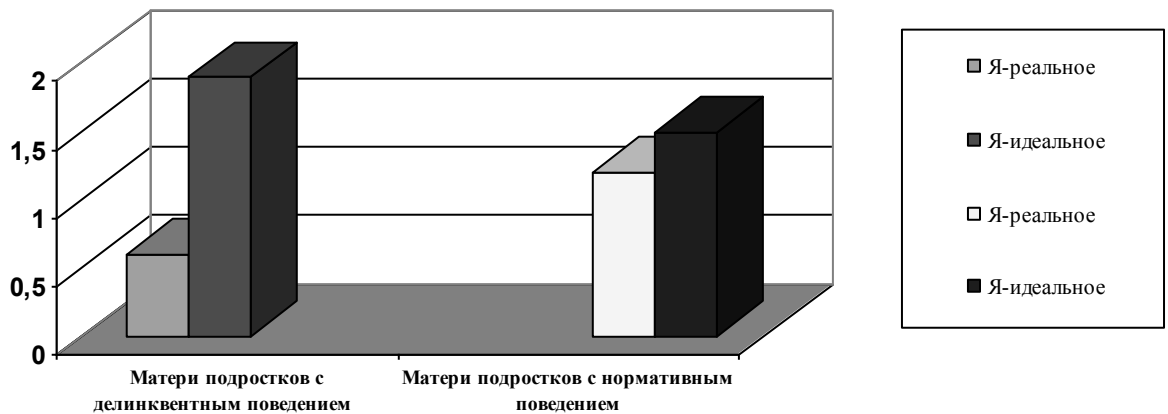

Рисунок 5. Сравнительные показатели Я - реального и Я - идеального по фактору Сила ЛД, полученные при исследовании матерей подростков с делинквентным и нормативным поведением.

Фактор Активность

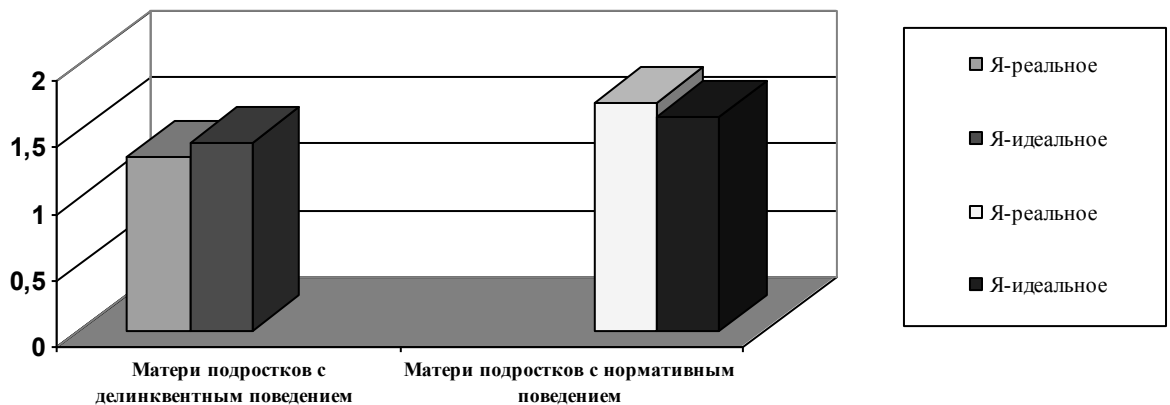

Рисунок 6. Сравнительные показатели Я - реального и Я - идеального по фактору Активность ЛД, полученные при исследовании матерей подростков с делинквентным и нормативным поведением.

Данные, приведенные в таблице 33 показывают, что в группах матерей подростков с адаптивным и делинквентным поведением обнаружены статистические значимые различия по факторам Оценка, Сила, Активность Я-реального. Показатели Я-реального выше в группе матерей социально адаптированных подростков, что свидетельствует о восприятии ими себя как более положительной, сильной и активной личности, по сравнению с матерями сопоставляемой группы. Также обнаружены различия в образах Я-идеального: матери подростков с делинквентным поведением в идеале хотели бы быть более сильными, но менее активными, чем женщины сопоставляемой группы. Причем матери подростков с нормативным поведением в идеальном образе себя хотели бы быть менее активными, чем они есть в реальности. Из рисунков 4-6 видно, что различия в показателях Я-реальное и Я-идеальное у матерей социально адаптированных подростков меньше, чем в группе матерей делинквентных подростков, что говорит о более высоком уровне самопринятия и самоуважения. Можно предположить, что восприятие идеального образа себя как далекого недостижимого позволяет матерям подростков с делинквентным поведением не предпринимать никаких усилий, направленных на саморазвитие и самосовершенствование. По фактору Оценка Я-идеального между сравниваемыми группами статистических различий не выявлено – в обеих группах образы Я-идеального высоко положительные.

4.2. Результаты исследования взаимных оценок матерей и их детей-подростков

Методика «Личностный дифференциал» также была использована для исследования особенностей восприятия личности ребенка и личности собственной матери женщинами сопоставляемых групп. Дополнительно были изучены особенности самооценки подростков с делинквентным и нормативным поведением и восприятие ими личности их матерей.

4.2.1. Особенности восприятия личности подростка матерями

При исследовании особенностей восприятия собственного ребенка-подростка женщиной, три основных фактора восприятия ребенка в реальности (Оценка, Сила, Активность) соотносились с представлениями матерей об образе идеального ребенка.

В таблице 34 и на рисунках 7-9 представлены значения факторов «Личностного дифференциала» (ЛД), полученные при исследовании матерей подростков с делинквентным и нормативным поведением.

Таблица 34. Сопоставление средних оценок факторов ЛД, отражающих особенности восприятия личности ребенка матерями подростков с делинквентным и нормативным поведением

Факторы методики «Личностный дифференциал»	Матери подростков с делинквентным поведением		Матери подростков с нормативным поведением		Достоверные различия
	Ребенок-реальное А	Ребенок-идеальное В	Ребенок-реальное С	Ребенок-идеальное D	
	M \pm m n = 76	M \pm m n = 76	M \pm m n = 76	M \pm m n = 76	
Оценка	0,4 \pm 0,10	2,7 \pm 0,05	2,2 \pm 0,06	2,6 \pm 0,05	AC*** AB*** CD***
Сила	0,8 \pm 0,12	1,3 \pm 0,07	1,4 \pm 0,07	1,7 \pm 0,05	AC*** BD** AB*** CD***
Активность	1,5 \pm 0,10	0,8 \pm 0,08	1,3 \pm 0,07	1,4 \pm 0,05	AC* BD*** AB*** CD*

Фактор Оценка

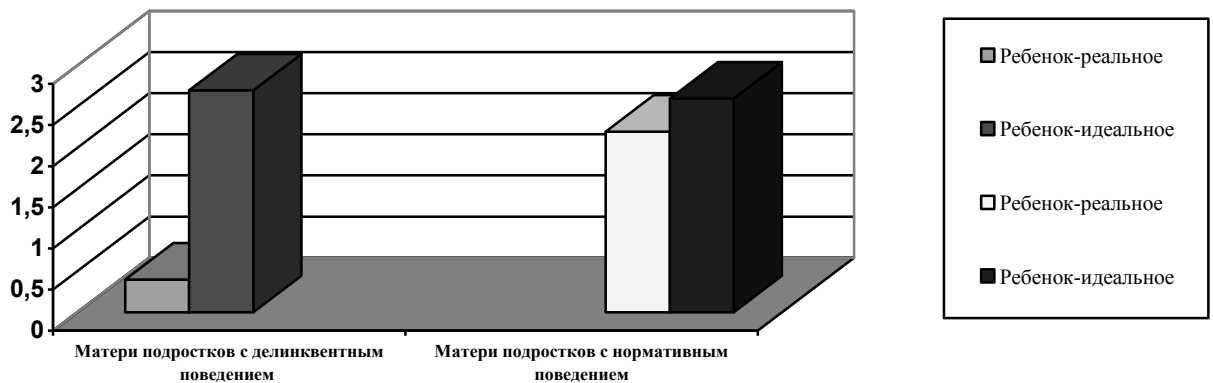

Рисунок 7. Сравнительные показатели представлений о Ребенке – реальном и Ребенке – идеальном по фактору Оценка ЛД, полученные при исследовании матерей подростков с делинквентным и нормативным поведением.

Фактор Сила

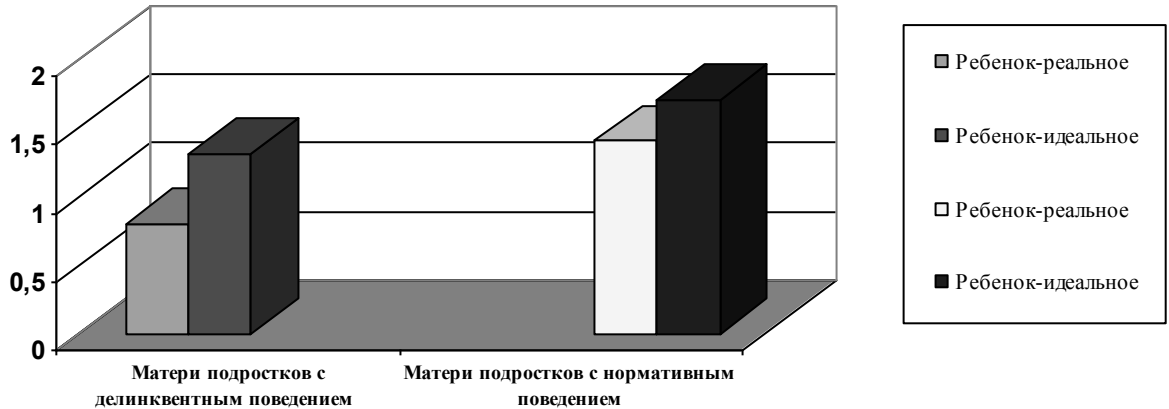

Рисунок 8. Сравнительные показатели представлений о Ребенке – реальном и Ребенке - идеальном по фактору Сила ЛД, полученные при исследовании матерей подростков с делинквентным и нормативным поведением.

Фактор Активность

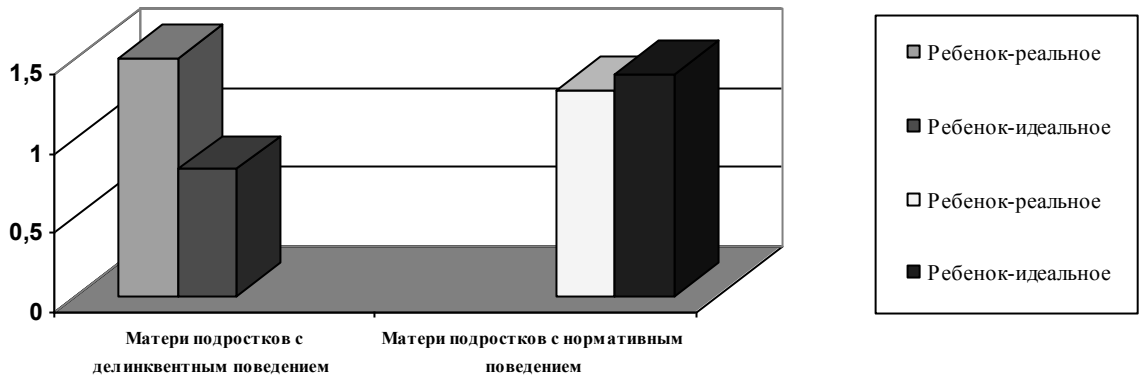

Рисунок 9. Сравнительные показатели о Ребенке – реальном и Ребенке – идеальном по фактору Активность ЛД, полученные при исследовании матерей подростков с делинквентным и нормативным поведением.

Из таблицы 34 видно, что в сопоставляемых группах обнаружены статистические различия на высоком уровне значимости по факторам Оценки и Силы восприятия Ребенка в реальности и различия на уровне статистической тенденции по фактору Активности Ребенка-идеального. Рисунки 7-9 показывают, что матери делинквентных подростков воспринимают их личность как менее положительную и сильную, но более активную, чем матери подростков с нормативным поведением воспринимают личность своих детей. При этом, матери делинквентных подростков в идеале хотели бы видеть своего ребенка более положительным, сильным, но менее активным (различия на высоком уровне статистической значимости). Матери подростков с нормативным поведением

также хотели бы видеть своих детей в идеале более положительными и сильными (различия на высоком уровне статистической значимости), но и более активным (различия на уровне статистической тенденции). Таким образом, можно говорить о том, что матери подростков с делинквентным поведением более критичны в восприятии своих детей, желают значительных изменений в их личности, что, возможно, ведет к предъявлению завышенных требований и усугубляет конфликтную ситуацию в семье.

4.2.2. Особенности восприятия личности матери подростками

В таблице 35 представлены значения факторов «Личностного дифференциала», полученные при исследовании подростков с делинквентным и нормативным поведением при оценивании личности собственной матери.

Таблица 35. Сопоставление средних оценок факторов ЛД, отражающих особенности восприятия личности собственной матери подростками с делинквентным и нормативным поведением

Факторы методики «Личностный дифференциал»	Подростки с делинквентным поведением о матери	Подростки с нормативным поведением о матери	Достоверные различия
	$M \pm m$ n = 76	$M \pm m$ n = 76	
Оценка	$1,6 \pm 0,17$	$2,6 \pm 0,03$	$p < 0,001$
Сила	$1,7 \pm 0,09$	$1,7 \pm 0,07$	не выявлено
Активность	$1,4 \pm 0,07$	$1,7 \pm 0,05$	$p < 0,01$

Как видно из таблицы 35, обнаружены статистические различия на высоком уровне значимости между сопоставляемыми группами подростков в восприятии ими личности собственной матери по фактору Оценка и Активность «Личностного дифференциала». Подростки с делинквентным поведением воспринимают собственную мать как менее положительную и менее активную личность (различия на достоверном уровне), чем мать в восприятии подростков с нормативным поведением. По фактору Сила различий не обнаружено.

Для дифференциации по половому признаку, приведем данные особенностей восприятия собственной матери отдельно для девочек и мальчиков. В таблице 36 представлены значения факторов «Личностного дифференциала», полученные при исследовании восприятия матери подростками с делинквентным и нормативным поведением с разделением их по половому признаку.

Таблица 36. Сопоставление средних оценок факторов личностного дифференциала, отражающих особенности восприятия личности собственной матери мальчиками и девочками-подростками с делинквентным и нормативным поведением

Факторы методики «Личностный дифференциал»	Мальчики-подростки		Девочки-подростки	
	с делинквентным поведением о матери	с нормативным поведением о матери	с делинквентным поведением о матери	с нормативным поведением о матери
	M _{±m} n = 48	M _{±m} n = 38	M _{±m} n = 28	M _{±m} n = 38
Оценка	1,7 ± 0,13	2,6 ± 0,04	1,3 ± 0,22	2,7 ± 0,05
	p < 0,001		p < 0,001	
Сила	1,6 ± 0,11	1,7 ± 0,08	1,8 ± 0,13	1,6 ± 0,11
	достоверных различий не выявлено		достоверных различий не выявлено	
Активность	1,4 ± 0,08	1,7 ± 0,06	1,1 ± 0,13	1,6 ± 0,08
	p < 0,05		p < 0,01	

Из таблицы 36 видно, что в группах, дифференцированных по половому признаку, сохраняются общегрупповые тенденции к восприятию собственной матери, а именно: и мальчики и девочки-подростки с делинквентным поведением воспринимают собственную мать как менее положительную и менее активную личность, чем мать в восприятии подростков с нормативным поведением, однако в подгруппе девочек эти показатели более контрастны, чем в группе мальчиков.

В процессе сбора материала, были выявлены случаи, когда подростки с делинквентным поведением из семей, состоящих на учете в Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав (КДН и ЗП) как семьи группы риска, при заполнении «Личностного дифференциала», описывающего личность их матери, давали ей максимально высокие баллы по шкале Оценка. В связи с этим, нами был предпринят анализ различия средних показателей данных факторов по t-критерию Стьюдента с выделением в группе подростков с делинквентным поведением подгрупп семей, состоящих и не состоящих на учете в КДН и ЗП. Однако при анализе всего массива данных достоверных различий между данными подгруппами обнаружено не было.

Дополнительно были изучены особенности самовосприятия подростков с делинквентным и нормативным поведением. В таблице 37 представлены значения

факторов «Личностного дифференциала» (ЛД), полученные при исследовании самовосприятия подростков с делинквентным и нормативным поведением.

Таблица 37. Сопоставление средних оценок факторов ЛД отражающих особенности самовосприятия подростков с делинквентным и нормативным поведением

Факторы методики «Личностный дифференциал»	Подростки с делинквентным поведением Я-реальное	Подростки с нормативным поведением Я-реальное	Достоверные различия
	M_{+m} n = 76	M_{+m} n = 76	
Оценка	$1,8 \pm 0,07$	$2,0 \pm 0,05$	$p < 0,05$
Сила	$1,6 \pm 0,09$	$1,5 \pm 0,06$	$p < 0,1$
Активность	$1,8 \pm 0,08$	$1,5 \pm 0,06$	$p < 0,05$

Приведенные в таблице 37 данные показывают наличие различий на статистически достоверном уровне по факторам Оценка и Активность: подростки с делинквентным поведением воспринимают себя как менее положительную, но более активную и сильную личность по сравнению с подростками с нормативным поведением (по фактору Сила различия обнаружены на уровне статистической тенденции).

Для дифференциации по половому признаку, приведем данные особенностей самовосприятия отдельно для девочек и мальчиков. В таблице 38 представлены значения факторов «Личностного дифференциала», полученные при исследовании самовосприятия подростков с делинквентным и нормативным поведением с разделением их по половому признаку.

Таблица 38. Сопоставление средних оценок факторов «Личностного дифференциала» отражающих особенности самовосприятия мальчиков и девочек-подростков с делинквентным и нормативным поведением

Факторы методики «Личностный дифференциал»	Мальчики-подростки		Девочки-подростки	
	с делинквентным поведением Я-реальное	с нормативным поведением Я-реальное	с делинквентным поведением Я-реальное	с нормативным поведением Я-реальное
	M_{+m} n = 48	M_{+m} n = 38	M_{+m} n = 28	M_{+m} n = 38
Оценка	$1,9 \pm 0,07$	$1,9 \pm 0,07$	$1,5 \pm 0,12$	$2,0 \pm 0,07$
	достоверных различий не выявлено		$p < 0,001$	
Сила	$1,9 \pm 0,09$	$1,4 \pm 0,07$	$1,3 \pm 0,13$	$1,6 \pm 0,09$
	$p < 0,001$		$p < 0,1$	
Активность	$1,9 \pm 0,09$	$1,3 \pm 0,08$	$1,5 \pm 0,16$	$1,7 \pm 0,10$
	$p < 0,001$		достоверных различий не выявлено	

Как видно из таблицы 38, особенности самовосприятия у мальчиков и девочек-подростков сопоставляемых групп существенно различаются. В группе мальчиков обнаружены статистические различия на высоком уровне значимости по факторам Сила и Активность: мальчики-подростки с делинквентным поведением воспринимают себя как более активную и сильную личность (статистические различия на высоком уровне значимости) по сравнению с мальчиками-подростками с нормативным поведением. По фактору Оценка различий не выявлено. В группе девочек, напротив, статистические различия на высоком уровне значимости выявлены по фактору Оценка: девочки-подростки с делинквентным поведением воспринимают себя как менее положительную личность по сравнению с девочками-подростками с нормативным поведением. Различия по фактору Сила выявлены на уровне тенденции, а по фактору Активность достоверных различий не выявлено. Это в значительной мере схоже с особенностями самовосприятия их матерей.

Для сравнительного анализа особенностей восприятия личности собственной матери подростками с делинквентным и нормативным поведением и их матерями были изучены представления исследуемых женщин о личности их собственных матерей. В таблице 39 и представлены значения факторов «Личностного дифференциала», полученные при исследовании матерей подростков с делинквентным и нормативным поведением при оценивании ими личности собственной матери.

Таблица 39. Сопоставление средних оценок факторов личностного дифференциала, отражающих особенности восприятия личности собственной матери матерями подростков с делинквентным и нормативным поведением

Факторы методики «Личностный дифференциал»	Матери подростков с делинквентным поведением о матери	Матери подростков с нормативным поведением о матери	Достоверные различия
	M _{±m} n = 76	M _{±m} n = 76	
Оценка	0,6 ± 0,08	2,7 ± 0,04	p < 0,001
Сила	0,5 ± 0,08	1,5 ± 0,05	p < 0,001
Активность	0,4 ± 0,07	1,3 ± 0,05	p < 0,001

Как видно из таблицы 39, обнаружены статистические различия на высоком уровне значимости между сопоставляемыми группами женщин в восприятии ими

личности собственной матери по всем факторам «Личностного дифференциала». Матери подростков с делинквентным поведением воспринимают свою мать как менее положительную, менее сильную и менее активную личность, чем матери подростков с нормативным поведением. В сопоставляемых группах подростков при изучении восприятия ими их матерей статистические различия обнаружены по факторам Оценка и Активность. Из этого можно сделать вывод о формировании межпоколенной тенденции к негативному восприятию матерей в семьях с делинквентными подростками.

4.3. Результаты исследования особенностей восприятия стиля воспитания матерей подростками

Для исследования стиля воспитания изученных матерей, использовалась методика «Подростки о родителях» (ПоР), включающая семь компонентов стиля воспитания – «позитивный интерес» (шкала POZ), «директивность» (шкала DIR), «враждебность» (шкала HOS), «автономность» (шкала AUT), «непоследовательность» (шкала NED), «фактор близости» (шкала POZ/HOS), «фактор критики» (шкала DIR/AUT). Профиль, построенный по данным методики ПоР, позволяет представить относительную выраженность компонентов в общей структуре воспитательной тактики родителей. Согласно концепции, положенной в основу методики ПоР, выраженность отдельных компонентов воспитательной тактики родителей в группах подростков, различающихся по полу, интерпретируется по-разному.

В таблице 40 и на рисунке 10 представлены результаты сравнительного исследования восприятия стиля воспитания матерей сыновьями-подростками с делинквентным и нормативным поведением.

Таблица 40. Результаты сопоставления средних шкальных оценок методики «ПоР»: восприятие стиля воспитания матерей сыновьями-подростками с делинквентным и нормативным поведением

Показатели методики «Подростки о родителях»	Сыновья-подростки с делинквентным поведением		Сыновья-подростки с нормативным поведением		Достоверные различия
	M \pm m n = 48	станд. баллы	M \pm m n = 38	станд. баллы	
Позитивный интерес (POZ)	10,8 \pm 0,73	2	15,6 \pm 0,36	3	p<0,001

Директивность (DIR)	11,0±0,69	3	9,1±0,56	2	p<0,05
Враждебность (HOS)	8,3±0,67	4	3,7±0,41	2	p<0,001
Автономность (AUT)	12,5±0,56	4	10,2±0,44	3	p<0,05
Непоследовательность (NED)	9,3±0,46	3	5,6±0,37	2	p<0,001
Фактор близости (POZ/HOS)	2,2±1,20	2	11,7±0,68	3	p < 0,001
Фактор критики (DIR/AUT)	-1,5±0,99	1	-1,3±0,66	1	не выявлено

Примечание. Для таблиц 40 и 41: в методике ПоР показатели 1-2 стандартных балла соответствуют низкому уровню выраженности параметра; показатели 4-5 стандартных балла свидетельствуют о том, что измеряемое качество выражено отчетливо [Вассерман Л.И. с соавт., 2004].

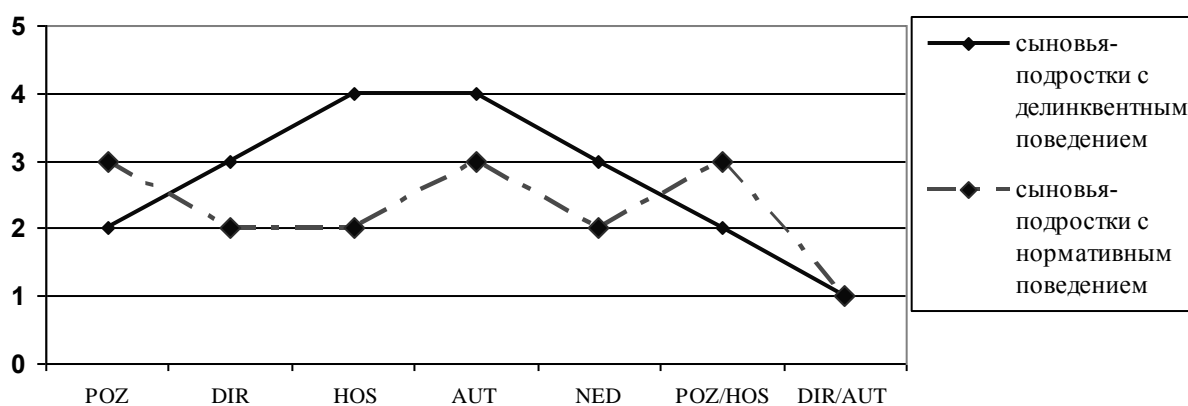

Рисунок 10. Показатели методики «Подростки о родителях» (в стандартизованных баллах): восприятие стиля воспитания матерей сыновьями-подростками с делинквентным и нормативным поведением.

В таблице 40 и на рисунке 10 отражено, что сыновья с нормативным поведением показали высокий результат по шкале «Фактор близости», что характеризует восприятие ими матерей как проявляющих теплые чувства и принимающих их. Сыновья с делинквентным поведением показали по данной шкале низкий результат, что свидетельствует о тенденции воспринимать матерей как отвергающих их (различия обнаружены на высоком уровне статистической значимости $p < 0,001$). В то же время у делинквентных мальчиков-подростков более выражены показатели по шкалам «Враждебность» и «Автономность», что показывает отсутствие психологического принятия, и, в то же время, тенденцию к отвергающему-отстраненному отношению со стороны матери.

В таблице 41 и на рисунке 11 представлены результаты сравнительного исследования восприятия стиля воспитания матерей дочерьми-подростками с делинквентным и нормативным поведением.

Таблица 41. Результаты сопоставления средних шкальных оценок методики «ПоР»: восприятие стиля воспитания матерей дочерьми-подростками с делинквентным и нормативным поведением

Показатели методики «Подростки о родителях»	Дочери-подростки с делинквентным поведением		Дочери-подростки с нормативным поведением		Достоверные различия
	M _{±m} n = 28	станд. баллы	M _{±m} n = 38	станд. баллы	
Позитивный интерес (POZ)	10,1 _± 1,26	2	17,0 _± 0,33	3	p<0,001
Директивность (DIR)	12,5 _± 0,55	3	9,1 _± 0,62	2	p<0,001
Враждебность (HOS)	9,6 _± 1,25	4	3,9 _± 0,49	2	p<0,001
Автономность (AUT)	9,9 _± 0,74	3	9,9 _± 0,49	3	не выявлено
Непоследовательность (NED)	11,1 _± 0,80	4	6,4 _± 0,47	3	p<0,001
Фактор близости (POZ/HOS)	0,4 _± 2,29	2	12,8 _± 0,73	3	p<0,001
Фактор критики (DIR/AUT)	2,5 _± 0,99	3	-1,1 _± 0,81	3	p<0,01

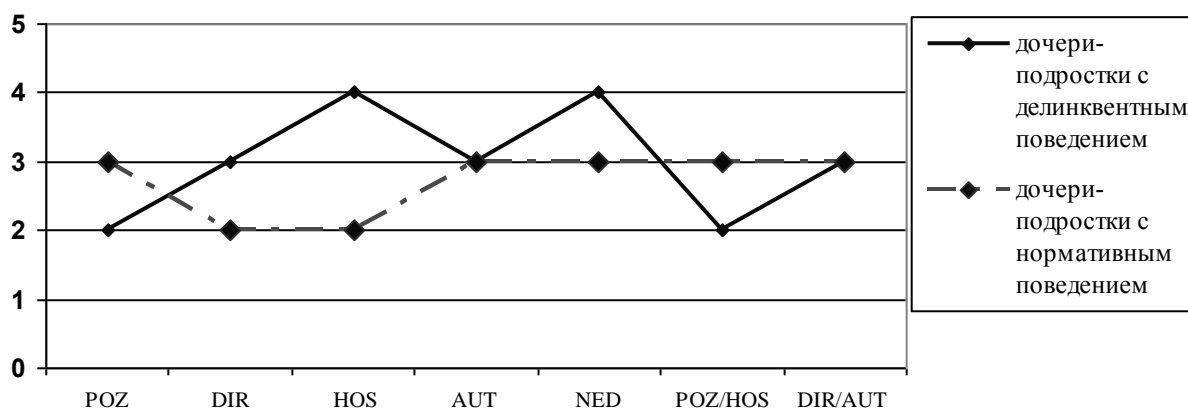

Рисунок 11. Показатели методики «Подростки о родителях» (в стандартизированных оценках): восприятие стиля воспитания матерей дочерьми-подростками с делинквентным и нормативным поведением.

Представленные в таблице 41 и на рисунке 11 результаты показывают, что в восприятии дочерей с нормативным поведением показатели стиля материнского воспитания «Директивность» и «Враждебность» понижены. Остальные показатели восприятия социально адаптированными девочками материнского

стиля воспитания соответствуют среднему уровню, что свидетельствует о достаточно гармоничном отношении к ним матерей. Девочки с делинквентным поведением показали сниженные результаты по таким шкалам, характеризующим стиль воспитания их матерей, как «Позитивный интерес» и «Фактор близости», повышенные показатели – по шкалам «Враждебность» и «Непоследовательность» и обнаружили по этим шкалам статистически значимые различия ($p < 0,001$) с сопоставляемой группой. Данные результаты говорят о восприятии делинквентными дочерьми своих матерей как не проявляющих к ним заботы, внимания, психологического принятия и, в то же время, как негативно настроенных, дистанцирующихся от них и непоследовательных в своих требованиях.

Также осуществлен двухфакторный дисперсионный анализ, который рассматривал влияния факторов пола и принадлежности к группе социально адаптированных или делинквентных подростков, что позволило оценить взаимное влияние данных факторов. На рисунках 12-15 представлены результаты двухфакторного дисперсионного анализа «сырых» баллов методики «Подростки о родителях», обнаружившие статистически значимые различия ($p < 0,001$).

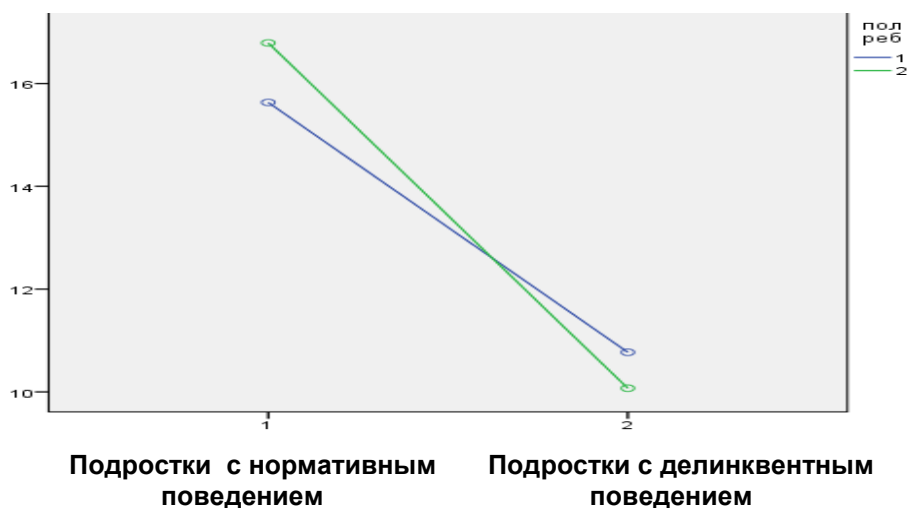

Рисунок 12. График средних значений шкалы «Позитивный интерес» методики ПоР.

Примечание. На рисунках 12-15 в обозначениях «Пол ребенка»: 1 – мальчики-подростки, 2 – девочки-подростки.

На рисунке 12 показано, что в группе девочек и мальчиков с нормативным поведением значения шкалы «Позитивный интерес» имеют высокие показатели,

причем в группе девочек показатели выше, что свидетельствует о высоком уровне их эмоционального принятия матерью. В группе делинквентных подростков, данные показатели ниже у девочек, и более отличаются от показателей социально адаптированных девочек, чем показатели мальчиков в сопоставляемых группах.

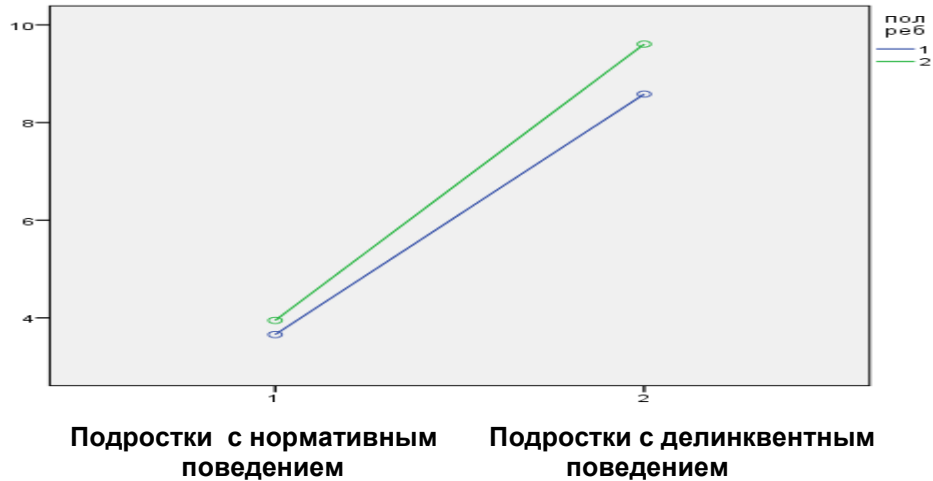

Рисунок 13. График средних значений шкалы «Враждебность» методики ПоР.

Из рисунка 13 видно, что в группе девочек и мальчиков с нормативным поведением значения шкалы «Враждебность» имеет близкие низкие показатели. В группе делинквентных подростков, данные показатели выше у девочек, чем у мальчиков их группы, что демонстрирует восприятие делинквентными девочками матерей как излишне агрессивных, подозрительных и чрезмерно строгих с ними.

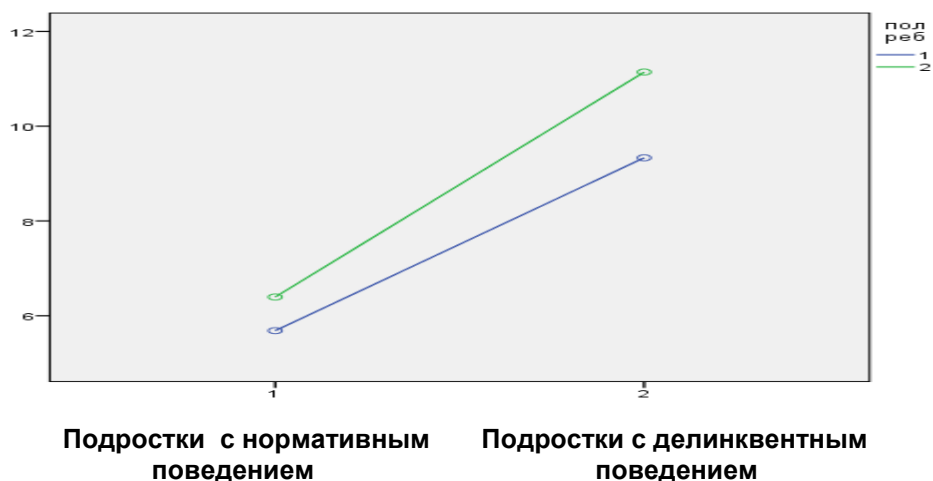

Рисунок 14. График средних значений шкалы «Непоследовательность» методики ПоР.

Как видно из рисунка 14, в группе девочек и мальчиков с нормативным поведением значения шкалы «Непоследовательность» имеет близкие невысокие

показатели, причем в подгруппе мальчиков эти показатели ниже, чем в подгруппе девочек. В группе делинквентных подростков, данный показатель значительно выражен в обеих подгруппах. В подгруппе девочек он выше, чем у мальчиков, что может свидетельствовать о восприятии делинквентными девочками стиля воспитания своей матери как нестабильного, характеризующегося резкими переходами от психологического принятия дочери к эмоциональному ее отвержению вне зависимости от ее поступков и поведения.

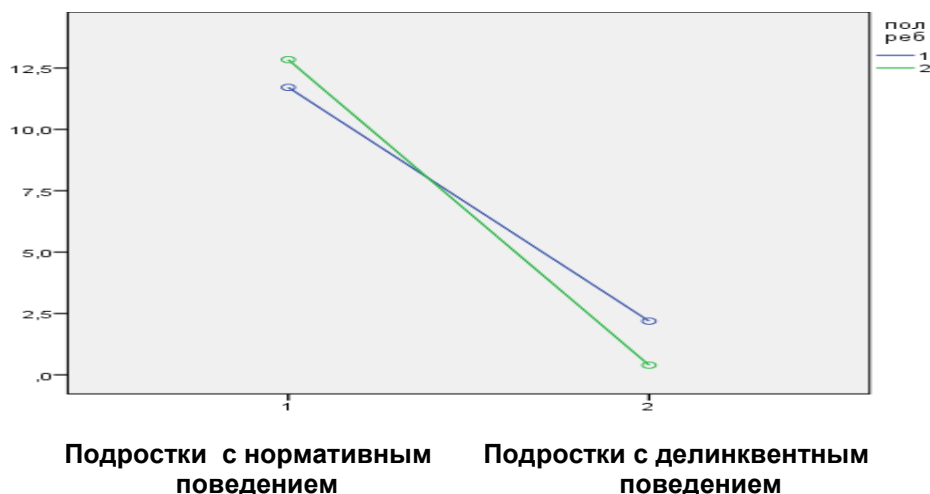

Рисунок 15. График средних значений шкалы «Фактор близости» методики ПоР.

Данные, приведенные на рисунке 15, показывают, что в группе девочек и мальчиков с нормативным поведением значения шкалы «Фактор близости» имеют близкие высокие показатели. В группе делинквентных подростков, данные показатели ниже у девочек, чем мальчиков их группы, что показывает восприятие ими эмоционального отвержения матерью.

Таким образом, в результате исследования особенностей восприятия стиля воспитания матерей социально адаптированными и делинквентными подростками можно говорить о том, что у делинквентных подростков наблюдается снижение по таким шкалам, характеризующим стиль воспитания их матерей, как «Позитивный интерес» и «Фактор близости», и повышение по шкалам «Враждебность» и «Непоследовательность». Причем, показатели методики у делинквентных девочек более контрастны, чем у мальчиков их группы, что свидетельствует о большей выраженности их критичности и конфликтности по отношению к матерям. Мальчики обеих групп относятся к воспитательной

практике матерей нейтральнее, чем девочки. Большинство показателей восприятия социально адаптированными подростками материнского стиля воспитания соответствуют среднему уровню, что свидетельствует о достаточно гармоничном отношении к ним матерей.

4.4. Результаты исследования взаимосвязи психологических особенностей матерей с восприятием их стиля воспитания подростками

В настоящем разделе приведены результаты корреляционного анализа показателей методики «Подростки о родителях» с показателями других экспериментальных методик, направленных на выявление эмоционально-личностных особенностей матерей подростков с делинквентным и нормативным поведением.

В таблицах 42-45 и на рисунке 16 представлены результаты исследования взаимосвязи шкальных оценок методики «Подростки о родителях», отражающей восприятие стилей материнского воспитания социально адаптированными и делинквентными мальчиками и девочками-подростками, и шкальных оценок методик «Интегративный тест тревожности» (показатели шкалы «Личностная тревожность»), «Нервно-психическая неустойчивость - акцентуации», «Уровень субъективного контроля личности», «Личностный дифференциал».

Таблица 42. Результаты исследования взаимосвязи эмоционально-личностных особенностей матерей с восприятием их стиля воспитания сыновьями с делинквентным поведением

Показатели методик, характеризующие эмоционально-личностные особенности матерей делинквентных мальчиков	Показатели методики «Подростки о родителях»				
	POZ	HOS	AUT	POZ/HOS	DIR/AUT
Тревожная оценка перспектив			,32*		-,26*
Тревожность (психастения)			,30*		
Ригидность					,35**
Интернальность общая	,30*			,31*	,32**
Интернальность в области достижений					,25*
Интернальность в области неудач	,30*			,33*	,27*
Интернальность в области семейных отн.	,31*	-,28*		,35*	
Показатель Сила Я-реальное	-,40**	,29*		-,41**	,24*
Показатель Активность Я-реальное			-,4**		,29*
Показатель Активность Я-идеальное	,47**			,36*	

Примечание. В таблицах 42-45:

1. ** – корреляция значима на уровне 0,01; * – корреляция значима на уровне 0,05;

2. Показатели методики «Подростки о родителях»: POZ – позитивный интерес; DIR – директивность; NOS – враждебность; AUT – автономность; NED – непоследовательность; POZ/NOS – фактор близости; DIR/AUT – фактор критики.

Как видно из таблицы 42, выявлена статистически достоверная положительная связь между показателями стиля материнского воспитания «Позитивный интерес» и показателями «Интернальность общая», «Интернальность в области неудач», «Интернальность в области семейных отношений», Активность Я-идеального; отрицательная связь на высоком уровне значимости с показателем Сила Я-реального матери. Аналогичные корреляции выявлены для «Фактора близости». Это говорит о том, что мальчики с делинквентным поведением как более помогающую и поддерживающую воспринимают мать, принимающую на себя ответственность за события, происходящие в семье, за случающиеся неудачи, стремящуюся быть более активной и, при этом, в реальности довольно слабую, что позволяет сыновьям безнаказанно совершать проступки и перекладывать за них ответственность на мать. «Враждебность», как стиль воспитания, отрицательно коррелирует с «Интернальностью в области семейных отношений» и положительно коррелирует с показателем Сила Я-реального матери, то есть, сильная и не принимающая на себя ответственность за события, происходящие в семье, мать воспринимается мальчиками с делинквентным поведением как чрезмерно строгая и агрессивная. Показатель «Автономность» имеет положительные корреляционные связи с показателями «Тревожная оценка перспектив», «Тревожность», и отрицательную корреляцию с показателем Активность Я-реального матери. Это может свидетельствовать о том, что матери проявляющие нерешительность, мнительность, неуверенность в себе, проецирующие свои страхи на будущее и, при этом, пониженную активность воспринимаются их делинквентными сыновьями как стремящиеся к полному диктату и подчинению, не взирая на их мысли и чувства.

Наиболее насыщенным корреляционными связями является показатель «Фактор критики». На рисунке 16 представлена корреляционная плеяда, где

системообразующим признаком является показатель методики ПоР «Фактор критики».

Рисунок 16. Корреляционная плеяда показателя методики ПоР «Фактор критики» (DIR/AUT) с показателями методик, характеризующими эмоционально-личностные особенности матерей мальчиков с делинквентным поведением.

Полученные данные свидетельствуют о том, что такие особенности личности матери как Сила, Активность, собственная ответственность за события происходящие в жизни, в частности – в области достижений и неудач, склонность к прямолинейности, самоуверенности, упорству (повышение по шкале «Ригидность») и способность переносить ситуацию неопределенности (снижение по шкале «Тревожная оценка перспектив») воспринимаются мальчиками с делинквентным поведением как стремление матерей к тотальному контролю и ограничению их свободы, склонность критичному отношению.

Итак, результаты показывают, что делинквентные мальчики-подростки как эмоционально более близкую и принимающую воспринимают ответственную, но слабую, не способную на санкции мать, с которой бы они могли безнаказанно совершать проступки. При этом ответственная, сильная, прямолинейная и активная мать воспринимается делинквентными сыновьями как враждебная, критичная, склонная к тотальному контролю.

Таблица 43. Результаты исследования взаимосвязи эмоционально-личностных особенностей матерей с восприятием их стиля воспитания сыновьями с нормативным поведением

Показатели методик, характеризующие эмоционально-личностные особенности матерей мальчиков с нормативным поведением	Показатели методики «Подростки о родителях»			
	DIR	HOS	NED	DIR/AUT
Ригидность		,57**		
Интернальность общая	-,45**		-,39*	-,34*
Интернальность в области достижений		-,34*		
Интернальность в области производственных отношений	-,44**		-,51**	-,43**
Интернальность в области здоровья	-,34*			
Показатель Активность, Я-реальное			,35*	
Показатель Сила, Я-идеальное	,56**			
Показатель Активность, Я-идеальное			,46**	

Из таблицы 43 можно увидеть, что выявлена статистически значимая отрицательная корреляционная связь показателей «Директивность» с показателями «Интернальность общая», «Интернальность в области производственных отношений», «Интернальность в области здоровья» и положительная связь с показателем Сила Я-реального матери. Полученные данные свидетельствуют о том, что чем более ответственной за события своей жизни, но менее сильной является мать, тем менее директивной (жесткой и властной), стремящейся навязать чувство вины воспринимает ее сын. Положительная корреляционная связь показателя «Враждебность» с показателем «Ригидность» на высоком уровне значимости, и отрицательная связь с показателем «Интернальность в области достижений» показывают, что, чем более прямолинейной, самоуверенной, недоверчивой и подозрительной является мать, чем более она нивелирует личный вклад в происходящие эмоционально-позитивные события и ситуации, тем как более строгую и агрессивную

воспринимает ее сын. Со снижением личной ответственности матери за события, происходящие в жизни вообще, и карьерном развитии (показатели «Интернальность общая» и «Интернальность в области производственных отношений») социально адаптированные мальчики активнее утверждают, что мать склонна к частой смене своих воспитательных позиций (повышение показателя «Непоследовательность») и имеет склонность к тотальному контролю над ними (повышение показателя «Фактор критики»).

Таблица 44. Результаты исследования взаимосвязи эмоционально-личностных особенностей матерей с восприятием их стиля воспитания дочерьми с делинквентным поведением

Показатели методик, характеризующие эмоционально-личностные особенности матерей девочек с делинквентным поведением	Показатели методики «Подростки о родителях»					
	POZ	DIR	HOS	NED	POZ/HOS	DIR/AUT
Интернальность общая	,37*				,39*	-,28*
Интернальность в области неудач		,46*				
Интернальность в области семейных отн.	,37*		-,38*		,41*	
Показатель Активность Я-реальное				,39*		

Из таблицы 44 видно, что выявлены положительные корреляционные связи между показателями «Позитивный интерес», «Фактор близости» и «Интернальность общая», «Интернальность в области семейных отношений», «Директивность» и «Интернальность в области неудач», «Непоследовательность» и «Активность» Я-реального матери. То есть, чем более ответственной чувствует себя мать за события, происходящие в ее жизни вообще и в ее семье, в частности, тем более заботливой, внимательной, эмоционально близкой воспринимает ее делинквентная дочь; чем более акцентирует мать внимание на ответственности за неудачи, тем она воспринимается более жесткой и властной; чем более активной считает мать себя, тем более непоследовательной, резко переходящей от строгости к попустительству, воспринимает ее дочь-подросток. Понижение ответственности матери за события, происходящие в жизни, и в семье, воспринимаются ее дочерью с делинквентным поведением как тенденция к эмоциональному дистанцированию по отношению к членам семьи.

Таблица 45. Результаты исследования взаимосвязи эмоционально-личностных особенностей матерей с восприятием их стиля воспитания дочерями с нормативным поведением

Показатели методик, характеризующие эмоционально-личностные особенности матерей девочек с нормативным поведением	Показатели методики «Подростки о родителях»			
	POZ	HOS	AUT	POZ/HOS
Интернальность в области семейных отношений		-,36*		,35*
Интернальность в области производственных отн.			,45**	
Показатель Оценка Я-реальное	,34*			

Как видно из таблицы 45, в восприятии девочек с нормативным поведением показатель «Позитивный интерес» положительно коррелирует с показателем Оценка Я-реального матери; «Автономность» – с «Интернальностью в области производственных отношений»; «Фактор близости» – с «Интернальностью в области семейных отношений», и с ней же отрицательно коррелирует показатель «Враждебность». Такие показатели могут свидетельствовать о том, что чем более положительной личностью, ответственной за события семейной жизни воспринимает себя мать, тем более заботливой, эмоционально теплой и близкой воспринимает ее дочь. И, напротив, чем менее ответственно относится мать к событиям, происходящим в семье и чем более ответственно относится к собственной карьере, тем более дистанцированной, возвышающей себя над окружающими, не проявляющей заботы и опеки воспринимает ее дочь-подросток.

Таким образом, при исследовании взаимосвязи психологических особенностей матерей с восприятием их стиля воспитания подростками, обнаружено, что данные показатели более насыщены корреляционными связями в группах мальчиков, чем девочек. Причем, при сравнительном анализе, отмечаются различия в восприятии сыновьями-подростками проявлений интернальности в различных сферах жизни в сочетании с силой личности матерей в сопоставляемых группах. Так, мальчики с делинквентным поведением воспринимают повышение общей ответственности матери, в том числе и ответственности за события семейной жизни, и за происходящие неудачи, при оценке себя матерью как личности слабой (средний показатель Сила Я-реального матерей делинквентных подростков $M_{\pm m} = 0,6 \pm 0,10$ при среднем значении фактора Сила=1,09 и стандартном отклонении $\sigma = 1,05$ (Бажин Е.Ф., Эткинд А.М.,

1983) как проявление позитивного интереса (психологического принятия, помощи, поддержки). Мальчики с нормативным поведением воспринимают повышение общей ответственности матери в сочетании со снижением показателя Сила Я-реальное ($M_{\pm m}=1,2_{\pm 0,07}$) как снижение ее директивности (жесткости, властности, стремления навязать чувство вины).

В группах девочек обнаружены единичные взаимосвязи, которые не позволяют сделать обобщенные выводы.

В связи с вышеизложенным можно сделать вывод о том, что более выражена взаимосвязь между психологическими особенностями матерей и восприятием стиля их воспитания в группах сыновей. Следовательно, можно предположить, что для мальчиков воспринимаемый ими стиль воспитания матери более обусловлен ее личностными особенностями, чем для девочек. Кроме того, существуют различия в восприятии личностных особенностей матерей в группах мальчиков-подростков с делинквентным и нормативным поведением.

4.5. Результаты исследования особенностей взаимодействия матери и подростка в процессе совместной деятельности

В настоящем разделе приведены результаты выполнения экспериментальной техники «Совместное рисование матерей и их детей-подростков». Были разработаны план организации совместного рисования матери и подростка, и протокол выполнения заданий (Приложение 4). В таблице 46 приведены результаты выполнения совместного рисования в диадах матерей и их детей-подростков с делинквентным и нормативным поведением.

Таблица 46. Результаты выполнения экспериментальной техники «Совместное рисование матерей и их детей-подростков»

Характеристики совместного рисования матерей и их детей	Матери и подростки с делинквентным поведением		Матери и подростки с нормативным поведением	
	кол-во пар	%	кол-во пар	%
Последовательность работы				
Договариваются	0	0	33	43,4
Определила мать	18	23,7	25	32,9
Определил подросток	20	26,3	17	22,4
Спорят, ни один не хочет начинать	38	50,0	1	1,3
$\chi^2 = 69,4$	$p < 0,001$			

Следование инструкции				
Следуют оба	1	1,3	70	92,2
Нарушает мать	31	40,8	2	2,6
Нарушает подросток	13	17,1	3	3,9
Нарушают оба	31	40,8	1	1,3
$\chi^2 = 126,8$ $p < 0,001$				
Наличие зрительного контакта				
Смотрят друг на друга	4	5,3	72	94,8
Мать смотрит на подростка	24	31,6	1	1,3
Подросток смотрит на мать	21	27,6	3	3,9
Не смотрят друг на друга	27	35,5	0	0
$\chi^2 = 122,5$ $p < 0,001$				
Особенности взаимодействия				
Взаимное дополнение	14	18,4	69	90,8
Мать исправляет рисунок подростка	17	22,4	2	2,6
Подросток изменяет тему	16	21,0	4	5,3
Изолированное рисование	29	38,2	1	1,3
$\chi^2 = 81,6$ $p < 0,001$				
Особенности выбора тематики				
Вместе развивали сюжет рисунка	4	5,3	46	60,5
Основные фигуры изображала мать	27	35,5	11	14,5
Основные фигуры изображал подросток	5	6,6	18	23,7
Каждый рисовал на свою тему	40	52,6	1	1,3
$\chi^2 = 86,5$ $p < 0,001$				
Пространственная организация				
Пространство разделили поровну	16	21,1	47	61,8
Большую часть листа заняла мать	22	28,9	10	13,2
Большую часть листа занял подросток	15	19,7	15	19,7
Большая часть листа осталась пустой	23	30,3	4	5,3
$\chi^2 = 33,1$ $p < 0,001$				
Удовлетворенность рисунком				
Нравится обоим	3	3,9	72	94,8
Нравится подростку, не нравится матери	35	46,1	1	1,3
Нравится матери, не нравится подростку	25	32,9	2	2,6
Не нравится обоим	13	17,1	1	1,3
$\chi^2 = 125,4$ $p < 0,001$				
Рассказ о рисунке				
Рассказывали оба	3	3,9	58	76,3
Рассказывала в основном мать	22	29,0	7	9,2
Рассказывал в основном подросток	27	35,5	11	14,5
Не смогли (отказались) составить рассказ	24	31,6	0	0
$\chi^2 = 88,1$ $p < 0,001$				

Из таблицы 46 можно увидеть, что по всем исследованным характеристикам совместного рисования между парами матерей и их детей-подростков с делинквентным и нормативным поведением имеются высоко значимые статистические различия.

При определении последовательности работы 43,4% матерей и социально адаптированных подростков договариваются, в то время как 50% пар сопоставляемой группы спорят. Следуют инструкции, устанавливают зрительный контакт и дополняют рисунки друг друга 92,1%, 94,7% и 90,8%, соответственно, матерей и социально адаптированных подростков, тогда как таких вариантов среди делинквентных подростков и их матерей – 1,3%, 5,3% и 17,1%, соответственно. Большая часть социально адаптированных подростков и их матерей вместе развивали сюжет рисунка (60,5%), пространство листа делили поровну (61,8%), были удовлетворены результатом рисования (94,7%) и вместе составили рассказ о рисунке (76,3%). В парах делинквентных подростков и их матерей, чаще каждый рисовал на свою тему или отрывочные изображения (52,6%), большая часть листа оставалась незаполненной (30,3%), матери не нравились результат рисования (63,2%), рассказывал о рисунке чаще подросток (35,5%) и в 31,6% случаев они не смогли (отказались) рассказать о своем рисунке. Это показывает наличие проблем (неумение, нежелание делать что-то вместе) при взаимодействии матерей и их детей-подростков с делинквентным поведением.

Отдельно были сопоставлены показатели взаимодействия в процессе выполнения совместной деятельности матерей и их детей-подростков с дифференциацией последних по полу. В таблице 47 приводятся показатели характеристик совместного рисования в парах матерей и их сыновей с делинквентным и нормативным поведением.

Таблица 47. Результаты выполнения экспериментальной техники «Совместное рисование матерей и их сыновей-подростков»

Характеристики совместного рисования матерей и сыновей	Матери и сыновья с делинквентным поведением		Матери и сыновья с нормативным поведением	
	кол-во пар	%	кол-во пар	%
Последовательность работы				
Договариваются	0	0	18	47,4
Определила мать	12	25	10	26,3
Определил подросток	14	29,2	10	26,3
Спорят, ни один не хочет начинать	22	45,8	0	0
$\chi^2 = 40,2$	$p < 0,001$			

Следование инструкции				
Следуют оба	1	2,1	35	92,1
Нарушает мать	18	37,5	1	2,6
Нарушает подросток	11	22,9	2	5,3
Нарушают оба	18	37,5	0	0
$\chi^2 = 71,4$ $p < 0,001$				
Наличие зрительного контакта				
Смотрят друг на друга	3	6,3	36	94,7
Мать смотрит на подростка	10	20,8	0	0
Подросток смотрит на мать	16	33,3	2	5,3
Не смотрят друг на друга	19	39,6	0	0
$\chi^2 = 67,6$ $p < 0,001$				
Особенности взаимодействия				
Взаимное дополнение	10	20,8	36	94,7
Мать исправляет рисунок подростка	14	29,2	0	0
Подросток изменяет тему	10	20,8	2	5,3
Изолированное рисование	14	29,2	0	0
$\chi^2 = 47,7$ $p < 0,001$				
Особенности выбора тематики				
Вместе развивали сюжет рисунка	1	2,1	15	39,5
Основные фигуры изображала мать	23	47,9	7	18,4
Основные фигуры изображал подросток	4	8,3	16	42,1
Каждый рисовал на свою тему	20	41,7	0	0
$\chi^2 = 47,5$ $p < 0,001$				
Пространственная организация				
Пространство разделили поровну	6	12,5	23	60,5
Большую часть листа заняла мать	16	33,3	9	23,7
Большую часть листа занял подросток	12	25,0	6	15,8
Большая часть листа осталась пустой	14	29,2	0	0
$\chi^2 = 27,1$ $p < 0,001$				
Удовлетворенность рисунком				
Нравится обоим	2	4,2	36	94,7
Нравится подростку, не нравится матери	20	41,7	0	0
Нравится матери, не нравится подростку	17	35,4	2	5,3
Не нравится обоим	9	18,7	0	0
$\chi^2 = 71,1$ $p < 0,001$				
Рассказ о рисунке				
Рассказывали оба	1	2,1	30	78,9
Рассказывала в основном мать	13	27,1	5	13,2
Рассказывал в основном подросток	18	37,5	3	7,9
Не смогли (отказались) составить рассказ	16	33,3	0	0
$\chi^2 = 57,0$ $p < 0,001$				

Как видно из таблицы 47, социально адаптированные мальчики и их матери в 47,4% случаев договариваются о последовательности работы; во время рисования следуют инструкции, поддерживают зрительный контакт и дополняют рисунки друг друга, при этом чаще основные фигуры изображает сын (42,1%). В

парах делинквентных мальчиков и их матерей 45,8% спорят; 47,9% матерей изображают основные фигуры, занимают большую часть пространства листа (33,3%) и 75% из них нарушают инструкцию, т. е. пытаются доминировать и при этом демонстрируют неумение удерживать правила. Анализ удовлетворенности результатом и составления рассказа о рисунке показывает сохранение общегрупповой тенденции: в парах матерей и сыновей с делинквентным поведением матери не нравился результат рисования (60,5%), рассказывал о рисунке чаще подросток (37,5%) и в 33,3% случаев они не смогли (отказались) рассказать о своем рисунке. В парах матерей и сыновей с нормативным поведением 94,7% исследованных пар были удовлетворены результатом рисования и 78,9% – вместе составили рассказ о рисунке.

В таблице 48 приводятся показатели характеристик совместного рисования в парах матерей и их дочерей с делинквентным и нормативным поведением.

Таблица 48. Результаты выполнения экспериментальной техники «Совместное рисование матерей и их дочерей-подростков»

Характеристики совместного рисования матерей и дочерей	Матери и дочери с делинквентным поведением		Матери и дочери с нормативным поведением	
	кол-во пар	%	кол-во пар	%
Последовательность работы				
Договариваются	0	0	15	39,5
Определила мать	6	21,4	15	39,5
Определил подросток	6	21,4	7	18,4
Спорят, ни один не хочет начинать	16	57,2	1	2,6
$\chi^2 = 31,4$ $p < 0,001$				
Следование инструкции				
Следуют оба	0	0	35	92,2
Нарушает мать	13	46,4	1	2,6
Нарушает подросток	2	7,2	1	2,6
Нарушают оба	13	46,4	1	2,6
$\chi^2 = 55,7$ $p < 0,001$				
Наличие зрительного контакта				
Смотрят друг на друга	1	3,6	36	94,8
Мать смотрит на подростка	14	50,0	1	2,6
Подросток смотрит на мать	4	14,3	1	2,6
Не смотрят друг на друга	9	32,1	0	0
$\chi^2 = 54,9$ $p < 0,001$				

Особенности взаимодействия				
Взаимное дополнение	3	10,7	33	86,8
Мать исправляет рисунок подростка	3	10,7	2	5,3
Подросток изменяет тему	7	25,0	2	5,3
Изолированное рисование	15	53,6	1	2,6
$\chi^2 = 39,6$	$p < 0,001$			
Особенности выбора тематики				
Вместе развивали сюжет рисунка	3	10,7	31	81,6
Основные фигуры изображала мать	3	10,7	4	10,5
Основные фигуры изображал подросток	1	3,6	2	5,3
Каждый рисовал на свою тему	21	75,0	1	2,6
$\chi^2 = 41,1$	$p < 0,001$			
Пространственная организация				
Пространство разделили поровну	10	35,7	25	65,8
Большую часть листа заняла мать	5	17,9	1	2,6
Большую часть листа занял подросток	4	14,3	8	21,1
Большая часть листа осталась пустой	9	32,1	4	10,5
$\chi^2 = 11,1$	$p < 0,05$			
Удовлетворенность рисунком				
Нравится обоим	1	3,6	36	94,8
Нравится подростку, не нравится матери	15	53,5	1	2,6
Нравится матери, не нравится подростку	8	28,6	0	0
Не нравится обоим	4	14,3	1	2,6
$\chi^2 = 54,9$	$p < 0,001$			
Рассказ о рисунке				
Рассказывали оба	2	7,2	28	73,7
Рассказывала в основном мать	9	32,1	2	5,3
Рассказывал в основном подросток	9	32,1	8	21,0
Не смогли (отказались) составить рассказ	8	28,6	0	0
$\chi^2 = 34,3$	$p < 0,001$			

Из таблицы 48 видно, что характеристики, отражающие процесс рисования сохраняют общегрупповые тенденции: делинквентные девочки и их матери чаще спорят о последовательности работы, нарушают инструкцию (мать – в 92,8% случаев), выполняют изолированные рисунки. Дочери изменяют тему, которую начала мать в 25% случаев. Анализ зрительного контакта показывает, что в данной группе чаще (50% от выборки) мать смотрит на дочь, при этом дочь зрительный контакт не поддерживает. Результат рисования не нравился матерям делинквентных дочерей в 53,5% случаев. Из этого можно сделать вывод, что попытки доминировать и нежелание самим соблюдать правила при совместной деятельности матерей и их дочерей с делинквентным поведением выражены более контрастно, чем в группе матерей и сыновей с делинквентным поведением.

В диадах матерей и дочерей с нормативным поведением при определении последовательности работы, в равных процентных отношениях исследуемые договариваются и последовательность определяет мать (39,5%); в парах чаще соблюдали инструкции, имелся зрительный контакт, сюжет рисунка развивали вместе, взаимно дополняя изображения, были удовлетворены результатом рисования и вместе составили рассказ о рисунке.

Таким образом, наблюдение и анализ результатов взаимодействия матерей и их детей-подростков с делинквентным и нормативным поведением в процессе совместного рисования показал статистически значимые различия между сопоставляемыми группами по всем выделенным параметрам. Также выявлено, что взаимодействие между матерями и делинквентными девочками носит более конфликтный характер, чем между ними и делинквентными мальчиками. Как дочери, так и матери при взаимодействии чаще склонны вступать в открытую конфронтацию, занимать более критичную и непримиримую позицию, чем при взаимодействии в диадах мать-сын.

Обобщая данные, приведенные в главе 4, можно отметить следующее: анализ результатов экспериментально-психологического исследования матерей и их детей-подростков с делинквентным и нормативным поведением показал, что существуют различия эмоционально-личностных характеристик в группах матерей подростков с делинквентным и нормативным поведением, а также различия особенностей взаимодействия в процессе выполнения ими совместной деятельности со своими детьми. Выявлены корреляционные связи психологических особенностей матерей с восприятием их стиля воспитания, более насыщенные в сопоставляемых группах мальчиков-подростков, чем в группах девочек.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Одной из актуальных проблем общества является подростковая преступность. Количество российских детей, втянутых в преступную жизнь, недопустимо велико (Регуш Л.А., Лихтарников А.Л., 2005; Михайлов А.П., 2006; Змановская Е.В., 2011). Данные МВД, опубликованные на сайте Федеральной службы государственной статистики, показывают, что в 2013 году было зарегистрировано 67,2 тыс. преступлений, совершенных несовершеннолетними, что составляет 1,2 % от общей численности данной возрастной группы. При этом реальные показатели в несколько раз выше, поскольку в подростковой преступности высок уровень латентности (Волохова М.Б., 2007; Иншаков С.М. 2012).

Вместе с этим, очевидно неблагополучие значительной части российских семей, проявляющееся как в социально-экономическом, так и социально-психологическом плане. По данным Государственного доклада «Положение детей и семей, имеющих детей, в Российской Федерации», 24,6% детей рождается вне брака; на 1 тыс. браков в среднем приходится 509 разводов. Таким образом, большая часть российских детей растет в неполной семье, либо в семьях с биологически неродным отцом. Комплексный анализ современного состояния российской семьи, представленный в «Концепции государственной семейной политики в России на период до 2025 года» показывает, что сейчас в России каждый 3-й ребенок проживает в неполной семье и 88% из них – это материнские семьи. В этой ситуации очевидна важная роль матери в процессе социализации ребенка. Однако, до настоящего времени особо тщательно разрабатывается лишь проблема влияния матери на психическое развитие ребенка раннего возраста. Анализ литературных источников показывает, что роль матери в возникновении делинквентного поведения подростка изучена недостаточно. Представлены лишь общие подходы к дифференциации родительского влияния на ребенка в

зависимости от пола родителя. Зачастую такое влияние называется «семейным», хотя многочисленные факты, как у нас в стране, так и за рубежом, свидетельствуют о том, что подростки с делинквентным поведением, в большинстве своем, воспитываются одной матерью (Раттер М., 1987; Ермаков В.Д., 1991; Королев В.В., 1992; Шестаков Д.А., 2003; Бартол К., 2004; Волохова М.Б., 2007; Москвичева Н.Л., Реан А.А., 2008; Беличева С.А., 2012; Henggeler S.W. et al., 2009; DeLisi M., Beaver K.M., 2012). В связи с этим, актуальным представляется сравнительное исследование, направленное на изучение индивидуально-психологических особенностей матерей, имеющих детей подросткового возраста с делинквентным и с социально адаптированным поведением.

Целью настоящего исследования было выявление психологических особенностей матерей подростков с делинквентным поведением.

Поставленная цель реализовывалась посредством решения ряда задач, включающих сравнительный анализ психосоциальных и психологических характеристик матерей, имеющих детей подросткового возраста с делинквентным и с социально адаптированным поведением, частоты встречаемости у них различных видов соматической патологии, особенностей стиля материнского воспитания и его взаимосвязь с психологическими особенностями исследованных женщин; выявление особенностей взаимодействия матери и ребенка в процессе выполнения совместной деятельности в сопоставляемых группах; оценку, с помощью методов математической статистики, прогностической информативности отдельных индивидуально-психологических характеристик матерей подростков, совершивших правонарушение, в отношении вероятности их последующей делинквентности; разработку практических рекомендаций по психопрофилактической работе с семьями подростков-правонарушителей.

Для реализации цели и задач исследования использовались клинико-психологический, экспериментально-психологический и математико-статистический методы. Клинико-психологический метод включал изучение медицинской и социально-психологической информации: индивидуальные

беседы с психологами, социальными педагогами, классными руководителями, медицинскими работниками образовательных учреждений и специально разработанное полуструктурированное интервью, что позволило охарактеризовать соматический и социально-психологический статус исследованных женщин и их детей-подростков с делинквентным и нормативным поведением. В сопоставляемых группах были изучены социально-демографические характеристики женщин и подростков, особенности их образа жизни, включая семейные отношения (в т.ч. с прародительской семьей), трудовую (учебную) деятельность, особенности досуга, состояние здоровья, употребление табака, алкоголя и наркотических средств; исследованные характеризовали зоны наибольшей неудовлетворенности собственным психосоциальным статусом. Отдельный блок интервью составили вопросы к матери, касающиеся особенностей раннего развития исследуемого подростка и актуальных взаимоотношений с ним. Также была изучена социально-педагогическая информация: социальные паспорта семей, банк данных детей и подростков, состоящих на учете в группе по делам несовершеннолетних, банк данных семей, находящихся в социально опасном положении.

Экспериментально-психологический метод представлен комплексом психометрических процедур: методика изучения нервно-психической неустойчивости и акцентуаций (НПН-А), «Интегративный тест тревожности» (ИТТ), «Уровень субъективного контроля» (УСК), «Личностный дифференциал» (ЛД), «Подростки о родителях» (ПоР), а также модифицированной автором экспериментальной техникой «Совместное рисование матери и ее ребенка-подростка».

Математико-статистический метод обработки данных осуществлялся с помощью статистического программного пакета SPSS.

Исследование проведено в шести муниципальных образовательных учреждениях г. Норильска Красноярского края. Всего исследовано 304 человека: 152 матери и 152 их ребенка-подростка, из которых 76 подростков посредством экспертной оценки были определены как социально адаптированные и 76 – с

делинквентным поведением, поставленные в период исследования на учет в комиссии по делам несовершеннолетних. Средний возраст матерей подростков с делинквентным поведением – 38,1 лет, матерей подростков с нормативным поведением – 37,9 лет; возраст их детей, соответственно – 15,0 и 15,1 лет. Таким образом, количественный состав и средний возраст участников исследования сопоставимы.

Анализ социально-демографических характеристик показал, что уровень образования матерей делинквентных подростков, по сравнению с группой матерей социально адаптированных подростков, ниже, они заняты менее квалифицированным трудом (18,4% являются на момент исследования безработными) и испытывают большие материальные трудности (39,5% исследованных семей подростков с делинквентным поведением имеют доход ниже прожиточного минимума, т.е. находятся за чертой бедности). Это согласуется с «данными исследований разных времен, которые показывают, что стабильно среди семей подростков-правонарушителей поддерживается соотношение семей с низким прожиточным уровнем, которое составляет около 40%» (Беличева С.А., 2012. С. 168). Однако, среди них встречаются женщины с высоким материальным достатком в отличие от сопоставляемой группы, где данная категория не выявлена. Анализ сферы досуга женщин показал, что 68,4% матерей делинквентных подростков увлечений (хобби) не обнаружили. Если соотнести эти данные с концепцией социального научения А. Bandura (1989), в рамках которой основным механизмом воздействия среды является подражание, то становится понятной аналогичная тенденция к отсутствию социально одобряемых увлечений у их делинквентных детей. При этом, 57,9% исследованных семей, имеющих делинквентных детей-подростков, состоят на учете в комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав как семьи группы социального риска.

Данные клинико-психологического исследования соматического статуса женщин, полученные с помощью интервью, выявили преобладание заболеваний бронхолегочной системы, печени и неврологической патологии, а также большего

количества жалоб на свое здоровье, более частой субъективной оценки его как «плохого» и при этом большую подверженность вредным привычкам (курене табака, употреблене алкоголя) матерей делинквентных подростков по сравнению с контрольной группой. Из чего следует, что матери делинквентных подростков имеют меньше физических ресурсов для преодоления сложных жизненных ситуаций и формируют у своих детей-подростков представления о негативных паттернах поведения, демонстрируя неспособность отказаться от вредных привычек при общепринятом их социальном порицании. Анализ данных исследования соматического статуса подростков с делинквентным поведением, полученных из медицинских карт, также показал наличие в анамнезе более частых, в сравнении с контрольной группой, заболеваний бронхолегочной системы и неврологических патологий. Полученные данные показывают, что матери и их дети-подростки с делинквентным поведением более склонны употреблению табака и алкоголя, чем матери и их дети-подростки с нормативным поведением. Это свидетельствует как о формировании у делинквентных подростков представления о возможности употреблении психоактивных веществ без ущерба для здоровья, так и о наличии ранних проб табака и алкоголя, что негативно влияет на состояние здоровья, и вовлекает подростка в административно наказуемую деятельность. Это соотносится с данными исследований Л.М. Семенюк (1996), Н.Н. Савиной (2006), А.Е. Личко (2013), С.А. Беличевой (2012), R. Agnew, T. Brezina (2011), L. Siegel, B. Welsh (2011), которые отмечают у подростков с противоправным поведением наличие нервно-психических нарушений и ранней алкоголизации.

В результате клинико-психологического исследования психосоциальных характеристик матерей было выявлено, что среди матерей делинквентных подростков больше женщин, не состоящих в браке, по сравнению с матерями социально адаптированных подростков (55,3% и 18,4%, соответственно). Такое семейное положение матерей делинквентных подростков полностью соответствует многочисленным данным, приводимым в отечественной и зарубежной литературе (Бышевский Ю.В., 1978; Ермаков В.Д., 1991; Королев

В.В., 1992; Шестаков Д.А., 2003; Реан А.А., 2003; Волохова М.Б., 2007; Henggeler S.W. et al., 2009; DeLisi M., Beaver K.M., 2012). При этом отношения с мужем как очень хорошие, не смогла охарактеризовать ни одна из исследованных матерей подростков с делинквентным поведением. 44,7% женщин этой группы говорят об отсутствии поддержки со стороны семьи; 59,2% – о неудовлетворенности собственной жизнью в разной степени выраженности.

Изучение взаимоотношений матерей подростков с делинквентным и нормативным поведением и их родительских семей, отражающих условия формирования личности женщин, показывают, что лишь 40,8% матерей делинквентных подростков воспитывались в полных семьях; они ниже оценивают как степень позитивного участия своих родителей в жизни, так и отношения в своей семье, чаще говорят об отсутствии поддержки со стороны семьи, при этом отмечают большее влияние на свою жизнь со стороны матери и меньшее влияние со стороны отца, чем матери подростков с нормативным поведением, которые, в большинстве случаев, оценивают влияние и отца и матери на собственную жизнь как среднее. Анализ предположений об ожиданиях со стороны собственных матерей обнаружил, что 10,5% матерей делинквентных подростков считают, что их мать ничего от них не ждет, и 14,5% не знают (не могут предположить) характер ожиданий своих матерей. Результаты ответа подростков на этот вопрос показали, что в 5,3% случаев делинквентные подростки не имеют представления об ожиданиях матерей в отношении их будущего. Такие ответы могут свидетельствовать о наличии тенденции к психологической дистанции между исследованными и их матерями, отсутствию взаимопонимания и доверительных отношений между ними. Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что матери подростков с делинквентным поведением в меньшей степени, чем матери сопоставляемой группы, удовлетворены актуальными условиями жизни – работой, досугом, взаимоотношениями в семье, что, в свою очередь, лишает (или снижает эффективность) их поддержки данными социальными ресурсами в кризисных ситуациях, которые возникают в жизни.

Для понимания специфики формирования взаимоотношений матери и ее ребенка был проведен анализ раннего развития исследуемых подростков, полученный с помощью интервью матерей, который показал, что матери делинквентных подростков с меньшей уверенностью, чем матери сопоставляемой группы, говорили о том, что их дети были желанными, при этом большая их часть (65,8%) имела искусственное вскармливание. В детском возрасте у них отмечались как нарушения соматического состояния (расстройства питания и сна), так и нарушения эмоционального состояния (наличие детских страхов, повышенная агрессивность). Это согласуется с данными С. Вупау (2004), который выявил у подростков с поведенческими расстройствами в анамнезе нарушения питания, режима сна-бодрствования, эмоционального состояния. Показатели моторного и речевого развития также отклоняются от возрастных нормативов, что может быть связано с отсутствием организованного воспитательно-развивающего взаимодействия матери и ребенка. Помимо этого, у делинквентных подростков значительно чаще обнаруживались проблемы адаптации в школе, что не позволяло в полной мере реализовать ведущий вид деятельности для младшего школьника – учение. К. Уэбстер-Страттон (2010, с. 41) отмечает, что «путь к серьезным расстройствам поведения в подростковом возрасте начинается в дошкольном детстве» и связан с когнитивными и речевыми расстройствами, нарушениями эмоциональной регуляции. Можно предположить, что вербализуемая нежеланность ребенка в сочетании с искусственным способом вскармливания в раннем детском возрасте не способствуют формированию близких, доверительных, интимных отношений между матерью и ребенком и негативно влияет на общее психофизическое развитие ребенка.

При исследовании актуальных взаимоотношений между матерями и их детьми выяснилось, что матери подростков с делинквентным поведением чаще наказывают своих детей (59,2% применяют физические наказания), говорят об отсутствии взаимопонимания и доверия, проводят меньше времени со своими детьми-подростками, мотивируя это тем, что они уже взрослые, и у них свои интересы. По этим данным можно проследить реализацию заложенной в раннем

детском возрасте тенденции к дистанцированию, как эмоциональному, так и физическому, матерей от своих детей в исследуемой группе. Эти особенности неоднократно приводятся в психологической литературе (Варга А.Я., 2001; Эйдемиллер Э.Г., 2006; Змановская Е.В., 2006; Личко А.Е., 2010; Sprenkle D.H., 2002; Black D.W., 2013) как патогенный фактор родительского отношения.

Исследование социально-психологических характеристик подростков показывает, что у делинквентных подростков снижены успеваемость и интерес к учебе, что может, наряду с другими факторами, свидетельствовать о фрустрации потребности в достижении успеха в учебной деятельности последних. Также делинквентные подростки чаще, чем в сопоставляемой группе, сообщают об отсутствии доверия, взаимопонимания, позитивного участия и поддержки со стороны матери, что соответствует данным, приведенным В.Н.Кудрявцевым (2007), который указывает на состояние отчуждения преступников от их матерей, возникающее уже в детском возрасте, а также Д.А.Шестаковым (2003), который пишет об отсутствии хороших отношений с матерью в родительских семьях преступников. Воспитывающиеся в полных семьях делинквентные подростки также чаще, чем социально адаптированные, говорят о негативных взаимоотношениях с отцом. При отсутствии отца, 81,8% мальчиков-подростков с делинквентным поведением, воспитывающихся отчимами, говорят о том, что поддержка со стороны последнего не оказывается. Эти результаты клинико-психологического исследования свидетельствуют о том, что большинство делинквентных подростков лишены поддержки в родительской семье и вынуждены искать ее в других социальных группах.

При сопоставлении индивидуально-психологических характеристик матерей подростков с делинквентным и нормативным поведением выявлены статистически значимые различия уровня выраженности ситуативной и личностной тревожности, причем по обеим шкалам методики ИТТ показатели выше в группе матерей делинквентных подростков. У матерей социально адаптированных подростков преобладает средний уровень обоих видов тревожности, являющийся нормативным, и обеспечивающим адаптивное

поведение, а у матерей делинквентных подростков – высокий уровень как ситуативной, так и личностной тревожности. Это указывает на их эмоциональную нестабильность и может, как отмечал Ф. Б. Березин (1988), лежать в основе недифференцированного реагирования, описываемого, в частности, как раздражительность. Такая раздражительность матери значительно снижает ее эмоциональную доступность для ребенка. Анализ структурных компонентов показывает, что у матерей подростков с делинквентным поведением «астенический компонент» по шкале личностной тревожности является максимальным, что свидетельствует о преобладании в структуре тревожности усталости, вялости, пассивности, быстрой утомляемости. Показатель «социальная защита» является высоким по шкале личностной тревожности, что может быть связано с восприятием социальной среды как основного источника тревожных напряжений и неуверенности в себе.

Исследование нервно-психической неустойчивости и акцентуаций личности матерей подростков с делинквентным поведением показало высоко значимые статистические различия по всем сопоставляемым шкалам методики НПН-А, по сравнению с показателями женщин контрольной группы, что может интерпретироваться как их предрасположенность к нервно-психическим срывам в условиях психического или физического напряжения вследствие слабости адаптационно-компенсаторных механизмов.

В связи с отсутствием стандартизированных нормативных показателей для женщин 30-40 лет по методике НПН-А, была сделана попытка выделить, посредством множественного регрессионного анализа, отдельные психологические характеристики матерей делинквентных подростков, обладающие наибольшей диагностической значимостью. Исследование определило, что ключевую роль играют показатели «Нервно-психическая неустойчивость» и «Импульсивность». Наличие у матерей делинквентных подростков «нервно-психической неустойчивости» может говорить о снижении у них поведенческой регуляции, нарушении межличностных отношений, недостаточной социальной зрелости, нарушениях в сфере профессиональной

деятельности и моральных норм поведения, отсутствии адекватной самооценки и реального восприятия действительности, низких адаптационных возможностях. Показатель «импульсивность» может свидетельствовать о выраженности у матерей подростков с делинквентным поведением таких личностных особенностей как: повышенная возбудимость, агрессивность, эксплозивность, упрямство, низкий уровень самоконтроля, непредсказуемость эмоций и поступков. Такое сочетание особенностей личности матери патологизирует ее стиль воспитания ребенка, формирует деструктивную эмоциональную обстановку в семье. Если соотнести эти данные с результатами исследования Е.Г. Дозорцевой (2000), которая при исследовании особенностей личностного развития делинквентных девочек выявила, что среди личностных нарушений клинического регистра в структуре патохарактерологического развития наибольшее криминогенное значение имеют истероидный и возбудимый личностный радикалы, то можно предположить наличие генетического механизма формирования выше обозначенных личностных особенностей в семьях делинквентных подростков.

Исследование уровня субъективного контроля личности матерей подростков с адаптивным и делинквентным поведением определило, что все показатели уровня субъективного контроля матерей делинквентных подростков ниже, чем у матерей социально адаптированных подростков. Это значит, что в момент исследования степень их независимости, самостоятельности и активности в достижении своих целей была снижена, а также, что чувство личной ответственности за происходящие с ними события у матерей делинквентных подростков развито слабо, и они склонны делегировать эту ответственность другим. Анализ структуры интернальности матерей делинквентных подростков показал снижение уровня ответственности за неудачи, производственные отношения и события семейной жизни, что свидетельствует о субъективной неспособности влиять на конкретные события их трудовой и семейной жизни, принимать на себя ответственность за неудачи.

Изучение особенностей восприятия собственной личности обнаружило, что показатели Я-реальное ниже в группе матерей делинквентных подростков, что свидетельствует о восприятии ими себя как менее положительной, слабой и пассивной личности, по сравнению с матерями сопоставляемой группы. Причем различия в показателях Я - реального и Я - идеального у них больше, чем в группе матерей социально адаптированных подростков, что говорит о сниженном уровне самопринятия и самоуважения. Можно предположить, что восприятие идеального образа себя как далекого недостижимого позволяет матерям подростков с делинквентным поведением не предпринимать никаких усилий, направленных на саморазвитие и самосовершенствование.

Результаты исследования особенностей восприятия личности ребенка женщинами сопоставляемых групп выявили, что матери делинквентных подростков воспринимают их личность как менее положительную и сильную, но более активную, чем матери подростков с нормативным поведением воспринимают личность своих детей. При этом, матери делинквентных подростков в идеале хотели бы видеть своего ребенка более положительным, сильным, но менее активным. Это может говорить о том, что матери подростков с делинквентным поведением более критичны в восприятии своих детей, желают значительных изменений в их личности, что, возможно, ведет к предъявлению завышенных требований и усугубляет конфликтную ситуацию в семье. Полученные данные согласуются с результатами исследований S. Coopersmith и S.Hales (по Хьелл Л., Зиглер Д., 2006) которые показывают, что матери, которые принимают себя, с гораздо большей вероятностью принимают своих детей такими, какие они есть (что является детерминантой безусловной любви), чем матери, не принимающие себя.

Проведенный сравнительный анализ особенностей восприятия личности собственной матери исследованными женщинами и их детьми, показал, что матери подростков с делинквентным поведением воспринимают свою мать как менее положительную, менее сильную и менее активную личность, чем матери подростков с нормативным поведением. В сопоставляемых группах подростков

при изучении восприятия ими их матерей статистические различия обнаружены по факторам Оценка и Активность: и мальчики, и девочки-подростки с делинквентным поведением воспринимают собственную мать как менее положительную и менее активную личность, чем подростки с нормативным поведением. Из этого можно сделать вывод о формировании межпоколенной тенденции к негативному восприятию матерей в семьях с делинквентными подростками.

Таким образом, в настоящем исследовании получено подтверждение гипотезы о том, что существуют статистически значимые различия между матерями делинквентных и социально адаптированных подростков в соматическом статусе, социально-психологических и эмоционально-личностных характеристиках.

Исследование особенностей восприятия стиля воспитания матерей социально адаптированными и делинквентными подростками показало, что у делинквентных подростков наблюдается снижение по таким шкалам методики ПоР, характеризующим стиль воспитания их матерей, как «Позитивный интерес» и «Фактор близости», и повышение по шкалам «Враждебность» и «Непоследовательность». Причем, показатели методики у делинквентных девочек более контрастны, чем у мальчиков их группы, что свидетельствует о большей выраженности их критичности и конфликтности по отношению к матерям. Мальчики обеих групп относятся к воспитательной практике матерей нейтральнее, чем девочки. Это соответствует данным, полученным Л.И. Вассерманом с соавторами (2004), о том, что делинквентные и социально адаптированные мальчики и девочки по-разному воспринимают воспитательную практику родителей.

При исследовании взаимосвязи психологических особенностей матерей с восприятием их стиля воспитания подростками, обнаружено, что данные показатели более насыщены корреляционными связями в группах мальчиков, чем девочек. Делинквентные мальчики-подростки как эмоционально более близкую и принимающую воспринимают ответственную, но слабую, не способную на

санкции мать, с которой бы они могли безнаказанно совершать проступки. При этом ответственная (с высокой интернальностью), сильная, активная и ригидная мать воспринимается делинквентными сыновьями как враждебная, критичная, склонная к тотальному контролю. Это может объяснить феномен дискомфорта состояний делинквентных подростков, помещенных в семьи с благополучным психосоциальным статусом (Coun D., 2010). Социально адаптированные мальчики как директивную, враждебную, непоследовательную воспринимают мать, если в структуре ее личности, напротив, присутствуют низкая интернальность и, также как у делинквентных мальчиков, ригидность. В группах девочек обнаружены единичные взаимосвязи, которые не позволяют сделать обобщенные выводы.

В связи с вышеизложенным, можно сделать вывод о том, что более выражена взаимосвязь между психологическими особенностями матерей и восприятием стиля их воспитания – в группах сыновей. Следовательно, для мальчиков воспринимаемый ими стиль воспитания матери более обусловлен ее личностными особенностями, чем для девочек. Кроме того, существуют различия в восприятии личностных особенностей матерей в группах мальчиков-подростков с делинквентным и нормативным поведением. Таким образом, результаты показывают, что вторая гипотеза данного исследования подтвердилась частично: взаимосвязь изученных психологических особенностей матерей с восприятием их стиля воспитания подростками выявлена между большинством изученных показателей у мальчиков в обеих сопоставляемых группах, и имеет незначительное количество корреляционных связей у девочек.

Анализ результатов эксперимента по совместному рисованию матерей и их детей-подростков показал, что детско-родительские отношения в диадах «мать - делинквентный подросток» нарушены на когнитивном (спорят о последовательности работы, выполняют изолированные рисунки, не объединенные общей тематикой, не могут рассказать о рисунке), эмоциональном (редко поддерживают контакт глаз и менее удовлетворены результатами) и поведенческом (нарушают правила, мать исправляет рисунок подростка,

подросток меняет тему рисунка) уровнях. Подростки с нормативным поведением и их матери чаще договариваются о последовательности работы, следуют инструкции, устанавливают зрительный контакт, дополняют изображения друг друга, следуя общей тематике, и удовлетворены результатом рисования. Следовательно, в данном исследовании подтвердилась третья гипотеза о существовании различий взаимодействия матерей и их детей-подростков с делинквентным и нормативным поведением в процессе выполнения совместной деятельности. Выявлено, что взаимодействие между матерями и делинквентными девочками носит более конфликтный характер, чем между ними и делинквентными мальчиками. Как дочери, так и матери при взаимодействии чаще склонны вступать в открытую конфронтацию, занимать более критичную и непримиримую позицию, чем при взаимодействии в диадах мать-сын.

Результаты проведенного исследования позволили определить прогностическую значимость отдельных психодиагностических показателей, определяющих личностные характеристики матерей делинквентных подростков, впервые совершивших правонарушение, в отношении их делинквентности впоследствии. Для этого была использована процедура дискриминантного анализа, результаты которого показали, что в прогнозе делинквентности подростков, самыми весомыми личностными характеристиками матерей делинквентных подростков являются характеристики, измеряемые шкалами «Нервно-психическая неустойчивость» и «Импульсивность».

На основании результатов проведенного исследования, можно сформулировать ряд практических рекомендаций по психопрофилактической работе с семьями подростков, совершивших правонарушения и состоящих на учете в комиссиях по делам несовершеннолетних.

Практические рекомендации

Анализ выявленных в настоящем исследовании психологических характеристик матерей делинквентных подростков, особенностей восприятия их

стиля воспитания сыновьями и дочерьми, специфики детско-родительского взаимодействия позволяет, в соответствии с классификацией ВОЗ (Первичная профилактика..., 2002), сформулировать рекомендации по первичной, вторичной и третичной психопрофилактической работе с семьями подростков-правонарушителей.

Первичная психопрофилактика заключается в психологическом консультировании родителей, направленном на поддержание позитивной оценки себя как личности, уверенности в собственных силах и возможностях, обучении приемам сохранения ресурсного психоэмоционального состояния, позитивного мышления. Также сюда относится психологическое просвещение старших членов семьи несовершеннолетних правонарушителей относительно общих половозрастных психологических особенностей их ребенка-подростка, особенностей взаимодействия с ним. Данное направление может осуществляться в форме тематических психологических просветительских бесед.

Вторичная психопрофилактика включает в себя своевременное выявление посредством психологической диагностики деструктивных воспитательных воздействий в семье подростка с противоправным поведением, а также индивидуальную и семейную психотерапию матерей делинквентных подростков.

Психологическая диагностика психосоциальных, индивидуально-личностных особенностей матери и особенностей ее взаимодействия с ребенком с помощью комплекса методик, сформированного в ходе диссертационного исследования, позволяет: 1) осуществить ориентировку в эмоциональном состоянии, индивидуально-личностных особенностях и психосоциальных характеристиках, представляющих факторы риска психической дезадаптации (развития невротических, психосоматических, поведенческих расстройств) у матери; 2) определить характер воспитательных проблем, связанных с личностью матери, специфику нарушений детско-родительских отношений; 3) спрогнозировать трудности при консультировании; 4) спланировать адекватный комплекс психотерапевтических мероприятий. Результаты данной

психодиагностики позволят также внести вклад в разработку плана мероприятий психолого-медико-социального сопровождения семьи несовершеннолетнего правонарушителя. Среди характеристик личности матерей подростков, впервые совершивших правонарушение, наибольшей информативностью в отношении их дальнейшей делинквентности обладают показатели методики «НПН-А»: «Нервно-психическая неустойчивость» и «Импульсивность». Исследование этих показателей целесообразно включать в комплекс психодиагностики матерей делинквентных подростков как маркер ее психической дезадаптации, способствующей возникновению и закреплению деструктивных форм взаимодействия с ребенком. Объективную информацию о специфике взаимодействия между матерями и делинквентными подростками дает регистрация показателей реакций исследуемых во время совместного рисования по разработанной экспериментальной схеме.

Результаты диссертационного исследования позволили определить мишени психотерапии при работе с матерью делинквентного подростка, которые можно разделить на два блока.

1. Индивидуальная поддерживающая психотерапия.

1.1. Установление и развитие психологического контакта с матерью делинквентного подростка путем снижения эмоционального напряжения (признание права родителя на ошибку, на негативные чувства; уважение к взглядам родителя; не осуждающие вопросы), которое является источником сопротивления психологической работе.

1.2. Формирование умения распознавать возникновение и усиление нервно-психического напряжения, предупреждать эксплозивные реакции. Обучение адекватным способам эмоциональной разрядки для гармонизации внутреннего состояния.

1.3. Стимулирование позитивного самовосприятия и позитивной самооценки, самопринятия. Формирование адекватного (достижимого) образа Я-идеального путем постановки реалистичных целей саморазвития и самосовершенствования.

1.4. Формирование способности управлять ситуацией (обдумывать решения, планировать время, контролировать реализацию плана, вносить коррективы) и принимать ответственность – прогнозировать результаты своих действий – за события семейной жизни, трудовой деятельности и возможные неудачи.

Вместе с этим, по мере необходимости, следует оказать медицинскую помощь для лечения имеющихся соматических и нервно-психических расстройств, а также социальную поддержку для обеспечения удовлетворительной трудовой занятости, возможно, с привлечением профориентации и дополнительной профессиональной подготовки. Это позволит улучшить не только общее психофизическое состояние женщины, но и повысить качество жизни семьи в целом.

2. Семейная психотерапия.

2.1. Системный анализ диадических подсистем привязанности в родительно-прародительских отношениях с соотнесением их с актуальными детско-родительскими отношениями в особенностях общения, правил и границ дозволенного, степени доверия, способов поощрений, поддержки и наказаний, взаимопонимания ожиданий. Построение системы семейной поддержки матери.

2.2. Коррекция детско-родительских отношений матери и делинквентного подростка на когнитивном, эмоциональном и поведенческом уровнях. На когнитивном уровне – осознание матерью связей между собственной личностью и личностью ребенка, а также между собственными действиями и поведением ребенка; прояснение ожиданий матери и подростка о поведении и действиях друг друга. На эмоциональном уровне – формирование умения оказывать поддержку подростку (через развитие эмпатии, чуткости, внимательности к ребенку, тактичности и прогностичности в общении с ним), позитивного участия и интереса к тому, чем занимается ребенок, каковы его планы. На поведенческом уровне – формирование новых конструктивных форм социально-ролевого родительского поведения и реагирования в т. ч. в конфликтных ситуациях (родительский тренинг), умения удерживать последовательную воспитательную

позицию в вопросах требований и контроля, находить совместные занятия с подростком, удовлетворяющие общим интересам.

Третичная психопрофилактика заключается в предупреждении психической дезадаптации матери, а также социальных последствий делинквентного поведения подростка – предотвращении возможной стигматизации подростка и его семьи в микросоциуме.

Роль психолога заключается в оказании содействия подготовке и реализации программы психолого-медико-социального сопровождения семьи подростка-правонарушителя, направленной на включение подростка и его семьи в социально одобряемую деятельность на основе их способностей и возможностей.

Помимо выше обозначенного, результаты настоящего диссертационного исследования можно использовать при работе с женщинами-кандидатами в усыновители или опекуны (попечители) ребенка. Исследователи психологии замещающей семьи (Ослон В.Н., 2006; Прихожан А.М., Толстых Н.Е., 2007) указывают на трудности, возникающие у приемных родителей при воспитании детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. К ним относятся недостаточная мотивационная и психолого-педагогическая подготовленность граждан к роли замещающих родителей. Сформированный в ходе данного диссертационного исследования диагностический комплекс может применяться для психологической оценки личности женщины-кандидата в усыновители или опекуны (попечители) ребенка, что позволит прогнозировать специфику родительского отношения к приемному ребенку и предупредить возможность отказа от него в дальнейшем. Кроме того, планомерное и комплексное использование сформулированных выше методов психопрофилактики обеспечит необходимую психологическую поддержку приемной семье в период адаптации в ней ребенка.

ВЫВОДЫ

1. Психосоциальные характеристики – образовательный, трудовой и материально-экономический статус, а также удовлетворенность актуальными условиями жизни – работой, проведением досуга, взаимоотношениями в родительской и собственной семье, в том числе, взаимоотношениями со своими детьми-подростками, в группе матерей делинквентных подростков чаще существенно ниже, чем в группе матерей подростков с нормативным поведением.

2. Частота встречаемости хронических заболеваний бронхолегочной системы, печени и желчевыводящих путей, а также неврологическая патология у матерей делинквентных подростков, по сравнению с матерями социально адаптированных подростков, значительно выше. Заболевания бронхолегочной системы и неврологическая патология, а также нарушения питания и сна, эмоционального состояния и нарушения школьной адаптации чаще выявляются в анамнезе подростков с делинквентным поведением, чем социально адаптированных подростков. Матери и их дети-подростки с делинквентным поведением чаще употребляют табак и алкоголь, чем матери и их дети-подростки с нормативным поведением.

3. В эмоциональном статусе матерей делинквентных подростков, в сравнении с матерями социально адаптированных подростков, чаще преобладает высокий уровень как ситуативной, так и личностной тревожности. Показатель «астенический компонент тревожности» в структуре личностной тревожности у матерей делинквентных подростков является максимальным и отражает выраженные признаки хронической усталости и «раздражительной слабости».

4. В структуре личности матерей подростков, совершивших правонарушение, выражены акцентуированные черты, обуславливающие риск психической дезадаптации, среди которых, по результатам регрессионного анализа, наибольшей диагностической значимостью обладают личностные черты

матери, измеряемые показателями «Нервно-психическая неустойчивость» и «Импульсивность».

5. Все показатели субъективного контроля личности матерей делинквентных подростков снижены по сравнению с нормативными данными и ниже, чем в группе матерей социально адаптированных подростков, что отражает их субъективную неспособность проявлять ответственность в широком круге жизненных ситуаций, влиять на конкретные события собственной жизни и на то, как складывается их жизнь в целом. Особо низкие значения имеют показатели интернальности в области неудач (негативных событий жизни) и в области производственных отношений.

6. В группе матерей подростков с делинквентным поведением выявлена неудовлетворенность различными аспектами своей личности и поведения: показатели актуального самовосприятия («Я-реальное») ниже, а различия в показателях «Я-реального» и «Я-идеального» больше, чем в группе матерей социально адаптированных подростков. И матери, и их делинквентные дети-подростки воспринимают личность собственной матери как менее положительную и менее активную, чем матери и их социально адаптированные дети-подростки.

7. В восприятии стиля воспитания матерей делинквентными подростками преобладают характеристики отвергающего и непоследовательного (противоречивого) стилей воспитания, в то время как эмоциональное принятие и теплота в воспитательной практике их матерей встречаются существенно реже. Эти тенденции более выражены в группе делинквентных девочек по сравнению с делинквентными мальчиками.

8. Нарушения детско-родительских отношений в системе «мать-делинквентный подросток», при взаимодействии в процессе совместного рисования, проявляются в неумении и (или) нежелании договариваться, понимать и учитывать интересы друг друга (когнитивный уровень), соблюдать правила (поведенческий уровень), поддерживать эмоциональный контакт, получать удовлетворение от совместной деятельности (эмоциональный уровень).

9. По результатам дискриминантного анализа, среди характеристик личности матерей подростков, впервые совершивших правонарушение, наибольшей информативностью в отношении их дальнейшей делинквентности обладают показатели «Нервно-психическая неустойчивость» и «Импульсивность» (методика «НПН-А»): чем выше показатели в структуре личности матери, тем более вероятно, что подросток повторит правонарушение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абульханова К. А. Психология и сознание личности (Проблемы методологии, теории и исследования реальной личности): Избранные психологические труды / К. А. Абульханова. – М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 1999. – 224 с.
2. Аванесов Г. А. Социальные образования и преступность: криминологические рассуждения и заметки: монография / Г. А. Аванесов. – М.: Закон и право ЮНИТИ-ДАНА, 2011. – 239 с.
3. Александровский Ю. А. Состояния психической дезадаптации и их компенсация / Ю. А. Александровский. – М.: Медицина, 1976. – 272 с.
4. Алексеева А. И. Жестокое обращение с ребенком. Причины. Последствия. Помощь / А. И. Алексеева, И. Г. Новосельский. – М.: Генезис, 2006. – 256 с.
5. Ананьев Б. Г. О человеке как объекте и субъекте воспитания // Избранные психологические труды: В 2 тт. / Б. Г. Ананьев. – М.: Педагогика, 1980. – Т. 2. – С. 10–127.
6. Ананьев Б. Г. Психология и проблемы человекознания: избранные психологические труды / Б. Г. Ананьев. – Воронеж: МОДЭК; М.: Московский психолого-социальный институт, 2005. – 432 с.
7. Анастаси А. Психологическое тестирование. – 7-е изд. : пер. с англ. / А. Анастаси, С. Урбина. – СПб.: Питер, 2005. – 471 с.
8. Андреева Г. М. Социальная психология. – 5-е изд. / Г. М. Андреева. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 375 с.
9. Андреева Т. В. Психология современной семьи. Монография / Т. В. Андреева. – СПб.: Речь, 2005. – 436 с.

10. Антонян Ю. М. Несовершеннолетние преступники с акцентуациями характера. Учебное пособие / Ю. М. Антонян, В. В. Юстицкий. – М.: Изд-во ВНИИ МВД РФ, 1993. – 113 с.
11. Антонян Ю. М. Личность преступника: криминолого-психологическое исследование / Ю. М. Антонян. – М.: Норма ИНФРА-М, 2010. – 366 с.
12. Асмолов А. Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. – 3-е изд., испр. и доп. / А. Г. Асмолов. – М.: Смысл; Изд. центр «Академия», 2007. – 528 с.
13. Астапов В. М. Тревожные расстройства в детском и подростковом возрасте. Теория и практика: монография / В. М. Астапов, Е. Е. Малкова. – М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2011. – 386 с.
14. Ахматов А. А. Внутрисемейное преступное поведение и противодействие ему в Республике Мордовия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ахматов Александр Александрович; С.-Петербург. ун-т МВД России – СПб., 2008. – 26 с.
15. Бажин Е. Ф. Опросник уровня субъективного контроля личности (УСК) / Е. Ф. Бажин, Е. А. Голынкина, А. М. Эткинд. – М.: Смысл, 1993. – 16 с. – (Психодиагностическая серия. Вып. 6).
16. Бартол К. Психология криминального поведения. – 7-е междунар. изд.: пер. с англ. / К. Бартол. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2004. – 352 с.
17. Беличева С. А. Глобализм и психосоциальная работа с семьей // Рождественские чтения «Семья в век глобализации» 30 января 2008 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL:<http://sbelicheva.narod.ru/globalism.htm/> (дата обращения: 16.08.2014).
18. Беличева С. А. Основы превентивной психологии / С. А. Беличева. – М.: Изд. центр Консорциума «Социальное здоровье России», 1993. – 199 с.
19. Беличева С. А. Превентивная психология в подготовке социальных педагогов и психосоциальных работников: Учебное пособие / С. А. Беличева. – СПб.: Питер, 2012. – 336 с.

20. Беляева С. И. Особенности взаимодействия подростков с делинквентным поведением и их матерей в процессе совместного рисования / С. А. Беличева // Наука и образования как ресурс развития территории: материалы региональной научно-практической конференции (3 апреля 2010 г.) – Красноярск, 2010. – С. 58–64.
21. Берг Т. Н. Нервно-психическая неустойчивость и способы ее выявления / Т. Н. Берг. – Владивосток: Мор. гос. ун-т, 2005. – 63 с.
22. Беребин М. А. Системный подход и теория функциональных систем в изучении психической адаптации как медико-психологической проблемы / М. А. Беребин, Л.И. Вассерман // Медицинская психология в практическом здравоохранении. – СПб.: Изд. дом СПбМАПО, 2003. – С. 29–34.
23. Березин Ф. Б. Психическая и психофизиологическая адаптация человека / Ф. Б. Березин. – Л.: Наука, 1988. – 267 с.
24. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание / Р. Бернс: пер с англ. - М.: Прогресс, 1986. – 422 с.
25. Бизюк А. П. Применение интегративного теста тревожности (ИТТ): методические рекомендации / А. П. Бизюк, Л. И. Вассерман, Б. В. Иовлев. – СПб.: НИПНИ им. В. М. Бехтерева, 2004. – 16 с.
26. Бизюк А. П. Психологическая диагностика тревоги и тревожности у взрослых / А. П. Бизюк, Л. И. Вассерман, Б. В. Иовлев // Психологическая диагностика расстройств эмоциональной сферы и личности / науч. ред. Л. И. Вассерман, О. Ю. Щелкова. – СПб.: Скифия-Принт, 2014. – С. 96–114.
27. Божович Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте / Л. И. Божович. – СПб.: Питер, 2009. – 400 с.
28. Борзых В. В. Моральная регуляция: специфика, границы, возможности / В. В. Борзых // Вопросы философии. – 1987. – № 9. – С. 113–121.
29. Борисов А. А. Неблагополучные семьи и преступность несовершеннолетних / А. А. Борисов // Семейная криминология: новые

- исследования, совершенствование законодательства: сборник научных статей и материалов международной конференции, Псков, 16-19 июня 2007 г. – Псков: Изд-во ООО «Гименей», 2007. – С. 130–132.
30. Боулби Д. Привязанность: пер. с англ. / Дж. Боулби. – М.: Гардарики, 2003. – 447 с.
31. Боулби Дж. Создание и разрушение эмоциональных связей: пер. с англ. / Дж. Боулби. – М.: Академический проект, 2006. – 232 с.
32. Братусь Б. С. Психология, клиника и профилактика раннего алкоголизма / Б. С. Братусь, П. И. Сидоров. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – 144 с.
33. Буторина Т. С. Идеи воспитания трудных детей в педагогическом наследии В. М. Бехтерева, П. П. Блонского, Л. С. Выготского (1917–1936 гг.) / Т. С. Буторина, А. С. Михашина. – Архангельск: Изд-во АГТУ, 2007. – 213 с.
34. Бышевский Ю. В. Криминологическая характеристика лиц, неоднократно совершающих кражи, и уголовно-правовые меры предупреждения рецидива / Ю. В. Бышевский. – Омск: Омск. высш. школа милиции, 1978. – 90 с.
35. Варга А. Я. Системная семейная психотерапия: Краткий лекционный курс / А. Я. Варга. – СПб.: Речь, 2001. – 142 с.
36. Варга А. Я. Структура и типы родительского отношения: дис. ... канд. психол. наук / Варга Анна Яковлевна; МГУ им. М. В. Ломоносова. – М., 1986. – 206 с.
37. Васильев В. Л. Юридическая психология: учебник для студентов высших учебных заведений. – 6-е изд., перераб. и доп. / В. Л. Васильев. – СПб: Питер, 2009. – 604 с.
38. Васильева Ю. А. Особенности смысловой сферы личности при нарушении социальной регуляции поведения / Ю. А. Васильева // Психологический журнал. – 1997. – № 2. – С. 58–78.
39. Вассерман Л. И. Компьютерная психодиагностика: назад к клинико-психологическому методу / Л. И. Вассерман, А. Я. Вукс, Б. В. Иовлев и

- др. // Теория и практика медицинской психологии и психотерапии: сборник научных трудов НИПНИ им. В. М. Бехтерева. – СПб., 1994. – Т. 133. – С. 62–70.
40. Вассерман Л. И. Родители глазами подростков: психологическая диагностика в медико-педагогической практике / Л. И. Вассерман, И. А. Горьковская, Е. Е. Ромицына. – СПб.: Речь, 2004. – 256 с.
41. Вассерман Л. И. Медицинская психодиагностика: Теория, практика и обучение / Л. И. Вассерман, О. Ю. Щелкова. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Изд. центр «Академия», 2004. – 736 с.
42. Вахид М. С. Связь между школьной успеваемостью детей и педагогическими установками родителей / М. С. Вахид // Теоретические и прикладные вопросы психологии (параметры личности). – Вып.2; ч. 2. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. – 159 с.
43. Велицкас Г. К. Самооценка у несовершеннолетних правонарушителей / Г. К. Велицкас, Ю. Б. Гиппенрейтер // Вопросы психологии. – 1989. – № 1. – С. 45–54.
44. Волохова М. Б. Роль семейных взаимоотношений в преступном поведении несовершеннолетних / М. Б. Волохова // Семейная криминология: новые исследования, совершенствование законодательства: сборник научных статей и материалов международной конференции, Псков, 16-19 июня 2007 г. – Псков: Изд-во ООО «Гименей», 2007. – С. 122–125.
45. Вострокнутов Н. В. Патологические формы делинквентного поведения детей и подростков (комплексная оценка, диагностика и принципы организации социально-медицинской реабилитационной помощи): автореф. дис. ...д-ра мед. наук / Вострокнутов Николай Васильевич; ВНИИ общ. и суд. психиатрии им. В. П. Сербского. – М., 1998. – 40 с.
46. Всемирная организация здравоохранения. Как ВОЗ определяет здоровье. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL:<http://www.who.int/suggestions/faq/ru/> (дата обращения: 10.11.2014).

47. Выготский Л. С. Динамика и структура личности подростка / Л. С. Выготский // Собрание сочинений. – М.: Педагогика, 1984. – Т. 4. – С. 220–242.
48. Выготский Л. С. Психология / Л. С. Выготский. – М.: Эксмо-пресс, 2000. – 1008 с.
49. Гарбузов В. И. Неврозы у детей и их лечение / В. И. Гарбузов, А. И. Захаров, Д. Н. Исаев. – Л.: Медицина, 1977. – 272 с.
50. Гишинский Я. И. Девиантность, преступность, социальный контроль = Deviancy, criminality, social control: избранные статьи / Я. И. Гишинский. – СПб: Юридинеский центр Пресс, 2004. – 320 с.
51. Гиль С. С. Педагогическая профилактика ПАВ-зависимости: технологии содействия самореализации подростков / С. С. Гиль. – М.: РИТМ, 2004. – 207 с.
52. Голубев В. П. Рабочая книга пенициарного психолога / В. П. Голубев. – М.: ВНИИ МВД России, ГУИН МВД России, 1997. – 273 с.
53. Горьковая И. А. Медико- и социально-психологические корреляты устойчивого противоправного поведения подростков: дис. ... д-ра. психол. наук / Горьковая Ирина Алексеевна; НИПНИ им. В.М. Бехтерева. – СПб., 1998. – 391 с.
54. Горьковая И. А. Личность подростка-правонарушителя / И. А. Горьковая. – СПб: Изд-во СПбГУ, 2005. – 233 с.
55. Государственный доклад о положении детей и семей, имеющих детей в Российской Федерации. – М., Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации, 2012. – 273 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL:<http://www.twirpx.com/file/1070949/> (дата обращения: 10.10.2014).
56. Грюнвальд Б. Б. Консультирование семьи. – 2-е изд.: пер. с англ. / Б. Б. Грюнвальд, Г. В. Макаби. – М.: Когито-Центр, 2008. – 415 с.

57. Гульдман В. В. Мотивация противоправных действий у психопатических личностей: автореф. дис. ... д-ра психол. наук / Гульдман Виктор Викторович; МГУ им. М. В. Ломоносова. – М., 1985 – 48 с.
58. Гурьева В. А. Психопатология подросткового возраста / В. А. Гурьева, В. Я. Семке, В. Я. Гиндикин. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1994. – 308 с.
59. Гурьева В. А. Клиническая и судебная подростковая психиатрия / В. А. Гурьева, Т. Б. Дмитриева, Е. В. Макушкин и др. / под ред. В. А. Гурьевой. – М.: ООО «Медицинское информ. агентство», 2007. – 488 с.
60. Даниленко О. В. Некоторые аспекты социально-психологической поддержки детей из неполных семей / О. В. Даниленко // Социальная работа с детьми и подростками группы риска / под. ред. А.А. Реана. – СПб.: Благотворительный некоммерческий фонд «Здоровое будущее», 2000. – С. 71.
61. Дозорцева Е. Г. Аномальное развитие личности у подростков и юношей с делинквентным поведением: дис. ... д-ра психол. наук / Дозорцева Елена Георгиевна; ГНЦ ССП им. В. П. Сербского. – М., 2000. – 457 с.
62. Ермаков В. Д. Все начинается с родительской семьи, ее проблем и болезней / В. Д. Ермаков. – М.: Юридическая литература, 1991. – 216 с.
63. Животовская О. В. Социальная защита молодежи: Компаративный анализ на примере России и Германии: автореф. дис. ... канд. социол. наук / Животовская Ольга Владимировна; Соц.-технол. ин-т; Моск. гос. ун-т сервиса. – М., 2000. – 23 с.
64. Захаров А. И. Предупреждение отклонений в поведении ребенка. – 3-е изд., испр. / А. И. Захаров. – СПб.: Союз: Лениздат, 2000. – 222 с.
65. Зелинский А. Ф. Криминологические и уголовно-правовые аспекты неосознаваемой психической деятельности / А. Ф. Зелинский // М.: Советское государство и право. – 1984. – № 9. – С. 52–58.
66. Змановская Е. В. Девиантология: психология отклоняющегося поведения (учебное пособие для студентов). – 3-е изд. / Е. В. Змановская. – М.: Изд. центр «Академия», 2006. – 287 с.

67. Змановская Е. В. Девиантное поведение личности и группы / Е. В. Змановская, В. Ю. Рыбников. – СПб.: Питер, 2011. – 352 с.
68. Знаков В. В. Понимание асоциальными подростками ситуаций насилия и унижения человеческого достоинства / В. В. Знаков // Вопросы психологии. – 1990. – № 1. – С. 20–27.
69. Зыкина Е. В. Особенности системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в Российской Федерации / Е. В. Зыкина // Семейная криминология: новые исследования, совершенствование законодательства: сборник научных статей и материалов международной конференции, Псков, 16-19 июня 2007 г. – Псков: Изд-во ООО «Гименей», 2007. – С. 157–166.
70. Иванова Л. Н. Диагностика и коррекция поведения трудных подростков / Л. Н. Иванова // Социальное и душевное здоровье ребенка и семьи: защита, помощь, возвращение в жизнь: материалы Всероссийской науч.-практ. конф., Москва, 22-25 сентября 1998 г. – М., 1998. – С. 121–122.
71. Изард К. Психология эмоций: пер. с англ. / К. Изард. – СПб.: Питер, 2012. – 464 с.
72. Исурина Г. Л. Развитие патогенетической концепции неврозов и психотерапии В.Н. Мясищева на современном этапе / Г. Л. Исурина, Б. Д. Карвасарский, В. А. Ташлыков, Ю. Я. Тупицын // Теория и практика медицинской психологии и психотерапии: сборник научных трудов НИПНИ им. В. М. Бехтерева. – СПб., 1994. – Т. 133. – С. 100–109.
73. Кле М. Психология подростка: психосексуальное развитие: пер. с франц. / М. Кле. – М.: Педагогика, 1991. – 171 с.
74. Климантова Г. И. Семья в процессе социальной модернизации России / Г. И. Климантова. – М.: Дашков и К°, 2014. – 151 с.
75. Клиническая психология: Учебник для вузов. – 4-е изд. / под ред. Б. Д. Карвасарского. – СПб.: Питер, 2013. – 864 с.
76. Ковалев В. В. Психиатрия детского возраста: Руководство для врачей. – 2-е изд., перераб. и доп. / В. В. Ковалев. – М.: Медицина, 1995. – 558 с.

77. Кон И. С. Психология ранней юности: книга для учителя / И. С. Кон. – М.: Просвещение, 1989. – 254 с.
78. Кондратьев М. Ю. Психология отношений межличностной значимости / М. Ю. Кондратьев. – М.: Per Se, 2006. – 271 с.
79. Кондрашенко В. Т. Девиантное поведение у подростков: социально-психологические и психиатрические аспекты / В. Т. Кондрашенко. – Минск: Беларусь, 1988. – 207 с.
80. Концепция государственной семейной политики в России на период до 2025 года. Распоряжение от 25 августа 2014 года №1618-р. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://government.ru/dep_news/14584/ (дата обращения: 30.08.2014).
81. Корнева А. А. Взаимосвязь семейного воспитания и агрессивности в подростковом возрасте: автореф. дис. ... канд. психол. наук / Корнева Александра Анатольевна; Моск. пед. гос. ун-т. – М., 2004. – 16 с.
82. Королев В. В. Психические отклонения у подростков-правонарушителей / В. В. Королев. – М.: Медицина, 1992. – 206 с.
83. Кошелева А. Д. Взаимодействие «взрослый-ребенок» и функциональная роль эмоциональных процессов в онтогенезе / А. Д. Кошелева // Хрестоматия по детской психологии: от младенца до подростка / под ред. Г. Н. Бурменской. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2005. – С. 546–556.
84. Криминология: Учебник. – 3-е изд., перераб. и доп. / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. – М.: ЮРИСТЪ, 2004. – 734 с.
85. Кудрявцев В. Н. Борьба мотивов в преступном поведении / В. Н. Кудрявцев. – М.: Норма, 2007. – 126 с.
86. Кудрявцев В. Н. Закон, поступок, ответственность / В. Н. Кудрявцев. – М.: Наука, 1986. – 448 с.
87. Лафренье П. Эмоциональное развитие детей и подростков: пер. с англ. / П. Лафренье. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2004. – 250 с.

88. Лацис И. В. Деструктивное поведение у подростков-правонарушителей с психическими аномалиями: автореф. дис. ... канд. мед. наук / Лацис Ирина Владимировна; ГНЦ ССП им. В. П. Сербского. – М., 2003. – 29 с.
89. Леонгард К. Акцентуированные личности / К. Леонгард: пер. с нем. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2000. – 539 с.
90. Леонова Т. В. Отдаленные последствия ранних церебрально-органических поражений: (диагностика, судебно-психиатрическая оценка): дис. ... канд. мед. наук / Леонова Татьяна Викторовна; ГНЦ ССП им. В. П. Сербского. – М., 2006. – 200 с.
91. Либих С. С. Социально-психологические проблемы современной семьи: Учебное пособие для врачей-курсантов / С. С. Либих, В. П. Петров. – Л.: ЛенГИДУВ, 1979. – 20 с.
92. Личко А. Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков: патохарактерологический диагностический опросник для подростков (ПДО) / А. Е. Личко. – СПб.: Речь, 2013 – 256 с.
93. Личностный дифференциал: методические рекомендации / определения уровня субъективного контроля (УСК): методические рекомендации / НИПНИ им. В. М. Бехтерева; сост.: Е. Ф. Бажин, А. М. Эткинд.. – Л. , 1983. – 24 с.
94. Логинова М. С. Особенности адаптации к условиям школы подростков-восьмиклассников с пограничными психическими нарушениями: автореф. дис. канд. психол. наук / Логинова Мария Ставровна; НИПНИ им. В.М. Бехтерева. – Л., 1983. – 21 с.
95. Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии / Б. Ф. Ломов. – М.: Наука, 1999. – 349 с.
96. Лысков Б. Д. Понятие о личности преступника / Б. Д. Лысков, Т. Н. Курбатова // Юридическая психология / сост. и общ. ред. Т. Н. Курбатовой. – СПб.: Питер, 2001. – С. 74–91.
97. Малкова Е. Е. Тревожность и развитие личности / Е. Е. Малкова. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2013. – 268 с.

98. Мамайчук И. И. Психологическая помощь детям с проблемами в развитии / И. И. Мамайчук. – СПб.: Речь, 2006. – 218 с.
99. Мамайчук И. И. Психологическая помощь детям и подросткам с расстройствами поведения / И. И. Мамайчук, М. И. Смирнова. – СПб.: Речь, 2010. – 384 с.
100. Масагутов Р. М. Клинико-психопатологические особенности агрессии несовершеннолетних на криминальном и докриминальном этапах: автореф. дис. ... степ. д-ра мед. наук / Масагутов Радик Мидхатович; ГНЦ ССП им. В. П. Сербского. – М., 2003. – 33 с.
101. Мастеров Б. М. Психология саморазвития: психотехника риска и правила безопасности / Б. М. Мастеров. – М.: Фирма «Интерпракс», 1994. – 153 с.
102. Машкова Л. Т. Алкоголь – враг семьи / Л. Т. Машкова. – Л.: Знание, 1981. – 36 с.
103. Мельникова М. Л. Агрессивное поведение делинквентных подростков: детерминанты и условия коррекции: автореф. дис. ... канд. психол. наук / Мельникова Маргарита Леонидовна; Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. – Екатеринбург, 2007. – 24 с.
104. Мертон Р. К. Социальная теория и социальная структура: пер. с англ. / Р. К. Мертон. – М.: АСТ Хранитель, 2006. – 873 с.
105. Методика определения уровня субъективного контроля (УСК): методические рекомендации / НИПНИ им. В. М. Бехтерева; Упр. по внедрению новых лекарств. средств и мед. техники МЗ РФ; сост.: Е. Ф. Бажин, Е. А. Голынкина, А. М. Эткинд. – М., 1984. – 22 с.
106. Мид М. Культура и мир детства: пер. с англ. / М. Мид. – М.: Наука, 1988. – 429 с.
107. Михайлов А. П. Ювенальная делинквентность в контексте социокультурной трансформации России / А. П. Михайлов. – Ростов на Дону: Изд-во Рост. ун-та, 2006. – 184 с.

108. Михайлова Л. О. Подростки с криминальным поведением / Патохарактерологический диагностический опросник для подростков и опыт его практического использования: сборник научных трудов НИПНИ им. В. М. Бехтерева / под ред. А. Е. Личко, Н. Я. Иванова. – Л., 1976. – Т. 77. – С. 74–77.
109. Москвичева Н. Л. Подросток и семья / Н. Л. Москвичева, А. А. Реан // Психология подростка. Полное руководство / под общ. ред. А. А. Реана. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2008. – С. 203–233.
110. Мудрик А. В. Социализация и воспитание. / А. В. Мудрик. – М.: Сентябрь, 1997. – 96 с.
111. Мухаматулина Е. А. Проблемы взаимоотношений подростков с родителями / Е. А. Мухаматулина, Г. Х. Махортова // Подросток на перекрестке эпох. Проблемы и перспективы социально-психологической адаптации подростков – М.: Генезис, 1997. – С. 53–86.
112. Мухамедрахимов Р. Ж. Мать и младенец: психологическое взаимодействие. – 2-е изд., испр. / Р. Ж. Мухамедрахимов. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. – 288 с.
113. Мухина В. С. Возрастная психология: феноменология развития / В. С. Мухина. – М.: Академия, 2012. – 655 с.
114. Мэй Р. Проблема тревоги: пер. с англ. / Р. Мэй. – М.: ЭКСМО-пресс, 2001. – 430 с.
115. Мясищев В. Н. Психология отношений / В. Н. Мясищев; под ред. А. А. Бодалева. – М.: МПСИ; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2003. – 400 с.
116. Николаева Е. И. Психология семьи: Учебник для вузов / Е. И. Николаева. – СПб.: Питер, 2013. – 336 с.
117. Никольская И. М. Семейная социограмма в психологическом консультировании. Учебное пособие для врачей и психологов / И. М. Никольская, В. В. Пушина. – СПб.: Речь, 2010. – 223 с.

118. Овчарова Р. В. Справочная книга школьного психолога. – 2-е изд. дораб. / Р. В. Овчарова. – М.: Просвещение; Учебная литература, 1996. – 351 с.
119. Ослон В.Н. Жизнеустройство детей сирот / В. Н. Ослон. – М.: Генезис, 2006. – 243 с.
120. Ошевский Д. С. Психическое развитие у подростков с психическими расстройствами, совершивших агрессивно-насильственные правонарушения: (психологический аспект): автореф. дис. ... канд. психол. наук / Ошевский Дмитрий Станиславович; ГНЦ ССП им. В. П. Сербского. – М., 2006. – 23 с.
121. Павлов И. П. Мозг и психика. Избранные психологические труды / И. П. Павлов. – М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2008. – 358 с.
122. Патологические формы девиантного поведения у подростков (психиатрические и наркологические аспекты): сборник научных трудов / Отв. ред. В. В. Ковалев. – М.: Изд-во НИИ психиатрии МЗ РСФСР, 1989. – 102 с.
123. Первичная профилактика психических, неврологических и психосоциальных расстройств: пер. с англ. / под ред. А.Н. Моховикова. – М.: Смысл, 2002. – 127 с.
124. Петренко В. Ф. Основы психосемантики / В. Ф. Петренко. – СПб.: Питер, 2005. – 479 с.
125. Петрова А. Б. Психологическая коррекция и профилактика агрессивных форм поведения несовершеннолетних с девиантным поведением / А. Б. Петрова. – М.: Флинта: МПСИ, 2008. – 152 с.
126. Петровский А. В. Личность в психологии: парадигма субъектности / А.В. Петровский. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. – 512 с.
127. Пирожков В. Ф. Криминальная психология. Психология подростковой преступности / В. Ф. Пирожков. – М.: «Ось-89», 1998. – Кн. 1. – 304 с.
128. Платонов К. К. Структура и развитие личности / К. К. Платонов. – М.: Наука, 1986. – 256 с.

129. Плешакова Н. Л. Развитие теории и системы классификации отношений привязанности у детей / Н. Л. Плешакова // Эмоции и отношения человека на ранних этапах развития / под. ред. Р. Ж. Мухамедрахимова. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. – С. 198–220.
130. Практикум по возрастной психологии: Учебное пособие / под ред. Л. А. Головей, Е. Ф. Рыбалко. – СПб.: Речь, 2006. – С. 688 с.
131. Прихожан А. М. Психология сиротства. – 3-е изд. / А. М. Прихожан, Н. Е. Толстых. – СПб.: Питер, 2007. – 416 с.
132. Психологический словарь. – 4-е изд., расшир. / сост. под ред. В. П. Зинченко, Б. Г. Мещерякова. – М.: АСТ Москва; СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2009. – 811 с.
133. Психология развития. Словарь / Под ред. А. Л. Венгера // Психологический лексикон. Энциклопедический словарь в шести томах / Ред.-сост. Л. А. Карпенко. Под общ. ред. А. В. Петровского. – М.: ПЕР СЭ, 2005. – 176 с.
134. Райс Ф. Психология и юношеского возраста. – 12-е изд.: пер. с англ. / Ф. Райс, К. Долджин. – СПб.: Питер, 2010. – 816 с.
135. Рамих В. А. Материнство и культура: Философско-культурологический анализ / В. А. Рамих. – Ростов-н/Д: ДГТУ, 1997. – 143 с.
136. Ранк О. Травма рождения и ее значение для психоанализа: пер. с нем. / О. Ранк. – М.: Когито-Центр, 2009. – 240 с.
137. Ратинов А. Р. Изучение самооценки преступников / А. Р. Ратинов // Юридическая психология / сост. и общ. ред. Т. Н. Курбатовой. – СПб.: Питер, 2001. – С. 148–158.
138. Раттер М. Помощь трудным детям: пер. с англ. / М. Раттер. – М.: Апрель Пресс, Изд-во ЭКСМО – Пресс, 1999. – 430 с.
139. Реан А. А. Локус контроля делинквентной личности / А. А. Реан // Психологический журнал, – 1994. – № 2. – С. 52–56.

140. Реан А. А. Характерологические особенности подростков-делинквентов / А. А. Реан // Вопросы психологии. – 1991. – № 4. – С. 139–144.
141. Регуш Л. А. Подросток в эпоху перемен / Л. А. Регуш, А. Л. Лихтарников // Психология современного подростка / под ред. Л. А. Регуш. – СПб.: Речь, 2005. – 144 с.
142. Ремшмидт Х. Психология взросления / Х. Ремшмидт / Подросток и семья: Хрестоматия. – Самара: Изд. дом «БАХРАХ-М», 2013. – С. 232–354.
143. Роджерс К. Р. Взгляд на психотерапию. Становление человека: пер. с англ. / К. Р. Роджерс. – М.: Изд. гр. «Прогресс-Универс», 1994. – 479 с.
144. Роуз М. Трудности с подростками: Руководство по воспитанию подростков с отклонениями в психике и поведении: пер. с англ. / М. Роуз. – СПб.: Образование, 1994. – 68 с.
145. Савина Н. Н. Подростковая делинквентность: природа, причины, предупреждение: монография / Н. Н. Савина. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2006. – 168 с.
146. Салагаев А. Л. Молодежные правонарушения и делинквентные сообщества сквозь призму американских социологических теорий / А. Л. Салагаев. – Казань: Экоцентр, 1997. – 156 с.
147. Сатир В. Психотерапия семьи: пер. с англ. / В. Сатир. – СПб.: Речь, 2001. – 283 с.
148. Семенюк Л. М. Психологические особенности агрессивного поведения подростков и условия его коррекции / Л. М. Семенюк. – М.: Ин-т практической психологии; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. – 96 с.
149. Семке В. Я. Основы персонологии / В. Я. Семке. – М.: Академический проект, 2001. – 474 с.
150. Семья в психологической консультации: Опыт и проблемы психологического консультирования / под ред. А. А. Бодалева, В. В. Столина. – М.: Педагогика, 1989. – 208 с.

151. Симонов В. П. О природе неосознаваемого психического / В. П. Симонов // Психологический журнал. – 1986. – Т.7, № 2. – С. 145–148.
152. Сирота Н. А. Копинг-поведение и профилактика психосоциальных расстройств у подростков / Н. А. Сирота, В. М. Ялтонский // Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В. М. Бехтерева. – 1994. – № 1. – С. 63–74.
153. Скроцкий Ю. А. Становление личности и психические отклонения / Ю. А. Скроцкий. – СПб.: Алетейя, 2009. – 352 с.
154. Словарь Л. С. Выготского: справочное издание / Е. Н. Высоцкая; ред. А. А. Леонтьев; Московский государственный университет. – М.: Смысл, 2004. – 120 с.
155. Смит Г. Техника совместного рисования: пер. с англ. / Г. Смит // Игровая семейная психотерапия / под ред. Ч. Шеффера, Л. Кери. – СПб: Питер, 2001. – С. 105–112.
156. Собкин В. С. Российский подросток 90-х: движение в зону риска: Аналитический доклад / В. С. Собкин, Н. И. Кузнецова; М-во общ. и проф. образования РФ и др. – М.: ЮНЕСКО, 1998. – 119 с.
157. Собчик Л. Н. Стандартизированный многофакторный метод исследования личности СМИЛ / Л.Н. Собчик. – СПб.: Речь, 2000. – 219 с.
158. Соколова Е. Т. Особенности личности при пограничных расстройствах и соматических заболеваниях. Учебное пособие / Е. Т. Соколова, В. В. Николаева. – М., SvR- Аргус, 1995. – 359 с.
159. Сухомлинский В. А. Мудрость родительской любви / Сост. А. И. Сухомлинская. – М.: Мол. гвардия, 1988. – 304 с.
160. Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности: монография / под ред.: С. М. Иншакова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2012. – 839 с.
161. Тест родительского отношения (А. Я. Варга, В. В. Столин) // Психологические тесты. / под ред. А. А. Карелина. – М.: ВЛАДОС, 2001, Т. 2. – С. 144–152.

162. Трофимова Н. М. Основы специальной педагогики и психологии / Н. М. Трофимова, Н. Б. Трофимова, С. П. Дуванова, Т. Ф. Пушкина. – СПб.: Питер, 2006. – 304 с.
163. Углов Ф. Г. Из плена иллюзий: О преодолении пьянства и алкоголизма / Ф. Г. Углов. – Л.: Лениздат, 1986. – 286 с.
164. Указ Президента РФ от 01.06.2012 N 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012-2017 гг.». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://base.garant.ru/70183566/> (дата обращения: 04.08.2014).
165. Уэбстер-Страттон К. Проблемные семьи – проблемные дети. Работа с родителями: процесс сотрудничества: пер. с англ. / К. Уэбстер-Страттон, М. Герберт.– Екатеринбург: Рама Паблишинг, 2010. – 488 с.
166. Федеральный закон РФ от 24.06.1999 г. № 120-ФЗ (ред. от 02.04.2014, с изм. от 04.06.2014) «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://docs.cntd.ru/document/901737405/> (дата обращения: 26.10.2014).
167. Федеральный закон РФ от 29.12. 2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL:<http://base.garant.ru/12151286/> (дата обращения: 10.11.2014).
168. Федеральная служба государственной статистики. Правонарушения. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL:http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/infraction/ (дата обращения: 08.11.2014).
169. Федосеенко Е. В. Особенности психологического сопровождения учащихся в учреждениях начального профессионального образования: автореф. дис. ... канд. психол. наук / Федосеенко Екатерина Владимировна; Ленингр. гос. ун-т им. А.С. Пушкина.– СПб., 2007. – 25 с.

170. Филиппова Г. Г. Материнство и основные аспекты его исследования в психологии / Г. Г. Филиппова // Вопросы психологии. – 2001. – № 2. – С. 22–36.
171. Филиппова Г. Г. Психология материнства: Учебное пособие / Г. Г. Филиппова. – М.: Изд-во Института Психотерапии, 2002. – 240 с.
172. Филонов Л. Б. Психология развития контакта между людьми в условиях затрудненного общения: автореф. дис. ... д-ра психол. наук / Филонов Л. Б. – М., 1985. – 34 с.
173. Фогт Р. Психотравма: теория и практика. Соматическая психоаналитическая психологическая интерактивная модель в версии № 20 для комплексных психических травм (SPIM-20-КТ): пер. с нем. / Р. Фогт. – СПб.: Изд-во «ЛЕМА», 2013. – 220 с.
174. Фокс В. Введение в криминологию: пер. с англ / В. Фокс; под ред. Б. С. Никифорова, В. М. Когана. – М.: Прогресс, 1985. – 312 с.
175. Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборник: пер. с англ. и нем. / В. Франкл. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с..
176. Фрейд З. Лекции по введению в психоанализ (4-я часть): пер. с нем. / З. Фрейд. – М.: Академический проект. 2009. – 597 с.
177. Фридман И. К. О контакте родителей с детьми / И. К. Фридман // Вопросы психологии. – 1990. – № 1. – С. 93–99.
178. Фромм Э. Искусство любви: пер. с англ. / Э. Фромм. – Минск: Полифакт, 1990. – 77 с.
179. Хоментausкас Г. Т. Методика «Рисунок семьи» / Г. Т. Хоментausкас // Общая психодиагностика / под ред. А. А. Бодалева, В. В. Столина. – СПб.: Речь, 2004. – С. 292–113.
180. Хьелл Л. Теории личности: основные положения, исследования и применение. – 3-е междунар. изд.: пер. с англ. / Л. Хьелл, Д. Зиглер. – С.Пб: Питер, 2006. – 607 с.

181. Чермянин С. В. Диагностика нервно-психической неустойчивости в клинической психологии: Методическое пособие / С. В. Чермянин. – СПб.: Речь, 2010. – 189 с.
182. Черников А. В. Генограмма и категории анализа семейной жизни / А. В. Черников // Психотерапия семейных отношений / ред.-сост. Д. Я. Райгородский. – Самара: Изд. дом «БАХРАХ-М», 2004. – С. 612–628.
183. Чехова И. А. Личностные характеристики подростков со склонностью к бродяжничеству и коррекционно-развивающая работа с ними: автореф. дис. канд. психол. наук / Чехова Ирина Андреевна; Кубанск. гос. ун-т. – Краснодар, 2009. – 23 с.
184. Шамарина Е. В. Культурный смысл материнства в западноевропейской и отечественной философской мысли. автореф. дис. ... канд. философск. наук / Шамарина Елена Владимировна; Алтайск. гос. ун-т. – Барнаул, 2008. – 28 с.
185. Шаповал И. А. Психология дисгармонического дизонтогенеза. Ч. 1. Расстройства личности и акцентуации характера / И. А. Шаповал. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2006. – 316 с.
186. Шестаков Д. А. Семейная криминология: Криминофамилистика. – 2-е изд. / Д. А. Шестаков. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. – 389 с.
187. Шестаков Д. А. Тридцать лет спустя: семейная криминология в России – повороты теории и юридизация / Д. А. Шестаков // Семейная криминология: новые исследования, совершенствование законодательства: сборник научных статей и материалов международной конференции, Псков, 16-19 июня 2007 г. – Псков: Изд-во ООО «Гименей», 2007. – С. 6–18.
188. Шизофрения: уязвимость – диатез – стресс – заболевание / А. П. Коцюбинский, А. И. Скорик, И. О. Аксенова и др. – СПб.: Гиппократ+, 2004. – 336 с.

189. Шиханцов Г. Г. Юридическая психология: учебник для вузов / Г. Г. Шиханцов. – М.: Зерцало-М, 2006. – 272 с.
190. Щукина Е. Г. Особенности психологического сопровождения современных матерей / Е. Г. Щукина. – Архангельск: ГОУ ВПО «Северный гос. мед. ун-т», 2009. – 195 с.
191. Эйдемиллер Э. Г. Семейный диагноз и семейная психотерапия. Учебное пособие для системы послевузовского образования врачей / Э. Г. Эйдемиллер, И. В. Добряков, И. М. Никольская. – СПб.: Речь, 2007. – 352 с.
192. Эйдемиллер Э. Г. Психология и психотерапия семьи. – 4-е изд., перераб. и доп. / Э. Г. Эйдемиллер, В. Юстицкис. – СПб.: Питер, 2010. – 672 с.
193. Эминов В. Е. Причины преступности в России: криминологический и социально-психологический анализ / В. Е. Эминов. – М.: НОРМА ИНФРА-М, 2011. – 126 с.
194. Эриксон Э. Психологический кризис развития в отрочестве и юности / Э. Эриксон // Подросток и семья: Хрестоматия / ред.-сост. Д. Я. Райгородский. – Самара: Изд.дом «БАХРАХ-М», 2013. – С. 3–12.
195. Adler A. The problem child: The life style of the difficult child as analyzed in specific cases (A Capricorn giant original) / A. Adler. – Oakville: Capricorn Books, 1963. – 172 p.
196. Agnew R. Juvenile Delinquency: Causes and Control / R. Agnew, T. Brezina. – Oxford: Oxford University Press, 2011. – 608 p.
197. Bandura A. Social cognitive theory. Annals of child development / A. Bandura. – Greenwich: JAI Press, 1989. – 145 p.
198. Bateson G. Auf dem Wege zu einer Schizophrenic-Theorie / G. Bateson, D. Jackson, Y. Haley, J. Weakland // Schizophrenie und Familie / G. Bateson. – Frankfurt/Main: Suhrkamp, 1972. – S. 11–42.
199. Bentovim A. Safeguarding Children Living with Trauma and Family Violence: Evidence-Based Assessment, Analysis and Planning Interventions

- (Best Practice in Working with Children Series) / A. Bentovim, A. Cox, L. B. Miller, S. Pizzey. – London/Philadelphia: Jessica Kingsley Publishers Ltd., 2009. – 352 p.
200. Bergner R. M. What is Psychopathology? And So What? / R. M. Bergner // *Clinical Psychology: Science and Practice*. – 1997. – Vol. 4 (3). – P. 235–248.
201. Black D. W. Bad Boys, Bad Men: Confronting Antisocial Personality Disorder (Sociopathy) / D. W. Black. – New York City: The Guilford Press, 2013. – 360 p.
202. Boellinger C. Psychoanalytisch orientierte Sozialtherapie / C. Boellinger // *Kriminalpsychologie* / F. Loesel (Hrsg.). – Weinheim, Basel, 1983. – S. 239 – 247.
203. Boswell G. Violent Children and Adolescents: Asking the Question Why / G. Boswell. – Hoboken, New Jersey: Wiley-Blackwell, 2000. – 230 p.
204. Bowen M. Family Therapy in Clinical Practice / M. Bowen. – Lanham: Jason Aronson, Inc., 1993. – 584 p.
205. Bowlby J. Separation: Anxiety and Anger: Volume II. Attachment and Loss / J. Bowlby. – New York: Penguin Books, 1978. – 504 p.
206. Brehm S.S., Kassin S.M., Fein S. Social Psychology. Fifth Edition – Boston: Houghton Mifflin Company, 2001. – 540 p.
207. Brody S. Patterns of mothering / S. Brody. – New York: Plenum Press, 1956. – 286 p.
208. Bynau C. Accueillir les adolescents en grande difficulté. L'avenir d'une désillusion / C. Bynau. – Ramonville Saint-Agne: Editions érés, 2004. – 319 p.
209. Christopherson B. J. Treating Children with Sexually Abusive Behavior Problems: Guidelines for Child and Parent Intervention (The Haworth Maltreatment and Trauma Press) / B. J. Christopherson et al. – London: Routledge, 1998. – 294 p.
210. Coum D. Repères pour le placement familial / D. Coum. – Toulouse, Milan: Editions érés, 2010. – 356 p.

211. DeLisi M. *Criminological Theory: A Life-Course Approach* / M. DeLisi, K. M. Beaver. – Burlington: Jones & Bartlett Learning, 2012. – 334 p.
212. *Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders, Fifth Edition (DSM-5)*. – Arlington: American Psychiatric Publishing, 2013. – 1000 p.
213. Dixon L. B. *Family intervention for schizophrenia* / L. B. Dixon L. B., A. F. Lehman // *Schizophrenia Bull.* – 1995. – Vol. 21 (4). – P. 631–643.
214. Doane J. A. *Parental affective style and the treatment schizophrenia: Predicting course of illness and social functioning* / J. A. Doane, I. R. H. Falloon, M. J. Goldstein, J. Mintz // *Arch. Gen. Psychiatry.* – 1985. – Vol. 42 (1). – P. 34–42.
215. Doane J. A. *Affect and Attachment in the Family: Family-Based Treatment of Major Psychiatric Disorders* / J. A. Doane, D. Diamond. – New York: Basic Books, 1994. – 240 p.
216. Döpfner M. *Diagnostik psychischer Störungen im Kindes- und Jugendalter* / M. Döpfner, F. Petermann. – Göttingen: Hogrefe-Verlag, 2012. – 183 s.
217. Downes D. *Understanding Deviance: A Guide to the Sociology of Crime and Rule-Breaking* / D. Downes, P. Rock. – Oxford: OUP Oxford, 2011. – 424 p.
218. Dreikurs R. *Maintaining sanity in the classroom* / R. Dreikurs, B. B. Grunwald, F. Pepper. – Bristol: Taylor&Francis, 1998. – 368 p.
219. Dreikurs R. *Children: the Challenge* / R. Dreikurs, V. Soltz. – New York City: Plume, 1992. – 335 p.
220. Duck S. W. *The personal and interpersonal in construct theory* / S. W. Duck // *Construct of sociality and individuality.* – London: Academic Press, 1979. – P. 279–297.
221. Erikson E. H. *Jugend und Krise: Die Psychodynamik im sozialen Wandel* / E. H. Erikson. – Stuttgart: Klett-Cotta, 2003. – 344 s.
222. Farrell J. M. *The Schema Therapy Clinician's Guide: A Complete Resource for Building and Delivering Individual, Group and Integrated Schema Mode*

- Treatment Programs / J. M. Farrell, N. Reiss, I. A. Shaw. – Hoboken (New Jersey): Wiley-Blackwell, 2014. – 350 p.
223. Fauber R. L. Children in context: The role of the family in child psychotherapy / R. L. Fauber, N. Long // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. – 1991. – Vol. 59. – P. 813–820.
224. Fine M. J., Lee S. W. Handbook of Diversity in Parent Education: The Changing Faces of Parenting and Parent Education / Marvin J. Fine, Steven W. Lee. – Waltham: Academic Press, 2000. – 385 p.
225. Ford J. D. Treating Complex Traumatic Stress Disorders in Children and Adolescents: Scientific Foundations and Therapeutic Models / J. D. Ford, C. A. Courtois. – New York: Guilford Press, 2013. – 368 p.
226. Frances A. Normal / A. Frances. – Köln: Dumont Buchverlag, 2013. – 430 p.
227. Freud S. Abriss der Psychoanalyse / S. Freud. – Ditzingen: Reclam, Philipp, jun. GmbH, Verlag, 2010. – 118 s.
228. Frick P. J. Conduct problem in boys: Relations to maternal personality, marital satisfaction, and socioeconomic status / P. J. Frick, B. Lahey, S. Hartdagen, G. Hynd // *Journal of Clinical Child Psychology*. – 1989. – Vol. 18. – P. 114–120.
229. Fromm E. Die Kunst des Liebens / E. Fromm. – Berlin: Ullstein-Verlag, 2012. – 160 s.
230. Fromm-Reichmann F. Principles of Intensive Psychotherapy / F. Fromm-Reichmann. – Wilmington: Orange Frazer Press, 2011. – 207 p.
231. Fröhlich-Gildhoff K. Verhaltensauffälligkeiten bei Kindern und Jugendlichen / K. Fröhlich-Gildhoff. – Stuttgart: Kohlhammer-Verlag, 2013. – 320 s.
232. Ginsburg G. S. Family involvement in treating children with phobia and anxiety disorders: A look ahead / G. S. Ginsburg, W. K. Silverman, W. K. Kurtines // *Clinical Psychology Review*. – 1995. – Vol. 15. – P. 457–473.
233. Gorman-Smith D., Schoeny M. Contextual influences on adolescent risk behaviour: Community. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

URL:<http://www.pubfacts.com/author/Deborah+Gorman-Smith> (дата обращения: 21.06.2014).

234. Hayman L. L. Health and Behavior in Childhood and Adolescence / L. L. Hayman, M. M. Mahon, J. R. Turner. – New York: Springer Publishing, 2002. – 304 p.
235. Henggeler S. W. Multisystemic Therapy for Antisocial Behavior in Children and Adolescents / Henggeler S. W., Cunningham P. B., Schoenwald S. K. et al. – New York City: The Guilford Press, 2009. – 324 p.
236. Hochauf R. Frühes Trauma und Strukturdefizit: Ein psychoanalytisch-imaginativ orientierter Ansatz zur Bearbeitung früher und komplexer Traumatisierungen / R. Hochauf. – Kröning: Asanger-Verlag, 2013. – 302 s.
237. Holt A. Adolescent-to-parent abuse Current understandings in research, policy and practice / A. Holt. – Bristol: Policy Press, 2012. – 200 p.
238. Janus L. Seelisches Erleben vor und während der Geburt / L. Janus, S. Haibach. – Neu-Isenburg: LinguaMed Verlag, 1997. – S. 37–50.
239. Kaschka W. Die Schizophrenien: Biologische und familiendynamische Konzepte zur Pathogenese / W. Kaschka, P. Joraschky, E. Lungershausen. – Berlin: Springer Verlag, 1988. – 233 s.
240. Klein D. F. Harmful Dysfunction, Disorder, Disease, Illness, and Evolution / D. F. Klein / Journal of Abnormal Psychology. – 1999. – Vol. 108. – P. 421–429.
241. Last C. G. Childhood anxiety disorders in mothers and their children / C. G. Last, J. E. Philips, A. Staffeld // Child Psychiatry and Human Development. – 1987. – Vol. 18. – P. 103–108.
242. Lidz T. The Origin and Treatment of Schizophrenic Disorders / T. Lidz. – Madison: International Universities Press, 1990. – 158 p.
243. Lyons-Ruth K. Desorganisierte Kinder und ihre Mütter. Modelle feindselighilfloser Beziehungen / K. Lyons-Ruth, S. Melnick, E. Bronfman // Bindung und seelische Entwicklungswege. Grundlagen, Prävention und klinische Praxis / K. H. Brisch (Hg.). – Stuttgart: Klett-Cotta, 2002. – S. 249–276.

244. Maslow A. H. Motivation and personality / A. H. Maslow. – New York: Joanna Cotler Books, 1987. – 400 p.
245. Medinnus G. The relation between maternal self-acceptance and child acceptance / G. Medinnus, F. Curtis // Journal of Counseling Psychology. – 1963. – Vol. 27. – P. 542–544.
246. Minuchin S. The Craft of Family Therapy: Challenging Certainties / S. Minuchin, M. D. Reiter, Ch. Borda. – London: Routledge, 2013. – 248 p.
247. Muncie J. Youth and Crime / J. Muncie. – Thousand Oaks: SAGE Publ. Ltd, 2009. – 488 p.
248. Oxford Dictionary. Definition of «Delinquency». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.oxforddictionaries.com/definition/english/delinquency> (дата обращения: 20.10. 2014).
249. Oxford Dictionary. Definition of «Normal». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.oxforddictionaries.com/definition/english/normal> (дата обращения: 20.10. 2014).
250. Patterson G. R. A developmental perspective on antisocial behavior / G. R. Patterson, B. D. DeBaryshe, E. Ramsey /// American Psychologist. – 1989. – Vol. 44. – P. 329–335.
251. Petermann K. Aggression und Gewalt von Kindern und Jugendlichen / K. Petermann. – Berlin: Springer, 2013. – 240 s.
252. Raine A. Tonic heart rate level, social class and antisocial class and antisocial behavior in adolescents / A. Raine, P. Venables // Biological Psychology. – 1984. – Vol. 18. – P. 123–132.
253. Rank O. Das Trauma der Geburt und seine Bedeutung für die Psychoanalyse / O. Rank. – Giessen: Psychosozial-Verlag, 2007. – 207 s.
254. Retzlaff R. Einführung in die systemische Therapie mit Kindern und Jugendlichen / R. Retzlaff. – Heidelberg: Carl-Auer-Verlag, 2013. – 120 s.
255. Reynolds M. From gangs to gangsters. How American Sociology: Organized Crime 1918-1994 / M. Reynolds. – Guilderland: New York: Harrow and Heston, 1995. – 178 p.

256. Rose J. Working with Young People in Secure Accommodation: From chaos to culture / J. Rose. – Oxford: Routledge, 2014. – 230 p.
257. Rotter J. B. Generalized expectancies for internal versus external control of reinforcement / J.B. Rotter // Psychol.Monogr. – 1966. – Vol. 80(1). – P. 1–28.
258. Rotter J. B. The development and applications of social learning theory: Selected papers / J. B. Rotter. – New York: Praeger, 1982. – 343 p.
259. Sanders M. R. New directions in behavioral family intervention with children / M. R. Sanders // Advances in Clinical Child Psychology / ed. by T. H. Ollendick, R. J. Prinz, – New York: Plenum Press, 1996. – Vol. 18. – P. 283 – 330.
260. Schwing R. Systemische Beratung und Familientherapie – kurz, bündig, alltagstauglich / R. Schwing, A. Fryszer. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2013. – 168 s.
261. Siegel L. J. Juvenile Delinquency: Theory, Practice, and Law / L. J. Siegel, B. C. Welsh. – Boston: Cengage Learning, 2011. – 736 p.
262. Skinner B. F. About behaviorism / B. F. Skinner. – New York: A. A. Knopf, 1974. – 304 p.
263. Sprenkle D. H. Effectiveness Research in Marriage and Family Therapy / D. H. Sprenkle. – Alexandria (US): American Association for Marriage and Family Therapy, 2002. – 370 p.
264. Srivastava R. K. Maternal personality pattern of educable mentally retarded children on Cattell s 16 Personality Factor test / R. K. Srivastava, M. Seth, S. Shobha // Child Psychiatry Quarterly. – 1981. – Vol. 14 (3). – P. 100–107.
265. Stern D. N. The first relationship: infant and mother / D. N. Stern. – Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 2002. – 178 p.
266. Stimson J. Sociology: Contemporary Readings / J. Stimson, A. Stimson. – Itasca: F E Peacock Publishers, Inc., 1987. – 421 p.
267. Thio A. D. Deviant Behavior / A. D. Thio, J. D. Taylor, M. D. Schwartz. – London: Pearson, 2012. – 496 p.

268. Ungar M. *Strengths-Based Counseling With At-Risk Youth* / M. Ungar. – Thousand Oaks: Corwin, 2006. – 144 p.
269. United Nations. *Demographic Yearbook: 63rd Edition 2012 (Demographic Yearbook)* – New York: United Nations Publication, 2014. – 746 p.
270. Wakefield J. C. *The Concept of Mental Disorder: On the Boundary Between Biological Facts and Social Values* / J. C. Wakefield // *American Psychologist*. – 1992. – Vol. 47. – P. 373–388.
271. Walsh F. *Chronic Disorders and the Family* / F. Walsh, C. Anderson. – Philadelphia: Haworth Press Inc., 1987. – 183 p.
272. Waters F. S. *Recognizing dissociation in preschool children* / F. S. Waters // *ISSTD News*. – 2005. – Vol. 23 (4). – P. 1–2; 4–5.
273. Widiger T. A. *Adult Psychopathology: Issues and Controversies* / T. A. Widiger, L. M. Sankis // *Annual Review of Psychology*. – 2000. – Vol. 51. – P. 377–404.
274. Winterhoff M. *Lasst Kinder wieder Kinder sein!* / M. Winterhoff – Gütersloh: Gütersloher Verlagshaus, 2011. – 205 s.
275. Young J. E. *Schema Therapy: A Practitioner's Guide* / J. E. Young, J. S. Klosko, M. E. Weishaar. – New York City: Guilford Press, 2006. – 436 p.

Вопросы клинико-психологического интервью матери

I. Социально-демографическая характеристика

1. Ваш возраст?
2. Скажите, пожалуйста, какое учебное заведение Вы закончили?

1	Неполное среднее (8-9 классов)
2	Среднее общее (10-11 классов)
3	Среднее специальное, среднее техническое
4	Высшее или незаконченное высшее
5	Два высших образования, ученая степень

3. Как бы Вы охарактеризовали материальное положение Вашей семьи?

1	Не хватает денег даже на еду
2	Хватает на еду, но не можем покупать вещи
3	Хватает на необходимое, но не можем покупать дорогие вещи
4	Можем покупать дорогие вещи, путешествовать, но не можем покупать все, что захотим
5	Не ограничены в средствах

4. Работаете ли Вы в настоящее время?
- 4.1. Какая у Вас должность? Кем Вы работаете?

1	Руководитель предприятия, подразделения
2	Специалист
3	Служащий (работники, не занятые ручным трудом)
4	Рабочая

- 4.2. Вы сказали, что не работаете, почему?

1	Безработная
2	Домохозяйка
3	Инвалид
4	Пенсионер
5	В отпуске по уходу за ребенком

5. Удовлетворены ли Вы существующей ситуацией с Вашим трудоустройством?
6. Есть ли у Вас увлечения, хобби? Какие?
7. Ваше семейное положение?

1	Замужем за отцом ребенка
2	Замужем за отчимом ребенка
3	Сожительство
4	Разведена
5	Вдова
6	Мать одиночка

8. Сколько детей в Вашей семье?

1	Один
2	Два
3	Три
4	Четыре и более

9. Оцените характер взаимоотношений в Вашей семье

1	Очень хорошие
2	Хорошие
3	Не очень хорошие
4	Плохие

10. Есть ли у Вас поддержка со стороны семьи?

1	Есть
2	Не всегда
3	Нет

11. Оцените характер взаимоотношений с Вашим мужем (если есть)

1	Очень хорошие
2	Хорошие
3	Не очень хорошие
4	Плохие

12. Оцените степень удовлетворенности своей жизнью в настоящий момент

1	Очень нравится
2	Нравится
3	Не очень нравится
4	Не нравится
5	Очень не нравится

II. Характеристика взаимоотношений с ребенком

13. Какой данный (обследуемый) ребенок по порядку рождения?
14. Поговорим о раннем развитии ребенка. Был ли этот ребенок желанным?
15. Каким было вскармливание (грудное, искусственное)?
16. Были ли расстройства питания у ребенка в детстве?
17. Были ли расстройства сна у ребенка в детстве?
18. Были ли детские страхи у ребенка?
19. Наблюдалась ли у ребенка чрезмерная активность (расторможенность)?
20. Наблюдалась ли у ребенка агрессивность в детстве?
21. Наблюдалась ли у ребенка плаксивость в детстве?
22. Наблюдалась ли у ребенка вялость в детстве?
23. Наблюдалась ли у ребенка замкнутость в детстве?
24. Возраст, в котором ребенок начал ходить (месяцы)?
25. Возраст, в котором ребенок начал говорить (месяцы)?
26. Были у ребенка проблемы адаптации в школе?
27. Как часто Вы проводите время вместе со своим ребенком?

1	Ежедневно
2	По выходным дням
3	Редко
4	Почти никогда

28. Чувствуете ли Вы взаимопонимание с вашим ребенком?
29. Доверяете ли Вы своему ребенку?
30. Часто ли вы наказываете своего ребенка?

31. Если Вы наказываете своего ребенка, то как?

1	Наказание ограничением свободы
2	Наказание игнорированием
3	Физическое наказание

32. Каков Ваш прогноз дальнейшего поведения ребенка? Что будет с ребенком дальше? (для группы матерей подростков с делинквентным поведением)

1	Нарушения поведения скоро закончатся
2	Нарушения поведения закончатся, но не скоро
3	Нарушения поведения будут продолжаться

III. Характеристика взаимоотношений с родительской семьей

33. Кто воспитывал Вас в детстве?

1	Мать и отец
2	Один родитель. Кто?
3	Родственники
4	Приемные родители
5	Воспитатели детского дома

34. Оцените степень позитивного участия семьи в Вашей жизни.

35. Оказывает ли Вам семья поддержку, когда Вам это необходимо?

36. Оцените степень влияния матери на Вашу жизнь.

37. Оцените степень влияния отца на Вашу жизнь.

38. Как Вы думаете, чего больше всего ждет (ждала, могла бы ждать) от Вас Ваша мама?

IV. Характеристика состояния здоровья

39. Поговорим о Вашем здоровье и самочувствии. Посмотрите, пожалуйста, анкету о состоянии здоровья и отметьте имеющиеся у Вас заболевания.

1	Нарушения зрения, глазная патология
2	Нарушения слуха, лор патология
3	Заболевания бронхолегочной системы <ul style="list-style-type: none"> • хронический бронхит • бронхиальная астма • перенесенная пневмония • другие заболевания
4	Заболевания мочеполовой системы <ul style="list-style-type: none"> • пиелонефрит • нефропатии • нефриты • другие заболевания
5	Болезни печени <ul style="list-style-type: none"> • холецистит • дуоденит • другие заболевания
6	Болезни крови <ul style="list-style-type: none"> • анемия • лейкоз • другие заболевания

7	Болезни желудочно-кишечного тракта <ul style="list-style-type: none"> • хронический гастрит • хронический колит • язва желудка • другие заболевания
8	Нарушения опорно-двигательного аппарата <ul style="list-style-type: none"> • нарушение осанки • плоскостопие • другие заболевания
9	Перенесенные хирургические операции
10	Болезни кожи <ul style="list-style-type: none"> • нейродермит • аллергические реакции • другие заболевания
11	Эндокринологическая патология <ul style="list-style-type: none"> • сахарный диабет • заболевания щитовидной железы • другие заболевания
12	Заболевания сердечно-сосудистой системы <ul style="list-style-type: none"> • гипертония • миокардиты • кардиопатии • ревмат.артрит • другие заболевания
13	Психопатология (обращения к психиатру)
14	Неврологическая патология (обращения к невропатологу) <ul style="list-style-type: none"> • головные боли • вегето-сосудистая дистония • парезы • невропатии • другие заболевания

40. Курите ли Вы? Если «да», то как часто?

41. Употребляете ли алкогольные напитки? Если «да», то как часто?

42. Употребляли ли Вы когда-нибудь наркотические средства?

43. Оцените состояние своего здоровья.

1	Очень хорошее
2	Хорошее
3	Не очень хорошее
4	Плохое
5	Очень плохое

Вопросы клинико-психологического интервью подростка

I. Социально-демографическая характеристика

1. Возраст.
2. Какова твоя успеваемость в школе?
3. Нравится ли учиться?
4. Есть ли увлечения вне школы, хобби?
5. Оцени степень удовлетворенности своей жизнью в настоящий момент

1	Очень нравится
2	Нравится
3	Не очень нравится
4	Не нравится
5	Очень не нравится

II. Характеристика взаимоотношений с родительской семьей

6. Поддерживает ли тебя семья в трудных жизненных ситуациях?
7. Поддерживает ли тебя мама в трудных жизненных ситуациях?
8. Поддерживает ли тебя отец (отчим) в трудных жизненных ситуациях?
9. Оцени степень влияния матери на твою жизнь.
10. Оцени степень влияния отца (отчима) на твою жизнь.
11. Вспомни о хороших событиях в твоей жизни. На сколько твоя мама принимает в них участие? Оцени степень позитивного участия матери в твоей жизни.
12. Оцени степень позитивного участия отца (отчима) в твоей жизни.
13. Возникают ли у тебя проблемы во взаимоотношениях с мамой?
14. Возникают ли у тебя проблемы во взаимоотношениях с отцом (отчимом)?
15. Есть ли у тебя взаимопонимание с матерью?
16. Есть ли у тебя взаимопонимание с отцом (отчимом)?
17. Доверяешь ли ты полностью своей матери?
18. Доверяешь ли ты полностью своему отцу (отчиму)?
19. Как ты думаешь, чего больше всего ждет от тебя твоя мама?

III. Характеристика состояния здоровья

20. Куришь ли ты? Если «да», то как часто?
21. Употребляешь ли алкогольные напитки? Если «да», то как часто?
22. Употреблял ли ты когда-нибудь наркотические средства?
23. Оцени состояние своего здоровья.

1	Очень хорошее
2	Хорошее
3	Не очень хорошее
4	Плохое
5	Очень плохое

Данные о состоянии здоровья подростка, перенесенных им заболеваниях и диспансерном учете у врачей-специалистов были получены путем изучения медицинской карты ребенка, находящейся в медицинском кабинете образовательного учреждения, или из беседы с медицинским работником образовательного учреждения.

**Вопросы клинико-психологического интервью социального педагога
образовательного учреждения**

Данные социальных педагогов основаны на информации «Банка данных» детей и подростков, состоящих на учете в комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав; семей находящихся в социально опасном положении; социальных паспортов семей.

1. Причина постановки подростка на учет?
2. Есть ли данные о курении подростка?
3. Есть ли данные об употреблении подростком алкоголя?
4. Есть ли данные об употреблении подростком наркотических и (или) токсических средств?
5. Причина постановки семьи на учет?
6. Является ли семья малообеспеченной?
7. Есть ли данные о злоупотреблении матери алкоголем?
8. Есть ли данные об употреблении матерью наркотических средств?
9. Есть ли данные о применении матерью физических наказаний подростка?

**Протокол эксперимента
«Совместное рисование матери и ее ребенка-подростка»**

Инструкция: «Вам нужно выполнить совместный рисунок, который вы будете рисовать по очереди, сменяя друг друга. Выберите карандаш определенного цвета. Теперь следует определить, кто начнет первым. Рисовать нужно молча. Когда я скажу: «начали», первый начинает рисовать всё, что захочет. Затем я скажу: «меняемся», и тот, кто рисовал, немедленно останавливается, а другой сменяет его и продолжает рисовать тоже всё, что захочет. Так по порядку вы должны рисовать до тех пор, пока я не скажу остановиться. Интервалы времени: 30, 25, 20, 15, 10, 5, 3 секунды».

После завершения рисования: «Скажите, вам нравится рисунок, который получился? Теперь нужно составить небольшой рассказ об этом рисунке».

Бланк протокола

Этапы	Критерии	Реакции
1. Процесс рисования	1. Последовательность работы	1 - договариваются 2 - определила мать 3 - определил подросток 4 - спорят, ни один не хочет начинать
	2. Следование инструкции	1 - следуют оба 2 - нарушает мать 3 - нарушает подросток 4 - нарушают оба
	3. Наличие зрительного контакта	1 - смотрят друг на друга 2 - мать смотрит на подростка, подросток не смотрит на нее 3 - подросток смотрит на мать, мать не смотрит на него 4 - не смотрят друг на друга
	4. Особенности взаимодействия	1 - взаимное дополнение 2 - мать исправляет рисунок подростка 3 - подросток изменяет тему 4 - изолированное рисование
2. Результат рисования	1. Особенности выбора тематики	1- вместе развивали сюжет рисунка 2 - основные фигуры изображала мать, подросток дополнял детали 3 - основные фигуры изображал подросток, мать дополняла детали 4 - каждый рисовал на свою тему или отрывочны изображения
	2. Пространственная организация рисунка	1 - пространство разделили поровну 2 - большую часть листа заняла мать 3 - большую часть листа занял подросток 4 - большая часть листа осталась незаполненной

2. Результат рисования	3. Удовлетворенность выполненным рисунком	1 - нравится обоим 2 - нравится подростку, не нравится матери 3 - нравится матери, не нравится подростку 4- не нравится обоим
	4. Рассказ о рисунке	1 - рассказывали оба 2 – рассказывала, в основном, мать 3 – рассказывал, в основном, подросток 4 - не смогли (отказались) рассказать о рисунке

ИНФОРМАЦИОННАЯ КАРТА

1. Группы матерей
 1. Матери социально адаптированных подростков
 2. Матери делинквентных подростков
2. Группы матерей делинквентных подростков по наличию учета семьи в ГДН (группе по делам несовершеннолетних)
 1. Семьи, не состоящие на учете в ГДН
 2. Семьи, состоящие на учете в ГДН как семьи, находящиеся в социально опасном положении (СОП)

Социально-демографическая характеристика матери

3. Возраст
4. Образование
 1. Неполное среднее (8-9 классов)
 2. Среднее общее (10-11 классов)
 3. Среднее специальное, среднее техническое
 4. Высшее или незаконченное высшее
 5. Аспирантура, 2 высших образования, ученая степень
5. Материальное положение
 1. Крайне тяжелое. Не хватает денег даже на еду
 2. Тяжелое. Хватает на еду, но не могут покупать вещи
 3. Среднее. Хватает на необходимое, но не могут покупать дорогие вещи
 4. Выше среднего. Могут покупать дорогие вещи, путешествовать, но не могут покупать все, что захотят
 5. Не ограничены в средствах
6. Трудоустройство
 1. Руководитель предприятия, подразделения
 2. Специалист
 3. Служащий (работники, не занятые ручным трудом)
 4. Рабочий
 5. Безработная
 6. Домохозяйка
 7. Неработающий инвалид
 8. Неработающий пенсионер
 9. В отпуске по уходу за ребенком
7. Удовлетворенность существующим трудоустройством
 1. Полная
 2. Частичная
 3. Не удовлетворена
8. Наличие увлечения, хобби
 1. Несколько
 2. Одно
 3. Нет
9. Семейное положение
 1. Замужем за отцом ребенка
 2. Замужем за отчимом ребенка
 3. Сожительство
 4. Разведена

5. Вдова
6. Мать-одиночка
10. Количество детей в семье
 1. Один
 2. Два
 3. Три
 4. Четыре и более
11. Характер взаимоотношений в собственной семье
 1. Очень хорошие
 2. Хорошие
 3. Не очень хорошие
 4. Плохие
12. Поддержка со стороны семьи
 1. Есть
 2. Не всегда
 3. Нет
13. Характер взаимоотношений с мужем (сожителем)
 1. Очень хорошие
 2. Хорошие
 3. Не очень хорошие
 4. Плохие
14. Степень удовлетворенности своей жизнью в настоящий момент
 1. Очень нравится
 2. Нравится
 3. Не очень нравится
 4. Не нравится
 5. Очень не нравится

Характеристика взаимоотношений матери и исследуемого ребенка

15. По порядку рождения обследуемый ребенок
 1. Старший
 2. Средний
 3. Младший
 4. Единственный
16. Был ли ребенок желанным
 1. Да
 2. Скорее да, чем нет
 3. Скорее нет, чем да
 4. Нет
17. Способ вскармливания ребенка
 1. Грудное
 2. Искусственное
18. Расстройства питания у ребенка в детстве
 1. Не было
 2. Были незначительные
 3. Были
19. Расстройства сна у ребенка в детстве
 1. Не было
 2. Были незначительные
 3. Были

20. Детские страхи у ребенка
 1. Не было
 2. Были недолго
 3. Были
21. Чрезмерная активность (расторможенность)
 1. Да
 2. Нет
22. Агрессивность в детстве
 1. Да
 2. Нет
23. Плаксивость в детстве
 1. Да
 2. Нет
24. Вялость в детстве
 1. Да
 2. Нет
25. Замкнутость в детстве
 1. Да
 2. Нет
26. Возраст, в котором ребенок начал ходить (месяцы)
27. Возраст, в котором ребенок начал говорить (месяцы)
28. Проблемы адаптации в школе
 1. Не было
 2. Были незначительные
 3. Были
29. Совместное времяпрепровождение с ребенком в настоящее время
 1. Ежедневно
 2. По выходным дням
 3. Редко
 4. Почти никогда
30. Взаимопонимание с ребенком
 1. Есть
 2. Не всегда
 3. Нет
31. Доверие ребенку
 1. Полностью
 2. Не всегда
 3. Нет
32. Наказание ребенка
 1. Часто
 2. Редко
 3. Почти никогда
33. Наказание ограничением свободы ребенка
 1. Да
 2. Нет
34. Наказание игнорированием ребенка
 1. Да
 2. Нет
35. Физическое наказание ребенка
 1. Да
 2. Нет

36. Прогноз дальнейшего поведения ребенка (для группы матерей подростков с делинквентным поведением)

1. Нарушения поведения скоро закончатся
2. Нарушения поведения закончатся, но не скоро
3. Нарушения поведения будут продолжаться

Характеристика взаимоотношений матери и ее родительской семьи

37. Воспитывалась

1. В полной семье
2. Одним родителем (матерью)
3. Родственниками
4. Приемными родителями
5. В детском учреждении

38. Степень позитивного участия семьи

1. Высокая
2. Средняя
3. Низкая
4. Отсутствует

39. Поддержка со стороны семьи

1. Есть
2. Не всегда
3. Нет

40. Степень влияния матери

1. Высокая
2. Средняя
3. Низкая
4. Отсутствует

41. Степень влияния отца

1. Высокая
2. Средняя
3. Низкая
4. Отсутствует

42. Ожидания матери

1. Успешности в карьере
2. Буду счастливой
3. Чтобы все было хорошо (нормальной жизни)
4. Материального достатка
5. Буду хорошей матерью
6. Ничего не ждет
7. Не знаю

Характеристика состояния здоровья матери

43. Нарушения зрения

1. Да
2. Нет

44. Нарушения слуха

1. Да
2. Нет

45. Заболевания бронхолегочной системы

1. Да
2. Нет

46. Заболевания мочеполовой системы
 1. Да
 2. Нет
47. Болезни печени
 1. Да
 2. Нет
48. Болезни крови
 1. Да
 2. Нет
49. Болезни желудочно-кишечного тракта
 1. Да
 2. Нет
50. Нарушения опорно-двигательного аппарата
 1. Да
 2. Нет
51. Хирургические операции
 1. Да
 2. Нет
52. Болезни кожи
 1. Да
 2. Нет
53. Эндокринологическая патология
 1. Да
 2. Нет
54. Заболевания сердечно-сосудистой системы
 1. Да
 2. Нет
55. Психопатология (обращения к психиатру)
 1. Да
 2. Нет
56. Неврологическая патология (обращения к невропатологу)
 1. Да
 2. Нет
57. Курение
 1. Не курит
 2. Редко
 3. Постоянно
58. Употребление алкоголя
 1. Не употребляет
 2. Иногда
 3. Часто
59. Употребление наркотических средств
 1. Да
 2. Нет
60. Оценка состояния собственного здоровья
 1. Очень хорошее
 2. Хорошее
 3. Не очень хорошее
 4. Плохое
 5. Очень плохое

Социально-демографическая характеристика подростка

61. Пол
1. Мужской
 2. Женский
62. Группы делинквентных подростков по характеру правонарушения
1. Агрессивно-насильственные
 2. Корыстные
63. Возраст
64. Успеваемость в школе
1. Отличная
 2. Хорошая
 3. Удовлетворительная
 4. Неудовлетворительная
65. Нравится учиться
1. Да
 2. Не совсем
 3. Нет
66. Увлечения, хобби
1. Несколько
 2. Одно
 3. Нет
67. Степень удовлетворенности своей жизнью в настоящий момент
1. Очень нравится
 2. Нравится
 3. Не очень нравится
 4. Не нравится
 5. Очень не нравится

Характеристика взаимоотношений подростка и родительской семьи

68. Поддержка со стороны семьи
1. Есть
 2. Не всегда
 3. Нет
69. Поддержка матери
1. Есть
 2. Не всегда
 3. Нет
70. Поддержка отца
1. Есть
 2. Не всегда
 3. Нет
 4. Отсутствует
71. Поддержка отчима (сожителя)
1. Есть
 2. Не всегда
 3. Нет
72. Степень влияния матери
1. Высокая
 2. Средняя
 3. Низкая
 4. Отсутствует

73. Степень влияния отца
1. Высокая
 2. Средняя
 3. Низкая
 4. Отсутствует
74. Степень влияния отчима (сожителя)
1. Высокая
 2. Средняя
 3. Низкая
 4. Отсутствует
75. Степень позитивного участия матери
1. Высокая
 2. Средняя
 3. Низкая
 4. Отсутствует
76. Степень позитивного участия отца
1. Высокая
 2. Средняя
 3. Низкая
 4. Отсутствует
77. Степень позитивного участия отчима (сожителя)
1. Высокая
 2. Средняя
 3. Низкая
 4. Отсутствует
78. Проблемы во взаимоотношениях с мамой
1. Нет
 2. Редко
 3. Часто
79. Проблемы во взаимоотношениях с отцом
1. Нет
 2. Редко
 3. Часто
 4. Отсутствует
80. Проблемы во взаимоотношениях с отчимом (сожителем)
1. Нет
 2. Редко
 3. Часто
81. Взаимопонимание с матерью
1. Есть
 2. Не всегда
 3. Нет
82. Взаимопонимание с отцом
1. Есть
 2. Не всегда
 3. Нет
 4. Отсутствует
83. Взаимопонимание с отчимом (сожителем)
1. Есть
 2. Не всегда
 3. Нет

84. Доверие матери
1. Полностью
 2. Не всегда
 3. Нет
85. Доверие отцу
1. Полностью
 2. Не всегда
 3. Нет
 4. Отсутствует
86. Доверие отчиму (сожителю)
1. Полностью
 2. Не всегда
 3. Нет
87. Ожидания матери
1. Успешности
 2. Буду счастливым
 3. Чтобы я закончил школу (получил аттестат)
 4. Материальной обеспеченности (в будущем)
 5. Послушания, хорошего поведения
 6. Не знаю
 7. Чтобы я стал другим, изменился
 8. Чтобы дома был порядок

Характеристика состояния здоровья подростка

88. Нарушения зрения
1. Да
 2. Нет
89. Нарушения слуха
1. Да
 2. Нет
90. Заболевания бронхолегочной системы
1. Да
 2. Нет
91. Заболевания мочевыводящей системы
1. Да
 2. Нет
92. Болезни печени
1. Да
 2. Нет
93. Болезни крови
1. Да
 2. Нет
94. Болезни желудочно-кишечного тракта
1. Да
 2. Нет
95. Нарушение опорно-двигательного аппарата
1. Да
 2. Нет
96. Перенесли хирургические операции
1. Да
 2. Нет

97. Болезни кожи
1. Да
 2. Нет
98. Эндокринологическая патология
1. Да
 2. Нет
99. Заболевания сердечно сосудистой системы
1. Да
 2. Нет
100. Психопатология (наблюдение у психиатра)
1. Да
 2. Нет
101. Неврологическая патология (наблюдение у невролога)
1. Да
 2. Нет
102. Курение
1. Не курит
 2. Редко
 3. Постоянно
103. Употребление алкоголя
1. Не употребляет
 2. Иногда
 3. Часто
104. Употребление наркотических средств
1. Нет
 2. Да
105. Оцените состояние своего здоровья
1. Очень хорошее
 2. Хорошее
 3. Не очень хорошее
 4. Плохое
 5. Очень плохое
- Социально-педагогическая характеристика**
106. Причина постановки семьи на учет
1. Уклонение от воспитания ребенка
 2. Ненадлежащее выполнение родительских обязанностей
 3. Безнадзорность
107. Данные о материальной обеспеченности семьи
1. Выше прожиточного минимума
 2. Ниже прожиточного минимума (малообеспеченная семья)
108. Данные о злоупотреблении матери алкоголем
1. Да
 2. Нет
109. Данные об употреблении матерью наркотических средств
1. Да
 2. Нет
110. Данные о применении матерью физических наказаний подростка
1. Да
 2. Нет

111. Причина постановки подростка на учет
1. Драки (нанесение телесных повреждений)
 2. Грабеж
 3. Хулиганство
 4. Кража
 5. Вымогательство денег
 6. Издевательство над младшими и слабыми
112. Данные о курении подростка
1. Да
 2. Нет
113. Данные об употреблении подростком алкоголя
1. Да
 2. Нет
114. Данные об употреблении подростком наркотических и (или) токсических средств
1. Да
 2. Нет

Результаты экспериментально-психологических исследований

Интегративный тест тревожности (ИТТ)

Результаты исследования матерей

Реактивная тревожность (сырая шкальная оценка)

115. Показатель общей тревожности
116. Эмоциональный дискомфорт
117. Астенический компонент тревожности
118. Фобический компонент
119. Тревожная оценка перспективы
120. Социальная защита

Личностная тревожность (сырая шкальная оценка)

121. Показатель общей тревожности
122. Эмоциональный дискомфорт
123. Астенический компонент тревожности
124. Фобический компонент
125. Тревожная оценка перспективы
126. Социальная защита

Результаты исследования подростков

Реактивная тревожность (сырая шкальная оценка)

127. Показатель общей тревожности
128. Эмоциональный дискомфорт
129. Астенический компонент тревожности
130. Фобический компонент
131. Тревожная оценка перспективы
132. Социальная защита

Личностная тревожность (сырая шкальная оценка)

133. Показатель общей тревожности
134. Эмоциональный дискомфорт
135. Астенический компонент тревожности
136. Фобический компонент
137. Тревожная оценка перспективы
138. Социальная защита

Нервно-психическая неустойчивость – акцентуации (НПН-А)

- 139. Шкала достоверности (сырая шкальная оценка)
- 140. Шкала нервно-психической неустойчивости
- 141. Шкала истерии (эмоциональной лабильности)
- 142. Шкала психастении (тревожности)
- 143. Шкала психопатии (импульсивности)
- 144. Шкала паранойи (ригидности)
- 145. Шкала шизофрении (индивидуалистичности)

Уровень субъективного контроля личности (УСК)

- 146. Интернальность общая (сырая шкальная оценка)
- 147. Интернальность в области достижений
- 148. Интернальность в области неудач
- 149. Интернальность в области семейных отношений
- 150. Интернальность в области производственных отношений
- 151. Интернальность в области межличностных отношений
- 152. Интернальность в области здоровья

Личностный дифференциал (ЛД)Я – реальное матери

- 153. Оценка
- 154. Сила
- 155. Активность

Я – идеальное матери

- 156. Оценка
- 157. Сила
- 158. Активность

Ребенок в реальности по представлениям матери

- 159. Оценка
- 160. Сила
- 161. Активность

Ребенок в идеале по представлениям матери

- 162. Оценка
- 163. Сила
- 164. Активность

Мать (бабушка) в реальности по представлениям матери

- 165. Оценка
- 166. Сила
- 167. Активность

Я – реальное подростка

- 168. Оценка
- 169. Сила
- 170. Активность

Мать в реальности по представлениям подростка

- 171. Оценка
- 172. Сила
- 173. Активность

Подростки о родителях (ПоР)

- 174. Позитивный интерес (POZ) (сырая шкальная оценка)
- 175. Директивность (DIR)
- 176. Враждебность (HOS)
- 177. Автономность (AUT)
- 178. Непоследовательность (NED)
- 179. Фактор близости (POZ/HOS)
- 180. Фактор критики (DIR/AUT)

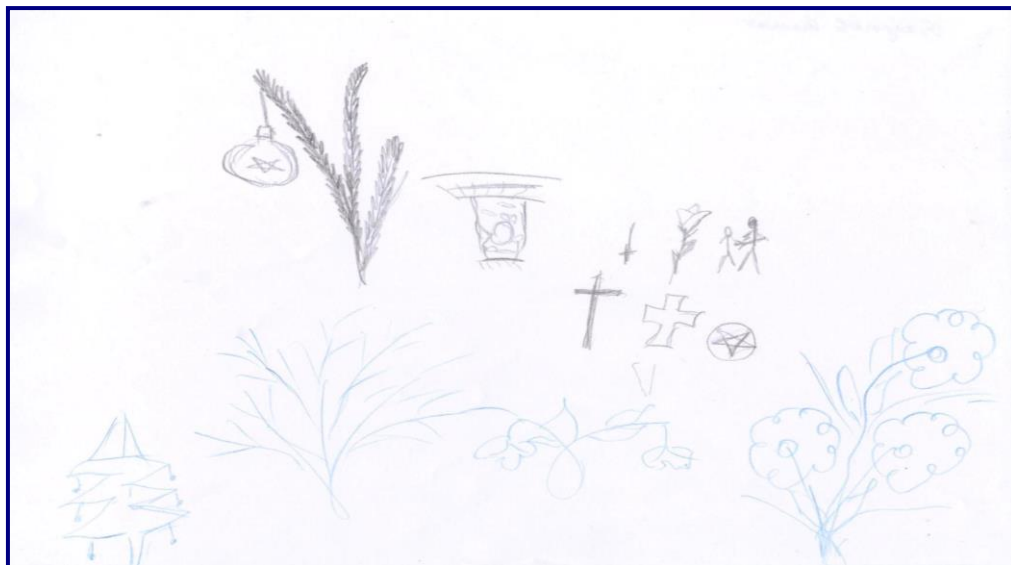
Техника совместного рисованияПроцесс рисования

- 181. Последовательность работы
 - 1. Договариваются
 - 2. Определила мать
 - 3. Определил подросток
 - 4. Спорят, ни один не хочет начинать
- 182. Следование инструкции
 - 1. Следуют оба
 - 2. Нарушает мать
 - 3. Нарушает подросток
 - 4. Нарушают оба
- 183. Наличие зрительного контакта
 - 1. Смотрят друг на друга
 - 2. Мать смотрит на подростка, подросток не смотрит на нее
 - 3. Подросток смотрит на мать, мать не смотрит на него
 - 4. Не смотрят друг на друга
- 184. Особенности взаимодействия
 - 1. Взаимодополнение
 - 2. Мать исправляет рисунок подростка
 - 3. Подросток изменяет тему
 - 4. Изолированное рисование

Результат рисования

- 185. Особенности выбора тематики
 - 1. Вместе развивали сюжет рисунка
 - 2. Основные фигуры изображала мать, подросток дополнял
 - 3. Основные фигуры изображал подросток, мать дополняла
 - 4. Каждый рисовал на свою тему или отрывочные изображения
- 186. Пространственная организация рисунка
 - 1. Пространство листа разделили поровну
 - 2. Большую часть листа заняла мать
 - 3. Большую часть листа занял подросток
 - 4. Большая часть листа осталась незаполненной
- 187. Удовлетворенность выполненным рисунком
 - 1. Нравится обоим
 - 2. Нравится матери, не нравится подростку
 - 3. Нравится подростку, не нравится матери
 - 4. Не нравится обоим
- 188. Рассказ о рисунке
 - 1. Рассказывали оба
 - 2. Рассказывала, в основном, мать
 - 3. Рассказывал, в основном, подросток
 - 4. Не смогли (отказались) рассказать о рисунке

Совместные рисунки матерей и делинквентных мальчиков-подростков

Саша Я., 16 лет. Хулиганские действия, распитие алкогольных напитков.

Выбор цвета: _____ сын, _____ мать.

Процесс рисования:

1. О последовательности работы спорили
2. Оба нарушали инструкцию
3. Не смотрели друг на друга
4. Изолированное рисование

Результат рисования:

1. Отрывочные изображения
2. Пространство разделили поровну
3. Результат не нравится матери
4. Отказались рассказывать о рисунке

Коля М., 15 лет. Издевательство над младшими

Выбор цвета: _____ сын, _____ мать.

Процесс рисования:

1. Последовательность работы определила мать
2. Мать нарушала инструкцию
3. Мать смотрит на сына
4. Изолированное рисование

Результат рисования:

1. Основные фигуры изображала мать
2. Большую часть листа заняла мать
3. Результат не нравится обоим
4. Рассказывала о рисунке мать

Совместные рисунки матерей и социально-адаптированных мальчиков-подростков

Андрей К., 16 лет.

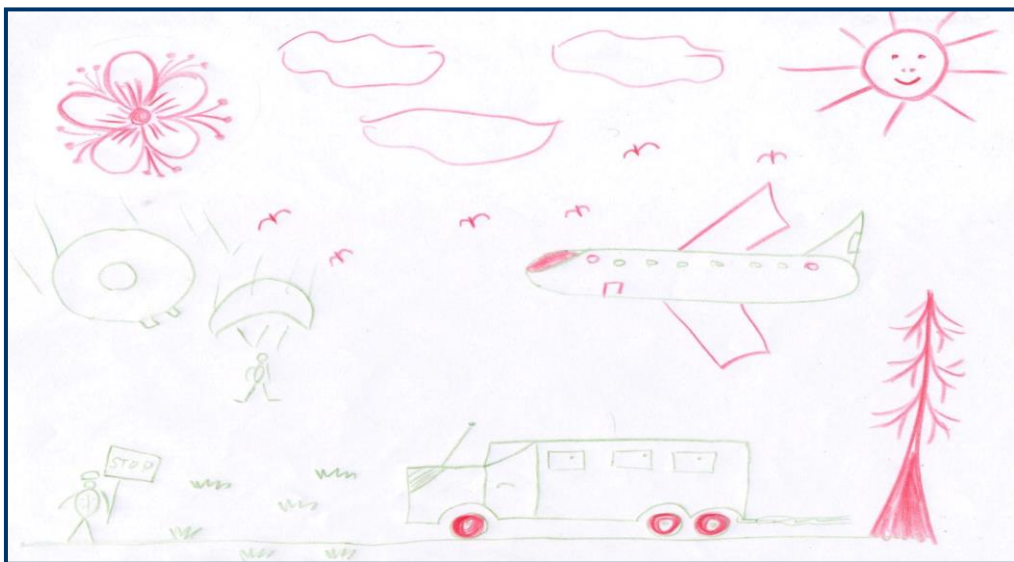
Выбор цвета: _____ сын, _____ мать.

Процесс рисования:

1. Договаривались о последовательности работы
2. Оба следовали инструкции
3. Смотрели друг на друга
4. Взаимное дополнение

Результат рисования:

1. Вместе развивали сюжет рисунка
2. Пространство разделили поровну
3. Результат нравится обоим
4. Рассказывали о рисунке оба

Саша Д., 15 лет.

Выбор цвета: _____ сын, _____ мать.

Процесс рисования:

1. Последовательность работы определил сын
2. Оба следовали инструкции
3. Смотрели друг на друга
4. Сын изменил тему

Результат рисования:

1. Основные фигуры изображал сын
2. Пространство разделили поровну
3. Результат нравится обоим
4. Рассказывали о рисунке оба

Совместные рисунки матерей и делинквентных девочек-подростков

Оля Д., 15 лет. Драки со сверстниками, уходы из дома

Выбор цвета: _____ дочь, _____ мать.

Процесс рисования:

1. Последовательность работы определила мать
2. Мать нарушала инструкцию
3. Мать смотрит на дочь
4. Частичное взаимное дополнение

Результат рисования:

1. Отрывочные изображения
2. Пространство разделили поровну
3. Результат не нравится матери
4. Не смогли рассказать о рисунке

Катя Б., 16 лет. Кража, драки, пропуски уроков

Выбор цвета: _____ дочь, _____ мать.

Процесс рисования:

1. Последовательность работы определила дочь
2. Мать и дочь нарушали инструкцию
3. Смотрят друг на друга
4. Дочь частично дополняет рисунки матери

Результат рисования:

1. Отрывочные изображения
2. Пространство разделили поровну
3. Результат не нравится обеим
4. Отказались рассказывать о рисунке

Совместные рисунки матерей и социально-адаптированных девочек-подростков

Ира К., 16 лет.

Выбор цвета: _____ дочь, _____ мать.

Процесс рисования:

1. Договаривались о последовательности работы
2. Обе следовали инструкции
3. Смотрели друг на друга
4. Взаимное дополнение

Результат рисования:

1. Вместе развивали сюжет рисунка
2. Пространство разделили поровну
3. Результат нравится обоим
4. Рассказывали о рисунке обе

Ксения П., 15 лет.

Выбор цвета: _____ дочь, _____ мать.

Процесс рисования:

1. Последовательность работы определила дочь
2. Обе следовали инструкции
3. Смотрели друг на друга
4. Взаимное дополнение

Результат рисования:

1. Основные фигуры изображала дочь
2. Пространство разделили поровну
3. Результат нравится обоим
4. Рассказывали о рисунке обе

КЛИНИЧЕСКИЙ ПРИМЕР

Ольга Д., 42 года. Образование неполное среднее (8 классов). Материальное положение тяжелое – денег хватает на еду, но не могут покупать вещи. Проживает вдвоем с сыном Олегом (15 лет). Ольга является рабочей (занимается теплоизоляцией труб), что ее полностью устраивает. Увлечений или хобби не имеет, так как очень устает на работе. Формально замужем за отцом своих двоих детей, но муж сейчас с ними не проживает, алименты не выплачивает. Взаимоотношения с мужем Ольга оценивает, как плохие. Взаимоотношения в собственной семье – как не очень хорошие, говорит об отсутствии поддержки со стороны семьи и о том, что собственная жизнь в настоящий момент ей очень не нравится.

Воспитывалась Ольга одной матерью, отца никогда не знала. Говорит, что поддержка от матери бывает не всегда, однако ее влияние на свою жизнь оценивает как высокое. Считает, что мать ждет, чтобы она смогла обеспечить материальное благополучие семьи.

В анкете «Состояние здоровья» Ольга отметила наличие у себя следующих заболеваний: хронический бронхит, нефрит, холецистит. Также она отметила, что не курит, наркотические средства не употребляет, алкоголь употребляет иногда; общее состояние своего здоровья оценивает как не очень хорошее.

По порядку рождения ее сын Олег младший из двоих детей. Со старшей дочерью особых проблем не было. Сейчас старшая дочь проживает отдельно. Рождение Олега не планировалось, но когда Ольга забеременела, то аборт делать побоялась. Патологий при беременности и родах не было. Грудное вскармливание первые недели, затем молоко пропало и далее кормление происходило молочными смесями. Из особенностей детского развития Олега: страх темноты, чрезмерная активность, до расторможенности и драки со сверстниками; начал самостоятельно ходить в 1г.3 мес., говорить – в 1,5 года. Особых проблем с адаптацией в школе не было.

В настоящее время Ольга с сыном общаются редко, так как взаимопонимание бывает не всегда и разговоры часто ведут к конфликтам. Совместных дел нет. Доверять сыну полностью Ольга не может. Когда провинится – наказывает: запрещает гулять, может побить ремнем. О нарушениях поведения сына думает, что агрессивность у него в отца и, если его не посадят в тюрьму, то его будущая жена с ним намучается.

Олег состоит на учете в комиссии по делам несовершеннолетних по причине участия в драках, нанесения телесных повреждений. Его успеваемость в школе удовлетворительная. В интервью Олег говорит, что учиться ему не нравится. Увлечений или хобби у него нет (он никогда не занимался ни в кружках, ни в секциях). В свободное время он гуляет с друзьями. Собственная жизнь Олегу в настоящий момент нравится. О взаимоотношениях с родителями Олег сообщает, что поддержку со стороны матери чувствует всегда, а отца сейчас нет. Степень влияния на него обоих родителей оценивает как низкую. Взаимопонимание с матерью и доверие ей бывают не всегда. Думает, что мать хочет, чтобы он закончил 9 классов, получил аттестат и пошел работать.

Из медицинской карты известно, что у Олега диагностируется заболевания бронхолегочной системы и понижение остроты зрения. Олег сообщает, что иногда курит и употребляет алкоголь. Состояние своего здоровья оценивает как хорошее.

Из интервью социального педагога школы известно, что данная семья состоит на учете в комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав по причине ненадлежащего выполнения матерью родительских обязанностей: Олег неоднократно задерживался на улице в ночное время, он систематически пропускает учебные занятия, во время посещения социальным педагогом семьи обнаруживалось, что мать находится в состоянии легкого алкогольного опьянения. Имеются данные о применении матерью физического воздействия на подростка (била ремнем). Семья является малообеспеченной – имеет доход ниже прожиточного минимума.

Экспериментально-психологическое исследование показало, что по «Интегративному тесту тревожности» у Ольги высокий уровень как ситуационной, так и личностной тревожности (7 и 9 станайнов соответственно). Анализ структурных компонентов личностной тревожности показал высокие значения (9 станайнов) по шкалам «эмоциональный дискомфорт», «социальная защита» и «астенический компонент тревожности». Это свидетельствует об эмоциональной напряженности в сфере социальных контактов в сочетании с общей усталостью, быстрой утомляемостью. По методике изучения нервно-психической неустойчивости и акцентуаций наибольшее значение отмечено по шкале «Импульсивность», что показывает выраженность у Ольги повышенной возбудимости, эксплозивности, снижение поведенческой регуляции, непредсказуемость эмоций и поступков. По методике «Уровень субъективного контроля личности» минимальные значения (1 стень) обнаружены по шкалам общей интернальности, интернальности в области достижений и неудач, что подтверждает поведенческую тенденцию к перекалыванию ответственности за происходящие события на внешние обстоятельства («тяжелая судьба» самой Ольги и «плохая наследственность от отца» у Олега). Изучение особенностей восприятия себя и своего сына в сопоставлении с идеальными образами, а также личности своей матери Ольгой (методика «Личностный дифференциал») показало значительные различия в образах Я-реального и Я-идеального самой Ольги: фактор Оценка - 0,57 и 2,71; фактор Сила - 1,14 и 2,57; фактор Активность - 0,86 и 2,00 соответственно. Можно предположить, что восприятие идеального образа себя как далекого недостижимого позволяет Ольге не предпринимать никаких усилий, направленных на саморазвитие и изменение ситуации к лучшему. В восприятии реального и идеального образа сына также имеются значительные различия: фактор Оценка - 0,0 и 2,86; фактор Сила - 0,57 и 1,43; фактор Активность - 1,29 и 0,29 соответственно. То есть, в идеале Ольга хотела бы видеть своего сына более положительным и сильным, но менее активным, чем он есть, по ее мнению, в настоящий момент; она желает значительных изменений в его личности, что, возможно, ведет к предъявлению завышенных требований и усугубляет конфликтную ситуацию в семье. Собственную мать Ольга представляет как человека слабого (фактор Сила – 0,86) и пассивного (фактор Активность – 0,43), что подтверждает субъективную невозможность получения Ольгой поддержки от своей матери в трудных жизненных ситуациях.

Анализ восприятия Олегом воспитательной практики его матери (методика «Подростки о родителях») показал низкие результаты по шкалам «Позитивный интерес» и «Директивность» и высокие результаты по шкалам «Враждебность», «Автономность» и «Непоследовательность». Данный результат может показывать, что Ольга самоустранилась от воспитания сына с негативным оттенком, что ведет к отчуждению от матери. Непоследовательность в требованиях ведет к дезорганизации. В целом такая воспитательная практика может привести к нарушениям психической адаптации подростка.

В процессе совместного рисования Ольги и Олега последовательность работы определил подросток (сказал матери начинать, и она согласилась), в процессе нарушал правила (разговаривал, пытался указывать матери, что рисовать), пристально смотрел на мать, причем она избегала его взгляда, определил общую тематику рисунка («Солдат едет убивать»). Оба сказали, что рисунок им не нравится. Рассказывал о рисунке только Олег. Анализ взаимодействия показал, что в данной диаде сын стремится к доминированию, мать принимает подчиненную позицию, хотя это ей не нравится.

Таким образом, по результатам клинико- и экспериментально-психологического исследований выявляется риск психической дезадаптации Ольги в связи с выявленными нарушениями соматического (хронические внутренние болезни, алкоголизация), нервно-психического (высокая тревожность, эксплозивность, низкая интернальность, снижение самооценки) и социально-психологического (нарушение взаимоотношений с сыном, отсутствие поддержки в семье, тяжелая материальная ситуация) компонентов системы психической адаптации.